

Вольдемар Балязин

Неофициальная история России

Иван Грозный и воцарение Романовых

Вольдемар Балязин

Книги серии «Неофициальная история России» не похожи на обычные исторические хроники. Автор ввел в ткань повествования самые разнообразные материалы: документы, письма, легенды, проповеди, пословицы и поговорки, сообщения летописей и воспоминания участников событий, а также фрагменты из произведений выдающихся российских и зарубежных историков (их фамилии выделены в тексте курсивом). История страны предстает здесь не как перечень фактов, а как сложные взаимоотношения исторических лиц, чьи поступки, характеры, интриги оказывали прямое воздействие на развитие ситуации, на ход происходившего в стране. Серия состоит из 14 книг и охватывает события с древнейших времен до 1917 года.

В книге «Иван Грозный и воцарение Романовых» освещается период с 30-х годов XVI до первых десятилетий XVII века - от детских лет Ивана Грозного до первых Романовых. Это время великих испытаний для России, когда беды и смуты потрясли самую основу государства. Из этих испытаний Россия вышла окрепшей и закаленной благодаря силе духа, самоотверженности и патриотизму народа.

ПРАВЛЕНИЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ

Начало правления Елены Глинской

Видный современный историк Р. Г. Скрынников так описывает начало правления Елены Глинской: «Молодая вдова, едва справив поминки по мужу, сделала Овчину своим фаворитом. Позднее молва назовет фаворита подлинным отцом Грозного. Но то была пустая клевета на великокняжескую семью. Овчина рано отличился на военном поприще. В крупнейших походах начала 1530-х годов он командовал передовым полком армии. Служба в передовых воеводах была лучшим свидетельством его воинской доблести. Василий III оценил заслуги князя и незадолго до своей кончины пожаловал ему боярский чин, а по некоторым сведениям также титул конюшего, командующего всей дворцовой конницей и старшего боярина думы. На погребение Василия великая княгиня вышла к народу в сопровождении трех опекунов (Василия Шуйского, Михаила Глинского, Михаила Воронцова) и Ивана Овчины – Телепнева-Оболенского. Простое знакомство с послужным списком Овчины убеждает в том, что карьеру он сделал на поле брани, а не в великокняжеской спальне.

Овчина происходил из знатной семьи, близкой ко двору. Родная сестра его – боярыня Челяднина – была мамкой княжича Ивана IV. Перед смертью Василий III передал ей сына с рук на руки и велел „ни пяди не отступить“ от ребенка. Семья Овчины была связана узами родства с опекуном Михаилом Глинским, но родство не предотвратило конфликта».

Василий Иванович умер 4 декабря 1533 года, и в тот же день тело его перенесли в Архангельский собор. Над гробом еще читали псалмы и служили непрерывную панихиду, а уже 6 декабря в соседнем Успенском соборе митрополит Даниил венчал на великое княжение его сына, трехлетнего Ивана. Дивно было слышать, как из разверстых дверей стоящих рядом храмов несутся на Соборную площадь и плач об упокоении души усопшего отца, и радостные голоса певчих, возглашающих многолетие сыну.

И опять испуганно шептались москвичи: виданное ли дело – отца еще не схоронили, а сына уже венчают на царство? И предрекали: много погубленных христианских жизней примет на душу великий князь Иван Васильевич, если надевают на него шапку Мономаха под погребальный звон и заубойные молитвы... И страшная эта примета, как показало будущее, оправдалась с лихвой.

Заговор князей – Дмитровского и Шуйских

Василия Ивановича еще отпевали, а уже всю готовился заговор против его вдовы и приемницы. Как и следовало ожидать, борьбу за великое княжение начали братья покойного – Юрий, удельный князь дмитровский, и Андрей, сидевший на уделе в Старице.

Первым попробовал захватить московский трон Юрий Иванович Дмитровский. Он начал с того, что объявил свою присягу малолетнему Ивану Васильевичу недействительной, ибо бояре московские взяли с него эту клятву силою. Кроме того, вопреки вековым обычаям, ему не дали подписать с Иваном Васильевичем договор и, таким образом, «правды не дали».

Конечно же, попытка мятежа Юрия Дмитровского была поддержана и боярскими силами внутри Москвы. Заводилами этой «замятии» оказались друзья и стародавние союзники Юрия – братья Андрей и Иван Михайловичи Шуйские. Братья Шуйские незадолго перед смертью Василия III попытались отъехать из Москвы в Дмитров, но были «пойманы» и оказались в опале.

Как только Василий III умер, братья Шуйские тут же начали готовить мятеж, но никто из бояр и дворян не поддержал их. Через неделю после смерти Василия Ивановича, 11 декабря 1533 года, Юрий, собиравшийся бежать в Дмитров, был «пойман и посажен в стрельнице – одной из башен Московского Кремля – за сторожи». Такая же участь постигла и Андрея Шуйского, просидевшего «за сторожи» до 1538 года, пока Елена Глинская не умерла.

Почему же Юрий Иванович Дмитровский был «пойман и посажен за сторожи»?

Отвечая на этот вопрос, видный историк В. Б. Кобрин в книге «Иван Грозный» писал следующее:

«Сначала великая княгиня на всякий случай заточила в тюрьму брата Василия III – дмитровского князя Юрия Ивановича. Ему очень хотелось стать самому великим князем. Князя Юрия можно понять. Ведь он был всего на один год моложе Василия III. Долгие годы бездетности старшего брата укрепляли его в надеждах самому занять трон. Почему же государем должен был стать его трехлетний племянник? Почему страной будет править иноземка из Литвы, а не он, такой же сын Ивана III, как и его покойный брат? Боярам и митрополиту пришлось запереть дмитровского князя на замок, пока он не принесет присягу, не поцелует крест своему племяннику. Но такую невольную клятву легко объявить недействительной. В свое время дед Юрия – великий князь Василий Темный, свергнутый своим двоюродным братом Дмитрием Шемякой, – тоже поцеловал крест, что не будет искать великого княжения. Но услужливый игумен Кирилло-Белозерского монастыря „снял“ с него клятву. Потому-то Елена Глинская решила не испытывать судьбу, даже не дала Юрию Ивановичу уехать после похорон в Дмитров, а оставила в Москве. Правда, в тюрьме. Там он и умер через три с половиной года».

Претензии Андрея Старицкого

Когда наступил день поминаения по Василию – сороковины, приехал из Старицы другой брат покойного, Андрей. Он попросил Елену убрать из его городов всех великокняжеских ревизоров и пытчиков, но Елена отказалась сделать это, сказав своему деверю в присутствии Овчины, двух своих братьев, их жен и иных гостей, собравшихся за ее столом:

– Я, Андрей Иванович, сирая вдовица. Государство покойным мужем не мне завещано, а сыну моему, великому князю Ивану Васильевичу.

– Что же, прикажешь мне собственные мои грады и земли у несмышленьша просить?

– Подожди двенадцать лет, пока вступит великий князь в совершенный возраст, тогда и проси. А уж ежели тебе совсем невтерпеж, тогда бей челом боярам, кои оставлены покойным мужем моим блюстителеми государства.

Сорвавшись, князь Старицкий закричал:

– Мне, Рюриковичу и Палеологу, челом бить?! Мой отец и старший брат – последние великие государи всея Руси! Мой дед был византийским императором! И я стану перед Федькой Мишуриным и Васькой Головиным шапку ломать?

И Андрей Иванович, потеряв всякую степенность, побежал из покоев.

У самой двери настиг его насмешливый крик невестки:

– Захочешь именья да пожитков – поклонисься!

А Овчина добавил, будто нож в спину воткнул:

– Император Старицкий – Андрей Палеолог!

Надежда у обиженного Андрея была одна – крамола и заговор. Первым попытался он вовлечь Глинского, которого вскоре после смерти Василия Ивановича обошли Дмитрий Вельский и Федор Мстиславский, да и тех подмял под себя Овчина, ставший и первым боярином в Думе, и конюшим. Однако на сей раз Глинский на сговор не пошел. Тогда Андрей поехал к своему племяннику Дмитрию Вельскому, но и тот его не поддержал.

А два других его племянника – Семен и Иван Вельские – стали союзниками князя Старицкого. К ним вскоре примкнул наместник Новгорода Великого Михаил Семенович Воронцов и напоследок – все же и Глинский с тремя недавно пришедшими на службу в Москву западнорусскими князьями – Ляцким, Воротынским и Трубецким. Они задумали захватить Кремль, когда Овчина с войсками уйдет на Оку встречать татар.

Был назначен и день мятежа – 25 августа 1534 года.

Последняя авантюра Глинского

В книге В. Б. Кобрин «Иван Грозный» так излагаются события, последовавшие за смертью Василия Ивановича:

«Но борьба за власть только начиналась. Василий III, умирая, особенно рассчитывал на Михаила Львовича Глинского. Обращаясь к боярам, он говорил, что, хотя князь Михайло – „человек к нам приезжий“, бояре должны держать его „за здешняго уроженца“, ибо он государю „прямой слуга“. А самому Глинскому напоминал, чтобы он за малолетнего великого князя с братом и великую княгиню „кровь свою пролиал и тело свое на раздробление дал“. Михаил Львович, опытный государственный муж, думал, что пришло его время, что станет он правителем огромной страны. Но иначе думала его молодая племянница, которая, кстати, нашла себе другого советника-боярина – князя Ивана Федоровича Овчину – Телепнева-Оболенского. Поговаривали, что князь Овчина не только советник, но и возлюбленный великой княгини.

Глинский был крайне недоволен, пытался все же добиться власти, вступил в конфликт с племянницей».

Но Овчина был извещен о задуманном, когда шел он стать на берегу Оки против совершавших набеги крымцев, и, повернув часть войск от Серпухова, повел свой отряд к Москве. Действуя быстро и решительно, он арестовал главных заговорщиков. Елена не пощадила никого. Даже родного дядю, Михаила Львовича, велела оковать многопудовыми цепями и надеть на голову тяжкую железную шапку. Ему не давали есть, а воду подносили, чтобы продлить мучения. И он, семидесятилетний страстотерпец, умер 15 сентября 1534 года – на сороковой день после начала казни.

Мятеж Андрея Старицкого

Андрей Старицкий только потому не был среди мятежников, что отъезжал в ту пору в Старицу, но, как позднее писал летописец, «учал на Великого князя и на его мать гнев держати». И когда в конце 1536 года казанский хан Сафа-Гирей двинулся на Муром и Нижний Новгород, князь Андрей против него не выступил, а когда Елена велела ему ехать в Москву, чтобы дать за это ответ, то, сказавшись больным, в Москву не поехал. Но после того как к нему прибыл князь Борис Щепин-Оболенский и потребовал выступления старицких полков с воеводами к Коломне, Андрей приказ Елены выполнил и оказался из-за этого сильно ослабленным. Он понял, что допустил ошибку, однако замысла о мятеже не оставил и решил привлечь на свою сторону Новгород Великий, предлагая себя новгородцам в князья. Однако Андрей просчитался: новгородцы крепко держались Москвы, и даже более того: как раз в этот момент новгородские полки должны были выступать на московскую службу. Андрей Старицкий, поняв, что ход событий движется против него, забрал жену и детей и выехал в Торжок. Он еще надеялся на то, что его обещания «жалования» Новгороду сыграют свою роль, однако пока «прелестные грамоты» старицкого князя шли в Новгород, в Москву прилетели сообщения о его измене. Овчина тотчас же пошел к Старице, чтобы «поймать» переметчика, а князь Никита Оболенский быстро пошел к Новгороду, чтобы воспрепятствовать мятежнику засесть за его стенами.

Да и сами новгородцы не только не поддержали князя Андрея, но и вышли с войсками ему навстречу на подмогу московской рати.

Не оказали содействия Андрею и его собственные воеводы, стоявшие у Коломны, а те, кто отправился с ним в поход, убежали из его войска один за другим. Осталась, по словам летописца, лишь малая кучка его сторонников, которые «упилися безумьем своим яко пьяни».

Старицкий князь проиграл. Овчина – Телепнев-Оболенский, выведший навстречу мятежному князю московские войска, «поцеловал крест», что «вулос не упадет» с головы Андрея Ивановича, если он добровольно приедет в Москву. Удельный князь поверил. В Москве Елена Глинская разыграла удивление: как мог боярин Иван Овчина дать такое обещание сам, «с великим князем не обослався», для виду даже наложила на него опалу. А Андрея Старицкого бросили в темницу, где он и умер «страдальческою смертью» через полгода точно так же, как и Глинский, «под шляпою железной». А более тридцати новгородцев, примкнувших к мятежу, были повешены вдоль дороги из Москвы в Новгород. Но и Елена Васильевна, погубившая своего дядю и двух братьев покойного мужа, прожила после этого меньше года: она внезапно заболела какой-то нераспознанной и неизлечимой болезнью и 3 апреля 1538 года умерла.

Сразу пошел слух, что тридцатилетнюю великую княгиню отравили, что она стала жертвой боярского заговора. Однако даже сын ее Иван IV, впоследствии губивший тысячи невинных и подозревавший всех и вся, ни разу не обвинил никого в скоропостижной смерти матери. Причина смерти ее остается неизвестной и сегодня.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ

В оценке личности Ивана Грозного вся русская историография разделилась на два противоборствующих лагеря – его противников и его сторонников.

В дореволюционной историографии, начиная с трудов Николая Михайловича Карамзина, царствование Грозного объявлялось эпохой полного произвола безумного деспота, а советская историография в угоду Сталину, который видел в Грозном образец для себя, объявляла Ивана IV прогрессивным государственным деятелем, создателем могучего, централизованного государства. Мы постараемся представить здесь разные точки зрения, давая возможность вам, уважаемые читатели, определить свое отношение к эпохе и личности Ивана Грозного.

Царь Иван о своем детстве

После внезапной кончины Елены Васильевны жизнь царского двора проходила в борениях и интригах, в арестах и заговорах, в казнях и опалах. Шел год за годом, а маленький Иван рос и мужал, горевал, когда увезли его «мамку» – сестру Овчины, боярыню Челяднину, – страдал, узнав, что Овчина в тюрьме, и негодовал, увидев, как один из Шуйских валялся на кровати его отца, не сняв сапог.

Так Иван еще ребенком познал, что такое боярское правление.

В 1551 году, когда Ивану IV шел двадцать первый год, в Москве заседал церковный собор с участием царя и Боярской думы. Этот собор вошел в историю под названием «Стоглавого», так как принял решения, поделенные на сто глав.

В третьей главе сборника соборных решений, который назывался «Стоглав», сохранилось «Рукописание» царя к собору, в котором Иван IV так рассказывает о своем детстве:

«Бояре и вельможи, верные моему отцу и любимые им, делали передо мною вид, что мне желают добра, на самом же деле были заняты только тем, что усиливали собственное самовластие. И как омраченные умом, дерзнули поймать и убить братьев моего отца, и когда вспоминаю их насильственную смерть и жестокие мучения, весь обливаюсь слезами и прихожу в покаяние и прошу у них прощения за юность мою и поведение. И после смерти дядьев моих вскоре умерла и мать моя. И отсюда постигла нас горькая скорбь: мне сиротствующему, а царству вдовствующему. И из-за этого бояре наши улучили себе время и сами овладели всем царством, не позволяя никому делать ничего неугодного.

И моим грехом, и сиротством, и молодостью были допущены междуусобные беды и зло».

Обратите внимание: обвиняя во всех бедах бояр, Иван ни словом не обмолвился о вине Елены, по приказу которой были убиты его дядья Юрий и Андрей.

В. О. Ключевский о детстве Грозного

Теперь позвольте предложить вам несколько небольших фрагментов о детстве будущего грозного царя из сочинений В. О. Ключевского, Д. И. Иловайского, а также ознакомить с письмом Ивана Грозного, написанным им 25 лет спустя своему бывшему другу князю Андрею Курбскому. В числе источников взяты «Курс русской истории» В. О. Ключевского; «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским».

В. О. Ключевский писал: «От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум. Но обстоятельства, среди которых протекало детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неестественное болезненное развитие. Иван рано осиротел. Он с детства видел себя среди чужих людей. В душу его рано и глубоко врезалось и на всю жизнь сохранилось чувство сиротства, брошенности, одиночества, о чем он твердил при всяком случае: „Родственники мои не заботились обо мне“. Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Как все люди, выросшие среди чужих, без отцовского призора и материнского привета, Иван рано усвоил себе привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь. Это развило в нем подозрительность, которая с годами превратилась в глубокое недоверие к людям. В детстве ему часто приходилось испытывать равнодушие и пренебрежение со стороны окружающих. Он сам вспоминал после в письме к князю Курбскому, как его с младшим братом Юрием в детстве стесняли во всем».

А вот как описывал свое детство сам Иван в письме к Андрею Курбскому: «Остались мы с почившим в бозе братом Георгием круглыми сиротами – никто нам не помогал; оставалась нам надежда только на Бога, и на Пречистую Богородицу, и на всех святых молитвы, и на благословение родителей наших. Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний – получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили! Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца, и воевод перебили! Дворы, и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери перенесли в Большую казну, при этом неистово пиная ногами и тыча в них палками, а остальное разделили.

Тем временем князь Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и таким образом воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея Старицкого, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Вельского и многих других заточили в разные места; и на церковь руку подняли: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единокровным братом моим, в бозе почившим Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков.

Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не взглянет – ни как родитель, ни как опекун, и уж совсем ни как раб на господ.

Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные бесчисленные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что

же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалованье, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; а бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние...»

Ключевский, прочитавший это письмо, замечал: «Горечь, с какою Иван вспоминал об этом 25 лет спустя, дает почувствовать, как часто и сильно его сердили в детстве. Но в обстановке, в какой шло его детство, он не всегда мог тотчас и прямо обнаружить чувство досады или злости, сорвать сердце. Эта необходимость сдерживаться, дуться в рукав, глотать слезы питала в нем раздражительность и затаенное, молчаливое озлобление против людей, злость со стиснутыми зубами. К тому же он был испуган в детстве. В 1542 г., когда правила партия князей Вельских, сторонники князя И. Шуйского ночью врасплох напали на стоявшего за их противников митрополита Иоасафа. Владыка скрылся во дворце великого князя. Мятежники разбились окна у митрополита, бросились за ним во дворец и на рассвете вломились с шумом в спальню маленького государя, разбудили и напугали его.

Безобразные сцены боярского своеволия и насилия, среди которых рос Иван, были первыми политическими его впечатлениями. Они превратили его робость в нервную пугливость, из которой с годами развилась склонность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется страхом с великими глазами. Вечно тревожный и подозрительный, Иван рано привык думать, что окружен только врагами, и воспитал в себе печальную склонность высматривать, как плетется вокруг него бесконечная сеть козней, которою, чудилось ему, стараются опутать его со всех сторон. Это заставило его постоянно держаться настороже; мысль, что вот-вот из-за угла на него бросится недруг, стала привычным ежеминутным его ожиданием. Всего сильнее в нем работал инстинкт самосохранения. Все усилия его бойкого ума были обращены на разработку этого грубого чувства».

Братья Шуйские, оказавшись у власти, вместе со своими верными им родственниками и сторонниками, стали пользоваться ею бесконтрольно и безжалостно, отправляя своих противников на виселицу и на плаху.

Конец их произволу пришел совершенно неожиданно: 16 сентября 1543 года тринадцатилетний Иван поехал по подмосковным монастырям и в конце декабря вернулся в столицу. За время этого продолжительного путешествия сопровождавшие его бояре и слуги рассказали великому князю, какие бесчинства и произвол чинят Шуйские, и Иван, возвратившись в Москву, велел своим псарям схватить Андрея Шуйского и обезглавить, что и было ими сделано прямо в Кремле без всякого промедления. Тут, по замечанию летописца, «начали бояре от государя страх имети и послушание».

И страх этот с самого начала был настолько велик, что обезглавленное нагое тело Андрея Шуйского два часа валялось на земле у Курятных ворот, и никто не смел подобрать его.

Так закончилось детство будущего великого тирана и наступила юность, которая ничуть не противоречила его детству: точнее, юность еще более сильно выявила в характере Ивана жестокость, необузданность всех омерзительных страстей и все иные дурные свойства его характера.

Юность Ивана IV

С этого времени начинается бесконечная череда казней, закончившаяся лишь через сорок лет, когда главный их виновник – Иван Грозный – умер.

Началось с того, что летом 1546 года пятнадцатилетний Иван стоял с войском у Коломны, ожидая набега крымской орды. Однажды он выехал из лагеря и увидел, как к нему приближается полсотни пищальников, крича, что они из Новгорода и хотят подать ему челобитную. Иван велел страже отогнать их, но новгородцы вступили в бой со стражей.

Иван ускакал в свою ставку. Пищальников разогнали, арестовав полтора десятка зачинщиков. Виновными в этой «замятне» были братья-воеводы Федор и Василий Воронцовы, князь Иван Кубенский и конюший Иван Петрович Федоров. Воронцовым и Кубенскому отрубили головы. После казни Иван IV надел саван и ходил на ходулях вокруг эшафота: считалось, что если такой ритуал будет проделан, то человек, исполнивший его, никогда не умрет насильственной смертью.

Конюшего же Федорова отодрали кнутом и сослали на Белоозеро.

Чрезвычайная жестокость была рано подмечена в характере Ивана.

Рано проявилась и другая склонность порочного отрока – любострастие. Еще в 1543 году посланник тринадцатилетнего Ивана к польскому королю Сигизмунду Борис Иванович Сукин должен был сказать: «Государь наш, великий государь Иван, Божию милостью в мужеский возраст входит, а ростом совершенночеловека уж есть, аз Божьей волею помышляет уж брачный закон принять».

Как только Иван познал первую радость плотской любви, приспешники стали наперебой поставлять ему «гулевых девиц», из-за чего мимолетные любовницы менялись у сластолюбивого отрока чуть ли не каждый день. Историк С. Д. Горский утверждал, что за четыре года до свадьбы Иван познал несколько сот девиц, искушенных в блуде и старавшихся завлечь царя наигранной страстью и большой опытностью в любовных утехах.

И поэтому, когда в послании к архимандриту и монахам Кирилло-Белозерского монастыря Иван называл себя «смердящим псом и нечистым и скверным душегубом, живущим в пьянстве, блуде, убийстве, разбое, в ненависти, во всяком злодействе», он ничуть не преувеличивал и не сгущал красок, характеризуя себя таким образом.

Царь и великий князь

Именно так назвал одну из глав в своей книге «Иван Грозный» В. Б. Кобрин. И здесь название ее и текст будут сохранены.

«С конца 40-х годов XVI века Иван IV переходит уже к самостоятельному правлению. В те времена люди выросли куда раньше, чем сейчас. Мужчина становился совершеннолетним в 15 лет. До этого возраста юный феодал был еще „недорослем“, т. е. подростком, а к 15 годам он, как тогда говорили, „поспевал“ к службе и становился „новиком“. Через год после совершеннолетия, в 16 лет, Иван Васильевич собрал бояр и сообщил, что хочет жениться. Привести жену „из ьного государства“ ему кажется неверным, так как он опасается не сойтись с иностранкой характерами („нечто норовы будут разные“), а потому решил взять себе жену „в своем государстве“. Должно быть, великий князь считал, что жену из своих подданных легче, чем иноземку, отправить в монастырь, если вдруг „норовы будут разные“. Бояре и митрополит, по словам летописи, которая часто изображает их людьми сентиментальными, даже всплакнули от умиления („от радости заплакаху“), что государь хоть и молод, а уже сам догадался жениться. Но государь порадовал своих слушателей еще одним сообщением: он желает „наперед своей женитвы поискати прежних своих прародителей чинов“. Конкретно же речь шла о том, чтобы принять новый титул.

Почему Иван IV прародительским чином называл титул царя, которого на самом деле не носили его предки? Ведь все они были лишь великими князьями, только иногда, не столь в официальных документах, сколь в публицистике, их для пущей торжественности именовали царями. Причина состоит в том, что особое уважение к старине, традиции характерно для средневековой идеологии. Основанием же была популярная легендарная повесть „Сказание о князьях Владимирских“. В ней рассказывалось, что византийский император Константин Мономах (византийских императоров на Руси называли царями), родной дед киевского князя Владимира Всеволодича Мономаха, прислал внуку свой царский венец – „шапку Мономаха“ и все права на царский титул. Нужды нет, что тот головной убор, который называли шапкой Мономаха, на самом деле – золотая тибетейка среднеазиатской работы, опущенная сободем и увенчанная уже в Москве крестом, как полагают, подарок хана Узбека Ивану Калите.

Вряд ли 16-летний Иван IV сам был инициатором принятия царского титула. В его окружении важную роль играл митрополит Макарий, один из самых образованных людей России того времени. Он активно участвовал во всей государственной деятельности в 40-е и 50-е годы. Поднять авторитет государя при помощи нового титула, должно быть, стремились и его родственники – Глинские.

Принятие царского титула было очень важно. Само слово „царь“ происходит от латинского термина „цезарь“, который из личного имени Кая Юлия Цезаря постепенно превратился в составную часть императорского титула. Потому-то на Руси и называли царями императоров Византии, называли так и ханов Золотой Орды, а затем и выделившихся из ее состава ханств. Естественно, „великий князь“ казался стоящим ненамного выше просто князя, тем более что среди служивших Ивану IV бояр-князей было немало сыновей и внуков великих князей же (ярославских, суздальских и т. п.). Великий князь мог еще восприниматься как первый среди равных. Царь – резкое выделение из ряда, принципиально иной титул. В Византии императоры фактически возглавляли церковь. В произведениях византийских богословов и проповедников, провозглашенных „святыми“, „отцами церкви“, немало места уделено поучениям о том, что нужно почитать царя и воздавать ему честь. Эти

поучения теперь как бы автоматически переходили на личность государя всея Руси.

Важную роль играл царский титул в международных отношениях. Ведя переговоры с Казанским, Крымским или Астраханским ханствами, русский государь выступал теперь с тем же титулом, что и его партнеры. В сношениях с Западной Европой титул царя был не менее важен. Титул „великий князь“ обычно переводили словами „принц“ или „герцог“, иногда – с добавлением определения „великий“. Но оба эти титула ниже королевского, не говоря уже об императорском. Слово же „царь“ либо оставляли непереуведенным, либо передавали как „император“».

П. И. Ковалевский о венчании Грозного на царство

Предлагаем вашему вниманию фрагмент из книги «Иоанн Грозный», принадлежащей перу выдающегося русского психиатра, профессора П. И. Ковалевского, оставившего нам серию блестящих исследовательских очерков, героями которых были исторические деятели.

Причем П. И. Ковалевский, прекрасно владевший фактологией, подходил к анализу своих героев как врач-психиатр, принимая во внимание прежде всего их наследственность, анатомо-физиологические и психиатрические характеристики.

Итак, мотивируя венчание на царство Ивана Грозного и принятие им царского титула, П. И. Ковалевский писал: «Начитавшись историй Священного писания, греческих и римских историй, Иоанн захотел быть на Московском престоле тем же, чем Давид и Соломон на Иерусалимском, Август, Константин и Феодосий на римском, чем были ассирийские цари, вавилонские цари и проч. и проч.».

Такому желанию царя найдены были многочисленные исторические доводы и основания. Уже прежде московские властители считали себя преемственно царями, с одной стороны, потому, что заступали для Руси место ханов Золотой Орды, которых русские в течение веков привыкли называть царями, а с другой – потому, что считали себя по женской линии преемниками византийских императоров, титул которых переводился словом «царь».

Кроме того, измышлено было сказание, что византийский император Константин IX Мономах прислал внуку своему Владимиру Мономаху царский венец, который, равно как и бармы и цепь, был возложен на Владимира Мономаха епископом Ефесским. Сказание передает далее, что Владимир Мономах завещал эти регалии сыну своему Георгию и приказал передавать их из поколения в поколение до тех пор, пока не воздвигнет Бог на Руси достойного самодержца.

Таким самодержцем и явился Иоанн.

16 января 1547 года митрополит Макарий венчал Иоанна на царство шапкою, бармами и цепью Мономаха.

Измышлено было и другое сказание по этому поводу. Якобы брат римского императора Августа Октавиана – Прус – переселился в Литву. Рюрик, Синеус и Трувор, по этому сказанию, являлись прямыми потомками брата Августа Октавиана – Пруса, тем самым и все предки Ивана, и он сам происходили от цезарского рода Августа.

Константинопольский патриарх Иосиф утвердил этот царский титул грамотою, подчеркнув в ней: «Не только предание людей достоверных, но и самые летописи свидетельствуют, что нынешний властитель московский происходит от незабвенной царицы Анны, сестры императрицы Багрянородного, и что митрополит ефесский, уполномоченный для того собором духовенства византийского, венчал российского великого князя Владимира на царство».

В народ пущен был слух, что сим исполнилось пророчество апокалипсиса о шестом царстве, которое и есть российское царство.

Наконец, летописи отметили: «Смирились враги наши, цари неверные и короли нечестивые. Иоанн стал на первой степени державства между ними».

Все эти апокрифы не имели бы никакого значения, если бы не одно обстоятельство во всем этом деле, имеющее более серьезный смысл, чем можно думать. Дело в том, что обо всех этих преданиях Иван, наверное, знал. Мало того, он в них искренне верил и считал их непреложными фактами. Хотя у нас нет на это исторических доказательств, есть основание предполагать подобное, поскольку лица с неустойчивою нервной системой и дегенераты имеют характерную особенность: подобные фантастические рассказы они не только

принимают за факты, но и относят эти рассказы к своей собственной личности. У этих людей, если позволительно так сказать, нет чувства действительности, и они лишены способности проводить грань между правдою и вымыслом, между возможным и фантазией. Мало того, нередко они сами измышляют какую-либо фантастическую историю и затем настолько глубоко бывают убеждены в ее правдивости и действительности, что готовы за нее положить голову на плаху.

Чрезвычайно метко охарактеризовал Иоанна К. С. Аксаков: «Натура Иоанна влекла его от образа к образу, от картины к картине, – и эти картины любил он осуществлять себе в жизни. То представлялась ему площадь, полная присланных от всей земли представителей, – и царь, сидящий торжественно под осенением крестов, на лобном месте и говорящий народу речь. То представлялось ему торжественное собрание духовенства, и опять царь посредине, предлагающий вопросы. То являлась ему площадь, установленная орудиями пытки, страшное проявление царского гнева, гром, губящий народы... и вот ужасы казней московских, ужасы Новгорода... То являлся перед ним монастырь, черные одежды, посты, покаяния, труды и земные поклоны, картина царского смирения, – увлеченный ею, он обращал и себя и опричников в отшельников, а дворец свой в обитель...»

Иоанн, читая исторические сказания о царях вавилонских, ассирийских, византийских и римских, проникся горячим желанием стать столь же могущественным и славным царем, как и его знаменитые исторические предшественники. Нашлись люди, которые изложили ему апокрифы, могли найтись и такие, которые были не прочь и присочинить их, – и из всего этого создалась история венчания на царство.

Так мы себе можем представить ход мыслей при развитии плана в уме Иоанна относительно венчания на царство. Уж слишком слабы и шатки все вышеуказанные апокрифы, чтобы на них строить серьезное государственное здание. Человек с крепким умом не считал бы необходимостью прибегать к столь слабым историческим доводам. Напротив поступит человек с болезненно развитой фантазией и воображением, одерживающим перевес над разумом. Такой человек искренне верит апокрифам, он их исповедует как истину, переносит в жизнь и старается осуществить их на деле.

Иоанн был именно таким лицом, поэтому он и захотел привести к бытию свои фантастические планы о царском титуле, царском венчании, венце и бармах...

А сказал самодержец: да будет! И бысть.

Анастасия Романовна – первая жена Грозного

16 февраля 1547 года, завершив древний обряд выбора невесты из многих сотен претенденток, Иван сыграл свою первую свадьбу. Его женой стала Анастасия Романовна Захарьина – дочь окольного Романа Юрьевича, чьи потомки стали впоследствии носить фамилию Романовых и под этой фамилией три века занимали российский царский, а затем и императорский престол.

Теперь придется вспомнить, что у Юрия Захарьевича и жены его Ирины Ивановны, урожденной боярыни Тучковой, было шесть сыновей и две дочери. Из сыновей же более прочих прославился второй – Михаил, которого умирающий Василий III оставил среди опекунов своей вдовы и сирот, и четвертый – Роман, вошедший в историю России из-за того, что именно его потомки – трое сыновей и три дочери – носили фамилию Романовых.

Как раз младшая дочь Романа Юрьевича Захарьина-Юрьева, Анастасия Романовна, носившая по отцу родовое имя Романовой, и стала женой царя Ивана.

Вот как анализировал этот сюжет уже знакомый нам П. И. Ковалевский: «Спустя четыре недели Иоанн женился на Анастасии Захарьиной, которая, помимо красоты, отличалась целомудрием, смирением, набожностью, чувствительностью, благостью и основательным умом».

Однако и искренняя любовь к добродетельной супруге не могла укротить души Иоанна, пылкой и беспокойной, стремительной к порывам гнева и приученной к шумной праздности и к шумным и неблагочинным забавам.

«Он любил показывать себя, – говорит Карамзин, – царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей, играл милостями и опалами; умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы показать свою независимость... Никогда Россия не управлялась хуже: Глинские, подобно Шуйским, делали что хотели именем юного государя; наслаждались почестями, богатствами и равнодушно смотрели на неверность частных властителей».

Государева «медвежья потеха»

Анастасия своею кротостью и прочими прекрасными качествами сумела на первое время смягчить нрав своего венценосного супруга, однако ненадолго. Историк С. Д. Горский, повествуя о первых месяцах их супружества, приводит факты, свидетельствующие о неискоренимой, маниакальной жестокости Грозного. Он писал, что однажды Ивану Васильевичу захотелось повеселиться по-прежнему и он велел пригнать перед свои очи мужиков для его государевой потехи. Тогда тотчас же царские слуги помчались на постоянные дворы, где останавливались челобитчики, приходившие в Москву искать правды в судах да в приказах. Слуги говорили челобитчикам:

– Государь Великий, царь всея Руси Иоанн Васильевич пожаловал вас, рабов его, милостью: велел вам явиться перед его светлые царские очи, чтоб могли вы, холопишки его, челобитные свои государю подать.

Ходоки с радостью бросались к саням и мчались в Кремль.

Их проводили к Красному крыльцу, возле которого стояли стрельцы с бердышами и копьями. Челобитчиков ставили перед крыльцом, и те стояли на коленях, ожидая государя.

В это время на самом верху крыльца устанавливали большое красивое кресло с высокой спинкой, и тут же в богатой, крытой бархатом шубе вышел из покоев государь. Государь, улыбаясь, ласково кивал головой и, махнув платком, опустился в кресло.

Челобитчики ликовали: ласков государь да милостив, тотчас же разрешит дела по правде-истине и справедливости.

Вдруг, к их изумлению, стрельцы быстро встали вокруг них. На нижних ступенях Красного крыльца появился богато одетый царский слуга и громко произнес:

– Великий государь, царь всея Руси Иоанн Васильевич жалует вас, холопишек своих, игрой перед его светлыми очами.

Хотя челобитчики слышали все, но ровным счетом не понимали: «Что за милость? Что за игра?»

Да враз прозрели: прямо к ним, сквозь строй расступившихся стрельцов, царские псары и конюхи вели на цепях, продетых сквозь ноздри, трех огромных медведей. Введя зверей в круг, поводыри тут же выпустили цепи из рук и нырнули за спины стрельцов, вновь сомкнувших кольцо и оцетинившихся бердышками и копьями.

Стоявшие на коленях мужики, опасливо оглядываясь на трех свирепых медведей и на поводырей, державших их на цепях, все же больше смотрели на государя и видели, как сверкают его очи и как пятна румянца выступают на его щеках. Заметили мужики, что и поводыри остановились и, замерев, не сводили с государя глаз.

Государь махнул платком, и вдруг поводыри отпустили из рук цепи, и медведи ринулись на стоявших на коленях просителей.

Кое-кто из челобитчиков успел вскочить на ноги и побежать к стрельцам, но те отбрасывали их к медведям копьями и бердышками, а кое-кто так и не успел встать с колен.

Дальше челобитчики уже ничего не помнили: медведи катали их по снегу, грызли и рвали, сдирали с голов скальпы. Слышался только хруст костей и придушенные вопли несчастных... И над всем этим – безумный смех юного государя...

Через четверть века, желая оправдать свою жестокость над беззащитными подданными, Иван писал князю Андрею Курбскому, бежавшему перед тем к враждебному польскому королю: «Что же до игр, то устраивал я их для того, чтобы он (народ) нас, своих государей, признал, а не вас, изменников, подобно тому как мать разрешает детям забавы в младенческом возрасте, ибо когда они вырастут, то откажутся от них сами или по советам

родителей, к более достойному обратятся, или подобно тому как Бог разрешил евреям приносить жертвы – лишь бы Богу приносили, а не бесам».

И здесь Иван лукавит, объявляя «потеху» делом, угодным народу и даже – богоугодным.

Пожар в Москве весной 1547 года

Снова во дворце появились непотребные девки, причем многие пришли к царю по своей воле, чтобы снискать его милости и расположение к своим близким, ибо были среди них дочери, и племянницы, и сестры добродетельных людей – стольников, окольничих, даже князей и бояр. Анастасия впала в немилость. Царь изредка допускал ее к себе и редко исполнял ее просьбы.

11 апреля 1547 года Анастасия попросила принять на службу во дворец своего родственника Василия Захарьина, и муж, почему-то рассмеявшись, согласился принять его завтра же.

На следующий день Иван велел быть Анастасии к столу, и она пришла, не увидев за столом ни одной женщины, зато сразу же усмотрела в углу столовой палаты одинокую фигуру в дурацком наряде и колпаке с бубенчиками.

Шут стоял, опустив голову и закрыв руками лицо.

– Васька Захарьин! – крикнул Иван шуту. – Подойди к столу, поблагодари царицу за милость. Это она упростила меня взять тебя на службу.

Шут, подойдя, произнес:

– Спасибо тебе, матушка-царица! Пожаловала и превозвысила ты и меня, и весь наш род. Однако же и ты, и сам государь зло горазды шутить, и вам бы обоим пристало шутами быть.

Анастасия лишилась чувств, а Василий Захарьин сразу же после обеда был выставлен один на один против свирепого медведя и умер в мучениях, растерзанный голодным зверем.

Слух о происшедшем в тот же день вылетел за стены Кремля, и когда назавтра, 12 апреля, вспыхнул в Москве пожар, его сочли за наказание Господне, ибо преступление было и кощунственным, и ужасным, и столь же ужасной должна была быть и кара небесная.

Так оно и случилось: этот пожар оказался страшнее всех других. Вся Москва, горевшая два месяца, превратилась в пепел и прах.

Вот какие подробности о пожаре приводит в книге «Из истории Москвы» В. В. Назаревский: «Весною, 12 апреля, выгорела часть Китай-города, примыкавшая к Москвореке. Одна крепостная башня, служившая пороховым складом, взлетела на воздух с частью китайской стены. Затем, 20 апреля, выгорела часть посада около устья Яузы, на Болвановке, где жили кожевники и гончары. 21 июня вспыхнул новый, еще не виданный с изначала Москвы пожар. Он пошел от Воздвиженья на Арбат и сжег все Занеглименье. Поднявшаяся буря погнала отсюда огонь на Кремль: там загорелся верх Успенского собора, крыша царских палат, двор царской казны. Благовещенский собор с его драгоценными иконами греческого и русского письма (Андрея Рублева), митрополичий двор и царская конюшня.

Погорели монастыри – Чудов и Вознесенский, и погибли все боярские дома в Кремле. Одна пороховая башня с частью стены взлетела на воздух. Пожар перешел в Китай-город и истребил оставшееся от первого пожара. На Большом посаде сгорели: Тверская, Дмитровка до Николо-Грачевского монастыря, Рождественка, Мясницкая до Флора и Лавра, Покровка до не существующей теперь церкви св. Василия, со многими храмами, причем погибла масса древних книг, икон и драгоценной церковной утвари.

Около двух тысяч народу сгорело живьем, митрополит Макарий едва не задохся от дыму в Успенском соборе, откуда он своими руками вынес образ Богородицы, написанный святителем Петром. Владыка, в сопровождении протопopa Гурия, несшего Кормчую книгу – свод правил и законов, определявших церковную жизнь, взобрал на Тайницкую башню, охваченную густым дымом. Макария стали спускать с башни на канате на Москворецкую набережную, но тот оборвался, и владыка так ушибся, что едва пришел в себя и был отвезен

в Новоспасский монастырь. Царь с семьей и боярами уехал за город, в село Воробьево.

Интрига пустила в народ молву, будто Москва сгорела от Глинских, родственников царя. Бабка его, княгиня Анна, будто разрывала могилы и из покойников сердца вынимала, высушив их, толкла, порошок сыпала в воду, а тою водою, ездя по Москве, улицы кропила, от того-де Москва и сгорела. В городе начались народные волнения».

П. И. Ковалевский о событиях 1547 года

А вот что пишет о дальнейших событиях, произошедших в Москве, уже известный вам П. И. Ковалевский: «Бояре, недовольные правлением Глинских, воспользовались случаем свергнуть правителей. Средством для этого они избрали бунт черни. В народе пустили молву, что пожар произвели Глинские. Донесли об этом и царю. Царь назначил произвести дознание.

Розыск дела совершался так: на Кремлевскую соборную площадь собрали чернь и начали спрашивать: кто зажигал Москву? Народ, видимо, заранее подготовленный, завопил, что это княжна Анна Глинская со своими детьми волховала и, благодаря этому волшебству, сгорела Москва. Бывший при этом Юрий Глинский, видя недоброе дело и желая спасти себя, укрылся в церковь Успения; но чернь извлекла его оттуда и, убивши, покинула на лобном месте. Засим имущество Глинских было разграблено, и все их слуги и дети боярские были убиты.

Княжна Анна Глинская, бабка государя, вместе с сыном своим Михаилом, находилась в то время в ржевском своем имении. Чернь, не насытившись кровью Юрия Глинского и его слуг, явилась во дворец к Иоанну, требуя от него выдачи бабки его Анны Глинской и Михаила Глинского, якобы схороненных царем в своей опочивальне.

Иоанн потрясен был беспредельно. Еще недавно удовлетворенный в своих идеях величия, он был растерян и бессилен при виде целого ряда ужасов и бед. Бунт псковитян (так, по крайней мере, он понимал искание правды псковитянами у своего царя, при одержимости последнему идеями преследования), пожар в Москве, еще пожар в Москве, падение колокола-благовестника, уничтожение Москвы новым пожаром, бунт черни, убийство Глинских и, наконец, последняя протодержзость – требование от царя выдачи его родных, – все это могло потрясти и не такого человека, как нервный и душевнобольной Иоанн.

В эту-то пору внутреннего трепета, душевного потрясения и умственного бессилия является глас Божий в лице иерея Сильвестра. „Сильвестр явился к Иоанну с поднятым угрожающим перстом, с видом пророка и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над головою царя легкомысленного и злострасного; что огонь небесный испепелил Москву, что сила Вышнего волнует народ и льет фиал гнева в сердца людей. Раскрыв святое писание, сей муж указал Иоанну правила, данные Вседержителем сонму царей земных. Он заклинал его быть ревностным исполнителем сих уставов, потряс душу и сердце, овладел воображением и умом юноши“ (Карамзин)».

Поп Сильвестр

Возникновение Сильвестра рядом с царем, его бесстрашная речь, полная угроз и обличений, были почти столь же внезапным явлением, как гром среди ясного неба.

Кто он? Откуда он взялся? Что было с ним потом? Великолепный знаток той эпохи Р. Г. Скрынников пишет: «Сильвестр родился в Новгороде в семье небогатого священника и избрал духовную карьеру. Из Новгорода Сильвестр перебрался в столицу и получил место в кремлевском Благовещенском соборе. Благовещенский священник выделялся своим бескорыстием. Он никогда не умел устроить своих дел. После пожара перед Сильвестром открылась возможность получить официальный пост царского духовника, но он не воспользовался случаем. Начав карьеру священником Благовещенского собора, он закончил жизнь в том же чине. Принадлежал он к образованным кругам духовенства и обладал неплохой для своего времени библиотекой. Иван немало обязан был Сильвестру своими успехами в образовании.

Припоминая свои взаимоотношения с Сильвестром, царь писал много лет спустя, что, следуя библейской заповеди, покорился благому наставнику без всяких рассуждений. Сильвестр был учителем строгим и требовательным. Когда ученик восстал против пережившей себя опеки со стороны наставника, он произнес много горьких слов по его адресу. При Сильвестре, сетовал царь, даже в малейших и незначительных делах „мне ни в чем не давали воли: как обуваться, как спать – все было по желанию наставников, я же был как младенец“. Как бы то ни было, пора ученичества не прошла для Ивана бесследно.

Сильвестр принадлежал к числу глубоко верующих людей. Его преданность религии граничила с экзальтацией: он слышал небесные голоса, ему являлись видения. Рассказы Сильвестра производили на Ивана потрясающее впечатление. Фанатик зажег в душе Ивана искру религиозного чувства. Иван увлекся религией и вскоре преуспел в этом увлечении. Он ревностно исполнял все церковные обряды. По временам, в минуты крайнего нервного напряжения, у него случались галлюцинации. Под стенами Казани в ночь перед решающим штурмом 23-летний царь после многочасовой молитвы явственно услышал звон колоколов столичного Симонова монастыря».

А вот какую характеристику дал Сильвестру П. И. Ковалевский, возвращаясь к тому моменту, когда Сильвестр окончил свою обличительную речь: «Совершилось чудо. Обливаясь слезами раскаяния, Иоанн простер десницу к наставнику и требовал от него силы быть добродетельным и помощи.

Видимо, Сильвестр был давно известен Иоанну с хорошей стороны; этим объясняется быстрый и необыкновенный успех его у Иоанна.

С этих пор Сильвестр становится главным руководителем Иоанна. На помощь ему выступает Алексей Адашев. Эти два мужа ведут государственные дела и дают новое направление управлению государством. Мятежная чернь была разогнана и государство успокоено.

Почти все историки высказывают тот взгляд, что Иоанн Грозный обладал недюжинным умом и твердым характером. На наш взгляд, ум Иоанна Грозного был не выше среднего уровня, а характер у него вовсе отсутствовал.

Во всем царствовании Иоанна мы не видим ни одной определенной мысли, которою бы он руководился, ни одного прочного убеждения, ни одного твердого правила. Это был ум крайне поверхностный, неустойчивый и неопределенный. Одну минуту он думал одно, другую – другое, а третью – третье. Он не имел своих убеждений, а поступал так, как ему внушали другие. Узкий и недалёковидный во взглядах, он не замечал, как ему окружающие

внушали. Болезненно самолюбивый и любящий фигурировать, он охотно поведал чужие мысли как свои. Гордый и строптивый, он радостно приводил в исполнение чужие внушения, принимая их за свои. Так он в 13 лет сыграл роль, внушенную ему Глинскими. Так он проделал историю венчания на царство, внушенную ему его фантазией и, можно думать, митрополитом Макарием. Так он всецело подпадает влиянию Сильвестра и Алексея Адашева в настоящий момент.

Две мысли, однако, владеют царем беспредельно и безгранично. Это мысли болезненные, это мысли, присущие ему от рождения и не покидавшие его по конец жизни. В настоящий момент они еще не имеют логической подкладки и правильной систематизации; но многие жизненные обстоятельства говорят, что они существуют и по временам отражаются в его действиях и поступках. Так, в жалобе новгородских пищальников он видит бунт и умиряет его оружием; в челобитье псковитян он видит новое возмущение и собственноручно не брезгает издеваться над людьми, пришедшими к своему отцу просить правды и справедливости.

Правда, идеи преследования находят себе поддержку, и сильную поддержку, в возмутительных поступках бояр, но одно только это едва ли бы создало больного Иоанна, если бы к тому не было основы в самом существе организма его. Самоуправство и презрительное отношение бояр к Иоанну дало только известное направление бредовой его деятельности, но оно не создало и не породило ее.

Нетвердый умом, не имея никаких определенных убеждений и взглядов, фантазер и мечтатель, потрясенный до глубины души целым рядом несчастных событий, дерзкий и кровожадный в силе, малодушный и трусливый в одиночестве, суеверный и мистик, Иоанн всецело отдается в руки человека с железною волею, твердым умом, строгими и определенными убеждениями и непреклонным характером.

Все способствовало господству Сильвестра.

Первое всего он дает царю мысль, как усмирить взбунтовавшуюся чернь и водворить порядок и при этом быстро приводить все в исполнение.

Наступает тишина и спокойствие.

Слава Господу! Гроза миновала. Разбитый и обессиленный царь от всей души рад отдохнуть и успокоиться под крепкою рукою человека с железной волей. К счастью, этот человек не из бояр и вельмож – заклятых врагов Иоанна. Это всего только поп, не имущий ни власти и господства, ни славы и почести, ни богатства и родовитости».

Избранная рада и Алексей Адашев

Итак, людьми, оказывавшими сильное влияние на молодого царя, с 1547 года были Сильвестр и Адашев. Но не только они. Следует признать, что Анастасия была единственной женщиной, способной хорошо влиять на царя Ивана. Это происходило при очень сильном влиянии на царскую чету духовника Ивана – Сильвестра.

Именно те тринадцать лет, которые Иван прожил с Анастасией и в тесном общении с Сильвестром, и были самым лучшим периодом почти полувекового правления Грозного.

В эти годы Иван сменил свое окружение, отдав предпочтение нравственным и грамотным советникам, составившим так называемую Избранную раду, т. е. Совет избранных.

«Рада» в конце 40-х и на протяжении почти всех 50-х годов XVI века оказывала сильнейшее влияние на Боярскую думу в области как внутренней, так и внешней политики. Руководителем Избранной рады был костромской дворянин Алексей Федорович Адашев, друг и сторонник Сильвестра. Адашев был начальником Челобитного приказа, в который подавались просьбы служивых людей. Приказ был канцелярией царя и функционировал и как контрольный, и как кассационный правительственный орган. Правильно анализируя челобитные, Адашев делал верные выводы и предлагал проведение назревших государственных реформ.

Иван охотно шел ему навстречу и вместе с другими видными членами Избранной рады митрополитом Макарием, князем Андреем Курбским, думным дьяком Иваном Висковатым активно способствовал созданию нового «Судебника», «кормлений» (содержания должностных лиц за счет местного населения), оформил и упорядочил деятельность приказов – древнерусского прообраза будущих министерств.

Кроме того, Адашев был начальником царского архива, хранителем государственной печати и постельничим царя, ведавшим его личным хозяйством.

Адашев был сторонником активной восточной политики, продолжая внешнеполитическую линию «западника» Ф. И. Карпова, сторонника сближения России с Западом, для эффективного противостояния осколкам Золотой Орды: Крыму, Казани, Астрахани, Ногайской Орде.

В значительной степени благодаря А. Ф. Адашеву были подготовлены походы русских войск на Казань и Астрахань и оба этих ханства в середине 50-х годов были присоединены к России.

«Казанское взятие»

Казань, закрывавшая России путь на Волгу, была в середине XVI столетия, кроме того, одним из крупнейших центров работорговли. Достаточно сказать, что в это время в Казани было около ста тысяч русских невольников. Московские рати ходили под Казань несколько раз, но эти походы по разным причинам оказывались неудачными. На престоле в Казани часто происходила смена правителей, которые были ставленниками либо Крыма и Турции, либо Москвы.

Борьба шла с переменным успехом, пока казанские ханы и беки не пригласили к себе весной 1552 года астраханского царевича Ядигара.

Тогда, 16 июня, под стены Казани двинулось огромное русское войско в 150 тысяч пехоты и конницы при 150 орудиях.

На помощь единоверческой и единокровной Казани выступили 30 тысяч конных крымских татар во главе с крымским ханом Девлет-Гиреем. Навстречу крымцам Иван IV послал полк правой руки, насчитывавший 15 тысяч воинов. Под Тулой крымцы были остановлены, разбиты и бежали на юг. Через полтора месяца, пройдя 850 километров, русские войска подошли к русской крепости Свияжен, построенной неподалеку от Казани, и в конце августа осадили столицу Казанского ханства.

Всеми инженерными и осадными работами руководил бывший при армии А. Ф. Адашев. Осада Казани велась с применением самых совершенных методов и средств: была выстроена система параллелей, построены боевые башни, подтянуты тяжелые осадные орудия, к стенам города подведены минные галереи.

По одной из подземных минных галерей, скрытно возведенных под главный водоисточник Казани, была доставлена мина большой мощности и произведен удачный взрыв. Осажденные лишились воды.

Затем было пробито несколько проломов в городских стенах, и 2 октября 1552 года Казань была взята штурмом. Иван присутствовал при этом и в сознании войска и всего народа являлся главным виновником этой достославной победы.

Н. М. Карамзин о въезде Ивана IV в Москву

В 1552 году по дороге в Москву после взятия Казани Иоанн, приближаясь к любезной ему столице, увидел на берегу Яузы бесчисленное множество народа, так что на пространстве шести верст, от реки до посада, оставался только самый тесный путь для государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами московских граждан, ехал Иоанн, кланяясь на обе стороны, а народ, целуя ноги, руки его, восклицал непрестанно: «Многие лета царю благочестивому, победителю варваров, избавителю христиан». Там, где жители московские приняли некогда Владимирский образ Богоматери, несущий спасение граду в нашествие Тамерлана, – где ныне монастырь Сретенский, – там митрополит, епископы, духовенство с сею иконою, старцы бояре, слуги отца и деда его, со всеми чиновниками стояли под церковными хоругвями. Иоанн сошел с коня, приложился к образу. Государь и митрополит обратились друг к другу с приветственными речами. Митрополит, духовенство, сановники и народ пали ниц пред Иоанном; слезы текли из глаз; благословения раздавались долго и непрерывно.

Тут государь снял с себя воинскую одежду, возложил на плечи порфиру, на выю и на перси крест животворящий, на главу венец Мономахов и пошел за святыми иконами в Кремль; слушал молебен в храме Успения; с любовью и благодарностию поклонился мощам российских угодников Божиих, гробам своих предков; обходил все храмы знаменитые и спешил наконец во дворец. Царица еще не могла встретить его: лежала на постели [незадолго до возвращения мужа она родила долгожданного наследника, царевича Дмитрия]; но, увидев супруга, забыла слабость и болезнь: в восторге упала к ногам державного героя, который, обнимая Анастасию и сына, вкусил тогда всю полноту счастья, данного в удел человечеству.

Москва и Россия были в неопisanном волнении радости. Везде в отверстых храмах благодарили небо и царя. Несколько дней посвятив счастью семейному, Иоанн, ноября 8-го, дал торжественный обед в Большой Грановитой палате. «Никогда, – говорят летописцы, – не видали мы такого великолепия, празднества, веселия во дворце московском, ни такой щедрости. Иоанн дарил всех, от митрополита до простого воина, ознаменованного или славною раною, или замеченного в списке храбрых; князя Владимира Андреевича жаловал шубами, золотыми фряжскими кубками и ковшами; бояр, воевод, дворян, детей боярских и всех воинов по достоянию одеждami с своего плеча, бархатами, соболями, кубками, конями, доспехами или деньгами; три дня пировал со своими знаменитейшими подданными и три дня сыпал дары.

Чтобы ознаменовать взятие Казани достойным памятником для будущих столетий, государь заложил великолепный храм Покрова Богоматери о девяти куполах».

«Астраханское взятие»

Через два года после присоединения к России Казанского ханства Иван IV послал свои войска под Астрахань, чтобы сокрушить и этот осколок Золотой Орды и «встать твердой ногой» в устье Волги, на северном берегу Каспия.

В поход пошла пешая, конная и судовая рать под командованием воеводы князя Юрия Ивановича Шемякина-Пронского. Крымский ставленник – хан Ямгурчей – бежал из города, а на его место был посажен союзный России ногайский хан Исмаил Дервиш-Али. Однако еще через два года Дервиш-Али решил стать независимым от Москвы государем, но не успел в этом: русские войска в 1556 году вновь подошли к Астрахани и взяли ее, окончательно присоединив город и все ханство к России.

Начало Ливонской войны

В Кремле постоянно следили за всеми «иноземными супостатами», стараясь не только реагировать на враждебные происки московских недоброхотов, но и в необходимых случаях перехватывать у них инициативу, навязывая своим противникам ответные действия – решительные и энергичные.

После того как в 1552 году была покорена Казань, а через четыре года и Астрахань, два самых близких к Руси татарских ханства перестали быть постоянной угрозой и опасностью для России. А вскоре на Восток двинулись русские землепроходцы, стрельцы и земледельцы.

В 1558 году купцы и промышленники Строгановы получили жалованную грамоту на «камские изобильные места» и, таким образом, оказались за Камой, приближаясь к Уралу.

В это время главной внешнеполитической опасностью для Русского государства стал Ливонский орден – непреодолимый барьер на путях России к Балтийскому морю. В Ливонии существовал закон, по которому всякого, кто пытался проехать в Россию, будь то мастер или купец, ждала смертная казнь. Русским проезд через территорию Ливонии также был запрещен.

Положение еще более усугубилось после того, как осенью 1557 года в местечке Посвол представители Ливонского ордена и Литвы подписали союзный договор, направленный против Москвы.

Иван Васильевич и Избранная рада пришли к выводу, что надлежит нанести упреждающий удар, не дожидаясь нападения на Иван-город, Псков и Новгород. В конце января 1558 года русские войска вторглись в Ливонию, нанося одновременные удары на трех направлениях: на Дерпт (старый русский город Юрьев), Ригу и Ревель. Русские войска по всем направлениям беспрепятственно шли вперед, захватывая замки и дворянские усадьбы.

11 мая была взята Нарва, а 19 июля после недолгой осады – Дерпт.

Ни польский король Сигизмунд II, ни Ганзейский союз, ни шведский король Густав I Ваза не помогли Ливонии, отделяясь туманными обещаниями, а то и откровенным неприятием просьб Ордена о помощи. У ливонских дипломатов оставалась надежда только на Данию, но датчане согласились стать лишь посредниками в ливонско-русских переговорах.

В январе 1559 года, после двух небольших, но удачных для русских сражений, войска Ивана IV осадили Ригу, но вскоре отошли от города. Однако положение оставалось для Ордена критическим, и потому летом и осенью того же года часть ливонских земель отошла под протекторат Польши, другая ее часть – под протекторат Дании.

В начале 1560 года русские войска в третий раз перешли границу и взяли сильнейший на восточном рубеже Ливонии замок Марненбург. Вслед за тем пал замок Феллин и еще восемь других, менее мощных крепостей. Только замок Венден, нынешний Цессис, еще продолжал сопротивление.

Воспользовавшись неудачами Ордена, против братьев-рыцарей восстали их крепостные крестьяне – латыши, и все это привело к дальнейшему ослаблению Ливонии и ее безоговорочному подчинению Польше. Часть же северных территорий Ливонии подчинялась новому королю Швеции Эрику XIV и его брату – герцогу Магнусу.

То обстоятельство, что русские войска за три года трижды входили в Ливонию и трижды уходили из нее, объяснялось непоследовательной политикой русского правительства, которое под влиянием Адашева не расширяло конфликт, а намерено было погасить его.

Так продолжалось до августа 1560 года, и неизвестно, как пошли бы дела дальше, если

бы в августе в Москве не произошло событие, ставшее важной вехой в истории того времени. Но чтобы понять, что случилось, придется вернуться чуть-чуть назад.

Кары небесные и возвращение на круги своя

Иван – подозрительный, болезненно-мнительный, трусливый и очень осторожный, не лишенный к тому же известной проницательности – стал все чаще подозревать и Сильвестра, и Адашева, и других членов Избранной рады в сближении со старыми боярскими родами. Этому боялся он больше всего. Будучи еще и весьма суеверным, верившим в колдовство, сглаз и волхование, он многие события воспринимал и как наказания Господни, и как заговор темных сил – земных и небесных.

Иван считал, что Бог продолжает карать его и долгие годы после пожара. И через шесть лет, в 1553 году, дал обет посетить с царицей и своим сыном – царевичем Дмитрием, родившимся в октябре 1552 года, главные святыни Руси.

Дмитрий был третьим ребенком Анастасии и Ивана. До него родились две девочки – Анна и Мария, но обе умерли, не дожив и до года. Сын-первенец родился в то время, когда войска Ивана взяли Казань, и царь узнал об этом при победоносном возвращении в Москву.

Иван надеялся именно ему передать престол. Однако вскоре тщедушный, не достигший и года младенец умер. Эту смерть Иван воспринял как наказание Божие. Правда, 28 марта родился еще один сын – Иван, а через четыре года и их последыш – Федор, но Анастасии суждено было пестовать их очень недолго, ибо и она умерла 7 августа 1560 года.

Из-за того, что она болела всего три дня, лекари не могли сказать, какой недуг свел царицу в могилу, тут же пополз слух, будто ее отравили.

Все ученые сходятся на том, что смерть Анастасии сыграла ужасную роль в жизни царя, а сам момент ее кончины можно считать поворотным пунктом в истории России того времени.

Ниже, уважаемые читатели, вам предлагается несколько картин, позволяющих четко и наглядно представить себе, какую казалась тогдашняя действительность совершенно разным отечественным историкам.

Н. М. Карамзин о смерти Анастасии

«Небо готовило ужасную перемену в судьбе его и России. 13 лет он наслаждался полным счастьем семейственным, основанным на любви к супруге, нежной и добродетельной.

Анастасия еще родила сына Феодора и дочь Евдокию; цвела юностью и здоровьем, но в июле 1560 года занемогла тяжелой болезнью, умноженной испугом. В сухое время, при сильном ветре, загорелся Арбат; тучи дыма с пылающими головнями неслись к Кремлю. Государь вывез больную Анастасию в село Коломенское; сам тушил огонь, подвергаясь величайшей опасности: стоял против ветра, осыпаясь искрами, и своею неустрашимостью возбудил такое рвение в знатных чиновниках, что дворяне и бояре кидались в пламя, ломали здания, носили воду, лазили по кровлям. Сей пожар несколько раз возобновлялся и стоил битвы: многие люди лишились жизни или остались изувеченными. Царице от страха и беспокойства сделалось худо, искусство медиков не имело успеха, и, к отчаянию супруга, Анастасия 7 августа в пятом часу дня преставилась... Никогда общая горесть не изображалась умильнее и сильнее. Не двор один, а вся Москва погребала свою первую, любезнейшую царицу. Когда несли тело в Девиный Вознесенский монастырь, народ не давал пути ни духовенству, ни вельможам, теснясь на улицах ко гробу. Все плакали, и всех неутешнее бедные, нищие, называя Анастасию именем матери. Им хотели раздавать обыкновенную в таких случаях милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады в сей день печали. Иоанн шел за гробом: братья вели его под руки. Он стонал и рвался; один митрополит, сам обливаясь слезами, дерзал напоминать ему о твердости христианина... Но еще не знали, что Анастасия унесла с собою в могилу!

Здесь конец счастливых дней Иоанна и России.

Иоанн был растерзан горестью: все вокруг его проливали слезы – и в сих-то слезах явилась гнусная клевета. „Государь! – сказали Иоанну, – ты в отчаянии, Россия также, а два изверга торжествуют: добродетельную царицу извели Сильвестр и [Алексей] Адашев, ее враги тайные и чародеи: ибо они без чародейства не могли бы так долго владеть умом твоим“. Государь знал, что Анастасия со времени его болезни не любила ни Сильвестра, ни Адашева; думал, что они также не любили ее, и принял клевету, может быть, желая оправдать свою немилость к бывшим приближенным».

Р. Г. Скрынников о падении Избранной рады

«К этому времени между государем и его ближайшими советниками назрел острый конфликт. Они рисовали перед Грозным заманчивую перспективу укрепления единой державы. Но их обещания оказались невыполненными. Сильвестр и Адашев, жаловался Грозный, „сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел“.

Разрыв стал неизбежным, когда к внутривластным расхождениям добавились разногласия в сфере внешних дел. После покорения Казани Россия обратила свои взоры к Балтике...» Это, по мнению ученого, также сыграло важную роль в дальнейшем развитии событий.

«Тем временем в московском правительстве образовались две партии: Адашев настаивал на продолжении активной восточной политики и снаряжал экспедиции против Крыма, а его противники выступали за войну с Ливонией. Вместо того чтобы продолжать успешно начатое наступление против Ливонии, московское правительство, по настоянию Адашева, предоставило Ордену перемирие с мая по ноябрь 1559 года и одновременно снарядило новую экспедицию против татар. Военные операции против Крыма не принесли результатов, обещанных Адашевым, а благоприятные возможности для победы в Ливонии были безвозвратно упущены. Магистр Кетлер подписал договор с литовцами. Орден перешел под протекторат Литвы и Польши. Договор круто изменил ход Ливонской войны. Конфликт с Ливонией стремительно перерастал в широкий вооруженный конфликт с Литвой и Польшей в тот самый момент, когда Россия ввязалась в войну с Крымским ханством. Произошло резкое объяснение между царем Иваном и его наставниками», что, в конечном счете, предрешило исход борьбы двух дворцовых группировок.

«По мере того как влияние Адашева и Сильвестра убывало, менялась общая ориентация внешнеполитического курса. Москва приняла мирные предложения Крыма и бросила в Ливонию крупные силы. В действующую армию выехал Алексей Адашев. Военные силы Ливонии были сокрушены. Крестьяне восстали против немецких баронов. Возникла возможность быстрого завершения войны в Ливонии. Но Адашев и его товарищи не использовали благоприятной обстановки, опасаясь удара со стороны находившихся под Ригой литовских войск. Наступление русских войск приостановилось. Фактически действиями армии в Ливонии руководил Адашев. На него царь и возложил всю ответственность за промедление».

Так «государева опала» на бывшего любимца обернулась кардинальной переменой политического курса.

«Правительство объявило о конфискации всех костромских и переяславских земель Адашева. Сильвестр предпринимал отчаянные попытки предотвратить его отставку. Но успеха не добился. Тогда он объявил царю, что намерен уйти на покой в монастырь. Иван не стал удерживать своего старого наставника и, благословив, отпустил в Кириллов монастырь.

Дело Адашева было передано на суд Думы и высшего духовенства. Созванный в Москве собор осудил Адашева и Сильвестра как „ведомых злодеев“. Сильвестра перевели в Соловки на вечное заточение; Адашев взят был под стражу. Вскоре после собора он впал „в недуг огненный“ и через месяц-два умер. Царь Иван срочно послал в Юрьев одного из ближних дворян, чтобы расследовать обстоятельства смерти Адашева, поскольку явились подозрения, что он покончил жизнь самоубийством».

Скрынников отметил, что не только в политике, но и в морали царь Иван совершил крупный поворот в худшую сторону:

«Расправившись с советниками, царь постарался искоренить самую память о них. Что считалось при Сильвестре хорошим тоном, подвергалось теперь осмеянию. На смену унылому постничеству пришли роскошные пиры и потехи».

Грозный об Избранной раде и царском самодержавии

Ниже приведены несколько отрывков из первого послания Ивана Грозного Андрею Курбскому, как известно, активному деятелю «Избранной Рады», ставшему ко времени его переписки с царем недругом России:

«Богом нашим Иисусом Христом дана была вовеки непобедимая хоругвь – крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям и хранителям православия. Искра благочестия достигла и Российского царства. Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по Божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением. Мы не возжелали ни у кого отнять царства, но по Божью изволению и по благословению прародителей и родителей своих как родились на царстве, так и воспитались и возмужали, и Божиим повелением воцарились.

Почему же ты презрел слова апостола Павла, который вещал: „Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти, кроме как от Бога: тот, кто противится власти, противится Божьему повелению“. Воззри на него и вдумайся: кто противится власти – противится Богу; а кто противится Богу – тот именуется отступником, а это наихудший из грехов. А ведь сказано это обо всякой власти, даже о власти, добытой ценой крови и войн. Задумайся же над сказанным, ведь мы не насилием добыли царства, тем более поэтому, кто противится такой власти – противится Богу!»

Для Ивана Грозного власть Бога и власть царя однозначны, и всякий, противящийся царю, противится Богу – таков его главный постулат.

«Как же тебе не стыдно именовать мучениками злодеев, не разбирая, кто за что пострадал? Разве же это „супротив разума“ – сообразоваться с обстоятельствами и временем? Вспомни величайшего из царей, Константина; как он, ради царства, сына своего, им же рожденного, убил! И князь Федор Ростиславич, прародитель ваш, сколько крови пролил в Смоленске во время Пасхи! А ведь они причислены к святым. Ибо всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими, добрым же – милосердие и кротость, злым же – жестокость и муки, если же нет этого, то он не царь. Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло – бойся, ибо царь не напрасно меч носит – для устрашения злодеев и ободрения добродетельных».

«Царь не напрасно меч носит», – любимый аргумент Грозного, оправдывающий любые царские кары и жестокости.

В XVIII веке прусские короли выбивали на стволах своих пушек девиз: «Последний довод короля». Тогда пушки сменили мечи, но суть была одна: сила – выше права.

И далее Иван Грозный пытается обосновать еще один довод: никакие «попы и управители», т. е. Сильвестр и Адашев, не смеют и помышлять о хотя бы малейшем посягательстве на умаление царской власти.

Грозный пишет: «Неужели же ты видишь благочестивую красоту там, где царство находится в руках попа-невежды и злодеев-изменников, а царь им повинуется? Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами. Вспомни, когда Бог избавил евреев от рабства, разве он поставил над ними священника или многих управителей? Нет, он поставил над ними единого царя – Моисея, священствовать же приказал не ему, а брату его Аарону, но зато запретил заниматься мирскими делами; когда же Аарон занялся мирскими делами, то отвел людей от Бога. Видишь сам, что не подобает священникам творить царские дела!

Не видишь разве, что власть священника и управителя с царской властью несовместима?

Посмотри на все это и подумай, какое управление бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможам, и как погибли эти страны! Это ли и нам посоветуешь, чтобы к такой же гибели прийти? И в том ли благочестие, чтобы не управлять царством, и злодеев не держать в узде, и отдаться на разграбление иноплеменникам?»

А далее Грозный пишет о власти духовной – отшельнической, монашеской, священнической, повелевающей душами, – и о власти царской, совершенно всему этому противоположной, ибо царь повелевает телами своих подданных: «Или скажешь мне, что там повиновались святительским наставлениям? Хорошо это и полезно. Но одно дело – спасать свою душу, а другое дело – заботиться о телах и душах многих людей; одно дело – отшельничество, иное – монашество, иное – священническая власть, иное – царское правление. Отшельничество подобно агнцу беззлобному или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницы; монахи же хотя и отрекли (себя) от мира, но имеют уже заботы, подчиняются уставам и заповедям; если они не будут всего этого соблюдать, то совместное житие их расстроится; священническая же власть требует строгих запретов словом за вину и зло; допускает славу, и почести, и украшения, и подчинение одного другому, чего инокам не подобает; царской же власти позволено действовать страхом, и запрещением, и обузданием и строжайше обуздать безумие злейших и коварных людей.

Так пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. Разве достойно царя, если его бьют по щеке, подставлять другую! Как же царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестие? А священникам подобает смирение. Пойми же поэтому разницу между царской и священнической властью! Даже у отрекшихся от мира встретишь тяжелые наказания, хотя и не смертную казнь. Насколько же суровее должна наказывать злодеев царская власть!»

И, наконец, Грозный напоминает Курбскому, который принимал активное участие в разработке проекта указа об отмене «кормлений», против чего Курбскому было возражать особенно трудно:

«Так же не приемлемо и ваше желание править теми городами и областями, где вы находитесь. Ты сам своими бесчестными очами видел, какое разорение было на Руси, когда в каждом городе были свои начальники и правители, и поэтому можешь понять, что это такое. Пророк говорил об этом: „Горе мужу, которым управляет жена, горе городу, которым управляют многие!“ Разве ты не видишь, что власть многих подобна женскому неразумию? Если не будет единовластия, то даже если и будут люди крепки, и храбры, и разумны, но все равно уподобятся неразумным женщинам, если не подчинятся единой власти. Ибо так же, как женщина не способна остановиться на одном желании – то решит одно, то другое, – так и в правлении многих – один захочет одного, другой – другого. Вот почему желания и замыслы разных людей подобны женскому неразумию. Все это я указал тебе для того, чтобы ты понял, какое благо выйдет из того, что вы будете владеть городами и управлять царством помимо царей, это могут понять все разумные люди».

В. О. Ключевский о письмах Грозного к Курбскому

«Письма Грозного к князю Курбскому – наполовину политические трактаты о царской власти и наполовину полемические памфлеты против боярства и его притязаний. Попробуйте бегло перелистать его первое длинное-предлинное послание. Оно поразит вас видимой пестротой и беспорядочностью своего содержания, разнообразием книжного материала, кропотливо собранного автором и щедрой рукой рассыпанного по этим нескончаемым страницам. Но вникните пристальнее в этот пенный поток текстов, размышлений, воспоминаний, лирических отступлений, и вы без труда уловите основную мысль, которая красной нитью проходит по всем этим, видимо, столь нестройным страницам.

С детства затверженные автором любимые библейские тексты и исторические примеры все отвечают на одну тему, все говорят о царской власти, о ее божественном происхождении, о государственном порядке, об отношениях к советникам и подданным, о губительных следствиях разновластия и безначалия. Упорно вчитываясь в любимые тексты и бесконечно о них размышляя, Иван постепенно и незаметно создал себе из них идеальный мир, в который уходил, как Моисей на свою гору, отдыхать от житейских страхов и огорчений. Он с любовью созерцал эти величественные образы ветхозаветных избранников и помазанников Божиих – Моисея, Саула, Давида, Соломона. Но в этих образах он, как в зеркале, старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска или перенести на себя отблеск их света и величия. Понятно, что он залюбовался собой, что его собственная особа в подобном отражении представилась ему озаренною блеском и величием, какого и не чуяли на себе его предки, простые московские князья-хозяева. Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия. Это было для него политическим откровением, и с той поры его царственное „я“ сделалось для него предметом набожного поклонения. Он сам для себя стал святыней и в помыслах своих создал целое богословие политического самообожания в виде ученой теории своей царской власти».

Итог первого этапа царствования Грозного

Завершая рассказ о реакции царя на смерть Анастасии, согласимся, что и на самом деле царь Иван страдал искренне и глубоко. Видя его печаль, плакали и бояре, и митрополит. Целую неделю провел царь взаперти в посте и молитве. На восьмой день он вышел к боярам, и те ужаснулись: перед ними стоял согбенный желтолицый старик с ввалившимися, горящими недобрым огнем глазами.

Он велел накрыть праздничные столы, за ними вновь оказались десятки гулен, снова рекой потекло вино, в застолье мужчины должны были по окончании трапезы участвовать в оргии.

Вслед за тем начались многочисленные и столь жестокие казни, что все предыдущие перед ними померкли.

Советам с Избранной радой пришел конец. И Адашев, и Сильвестр, и многие другие вчерашние единомышленники стали исчезать один за другим: Адашев умер в Дерпте, Сильвестр – в Кириллово-Белозерском монастыре, князь Курбский, командовавший войсками в Ливонии, бежал к враждебным Ивану полякам и литовцам, тем более что почти все бывшие члены «Избранной Рады» выступали против продолжения Ливонской войны, столь удачно начавшейся за два года до смерти Анастасии.

Мария Кученей – вторая жена Грозного

Помня о благодетельном влиянии Анастасии на своего мужа, бояре 18 августа 1560 года – на одиннадцатый день после ее кончины – попросили царя жениться вторично. Сначала Иван решил жениться на дочери польского короля Екатерине, но получил твердый и недвусмысленный отказ.

Не слишком долго раздумывая, Иван решил посвататься к дочери черкесского князя Темрюка – Кученей. На Кавказ поехали московские послы и пригласили невесту и ее отца в Москву.

Подучившись языку и крестившись, переименовав имя Кученей на Марию, она 21 августа 1561 года обвенчалась с Иваном. Но как только новая царица вышла из церкви, и взглядами, и тоном, и манерами Мария сразу же дала понять, что теперь она госпожа и никто, кроме ее мужа, не смеет становиться на одну ступеньку с нею.

Часто бывавший в Московии английский дипломат Джером Горсей писал: «После этого (смерти Анастасии) он (Иван) женился на одной из черкесских княжен, от которой, насколько известно, у него не было потомства. Обряды и празднества, сопровождавшие эту женитьбу, были столь странными и языческими, что трудно поверить, что все это происходило в действительности».

Мария с восторгом разделяла все досуги мужа. Она с наслаждением наблюдала за медвежьими потехами, с горящими глазами смотрела на то, как ломали на колесе руки и ноги одним казненным, как других сажали на кол, а третьих заживо варили в кипятке.

Иван восторгался новой женой: он находил в ней свое подобие, что такой и должна быть истинная царица. Он видел в безжалостности Марии Темрюковны ясное доказательство ее высокого происхождения, ибо, по его представлениям, люди царской крови должны были презирать всех, кто был ниже их по «породе».

Мария окружила себя самыми красивыми развратницами Москвы, превратив их в подобие фрейлин, и всячески способствовала сближению своего мужа с любой из них.

Вокруг нее собирались и новые люди при дворе царя: Малюта Скуратов-Бельский, Федор Басманов, Богдан Вельский (племянник Малюты), Василий Грязной, князь Афанасий Вяземский и несколько других – жестоких, алчных распутных и коварных эгоистов, не признававших никаких резонов, кроме собственной выгоды, и не ставивших перед собой никаких других целей. Эти люди и стали в скором времени главари опричников.

Начало опричнины

В декабре 1563 года умер восьмидесятилетний митрополит Макарий, а на место царского духовника стал родной брат Василия Грязного – Левкий, архимандрит кремлевского Чудова монастыря. От него Василий Грязной мог узнать все, ибо Иван, более всего боявшийся смерти и преисподней, едва ли скрывал что-либо важное от своего духовного отца и исповедника.

В результате этих перемен новые друзья царя и его жена создали вокруг Ивана такое плотное кольцо, что никто, кроме них, не имел возможности воздействовать на него. Более того, все они постоянно создавали у Ивана впечатление, что он вместе с ними, его верными друзьями и телохранителями, окружен скопищем врагов – злобных и беспощадных, и нужна великая осторожность и проницательность, чтобы не стать их жертвами.

Новые друзья же предложили Ивану создать особую дружину для борьбы с боярской опасностью, в которую первыми вошли бы они – Малюта Скуратов «со товарищи». Вскоре после того как князь Афанасий Вяземский высказал такую мысль, их же стараниями оказался раскрыт ими же придуманный огромный боярский заговор, направленный против жизни царя. А вслед за тем началось грандиозное, почти для всех неожиданное действие: взяв жену и детей-сирот, Ивана и Федора, царь бежал сначала в подмосковное село Коломенское, затем в Александровскую слободу, куда 3 января 1565 года явилась к нему делегация от бояр и митрополита Афанасия, умоляя вернуться в Кремль.

Иван отказывался целый месяц, но, наконец, милостиво согласился, выговорив себе особые условия возвращения, которые он предъявит им в Москве. Делегаты ничего не имели против. Через неделю Иван эти условия объявил. Он будто топором разрубил Русь на две части, назвав одну земщиной, а другую опричниной. (Об опричнине будет рассказано чуть позже.)

Не переставая пугать Ивана заговорами, Малюта, Вяземский, Грязной и другие приспешники, ставшие во главе опричнины, привели Ивана к мысли о необходимости переезда из Москвы в Александровскую слободу. Однако на сей раз Марию Темрюковну Иван с собой не взял, а, подстрекаемый своими собутыльниками-сомолитвенниками, приказал приставить к Марии Темрюковне надежный караул и не выпускать ее из Кремля.

Александровская слобода

В 115 верстах к северо-западу от Москвы, на берегу реки Серой, впадавшей в Шерну, лежала старинная Александровская слобода, известная под таким названием еще во времена Ивана Калиты. Здесь в 1533 году по указу отца Ивана – Василия III – был построен храм Покрова Пресвятой Богородицы.

Сюда в 1564 году переехал с тремястами самыми верными опричниками царь Иван, учредив особый, ни на что не похожий мужской монастырь. Сам он стал здесь игуменом – настоятелем обители, отцом-келарем. Управляющим хозяйством, которого впоследствии принято было называть «экономом», был наз-начен Вяземский, а отцом-параклисиархом, т. е.

«возжигающим светильники», был Малюта Скуратов.

Слобода была монастырем-крепостью, на стенах которого стояли вооруженные опричники, на время церковных служб менявшие воинские доспехи на монашеские рясы.

Жизнь в слободе была умопомрачительной мешаниной монастырского аскетизма с постоянными, многочасовыми молебнами, строго обязательными постами, совершеннейшим послушанием и сменяющими этот иноческий уклад пьяными оргиями, заканчивающимися в страшных пыточных застенках, где предавались утонченным мучениям сотни узников.

Главным героем и молебнов, и оргий, и пыток был сам Иван Васильевич.

Пока существовала опричнина, а конец пришел ей через восемь лет, в 1572 году, Александровская слобода, а не Московский Кремль, являлась резиденцией русского царя. Слобода была и средоточием множества важных государственных тайн, и хранилищем царских сокровищ, и местом, где удовлетворялись все желания и прихоти царя. Сколь ни был Иван низок и омерзителен, нельзя отрицать его любви к «книжному разумению», пробужденному в нем митрополитом Макарием и Сильвестром.

И здесь, в Александровской слободе, между молитвами, оргиями и ужасами пыточных застенков, он читал книги, перевезенные сюда из Москвы, и именно это обстоятельство навело историков на мысль, что легендарная библиотека Ивана Грозного, исчезнувшая неизвестно куда, хранится именно здесь, в Александровской слободе.

Библиотека Ивана Грозного

Напомню уважаемым читателям, что Софья Палеолог привезла с собою из Рима несколько возов книг, и считалось, что это собрание редких инкунабул и рукописей стало основой библиотеки московских великих князей. Иван Грозный, несомненно «книжный человек», должен был сохранить библиотеку своей бабушки с теми дополнениями, которые внес в нее его отец Василий III, тоже не чуравшийся грамоты, да, кроме того, и сам Иван. Однако сколько историки и археологи ни искали ее – воз и ныне там, библиотека не найдена.

О том, где она может быть, какова ее судьба, каковы ее поиски, написано великое множество книг и статей.

Предлагаю вам фрагмент из книги археолога-москвовед А. Г. Векслера «Москва в Москве. История в недрах столицы»:

«Археологов, ведущих раскопки в Москве, постоянно спрашивают о библиотеке Ивана Грозного – судьба загадочной „либереи“ давно вызывает огромный интерес книголюбов. Когда Максим Грек приехал по приглашению великого князя в Москву, он увидел в „книгохранилище“ Василия III, отца Ивана IV, такое бесчисленное количество греческих книг, что „и в Греции не сподобился увидеть такое множество“. Эти книги, которые видел Максим Грек, по тем же „Сказаниям“, были вывезены из осажденного турками Константинополя и попали на Русь с женой Ивана III, греческой царевной Софьей Палеолог – наследницей византийских императоров. Иван IV, образованнейший человек своего времени, писатель, знаток классических древностей, несомненно, приумножил дедовское книжное наследство.

Рассказ более позднего, чем Максим Грек, очевидца библиотеки – юрьевского пастора И. Веттермана – оказался включенным в „Ливонскую хронику“ рижского купца и бургомистра Франца Ниенштедта (начало XVII в.). В 1565 г. Иоганн Веттерман вместе с другими иностранцами, понимавшими по-русски, был призван московским царем в Кремль, где дьяки показали им „либерею“ – греческие, латинские и древневосточные книги, хранившиеся близ царских покоев „в двух сводчатых подвалах“. „Среди книг были древние авторы, на которых ссылаются многие писатели, – вспоминал потом пастор, – но произведения которых не сохранились – погибли и сгорели в прежних войнах“. Веттерман говорил, что хотя он и беден, но отдал бы все свое имущество, даже детей, только бы эти книги были в протестантских университетах. Веттерману и трем его друзьям предложили перевести книги, обещая большое жалованье и почет. Но иностранцы опасались, что „не смогут избавиться от этой работы до самой смерти“, и потому сказались несведущими. Хитрецов отпустили, а запыленные фолианты вновь были спрятаны под „тройные замки“ в подвалы, и следы „либереи“ на этом теряются.

О составе библиотеки стало известно из черновой неоконченной описи анонимного автора, случайно обнаруженной в архиве профессором Юрьевского университета Х. Х. Дабеловым в 20-х годах XIX в. Автор списка видел в царской библиотеке около 800 рукописей – греческих и латинских манускриптов на тонком пергаменте, с золотыми переплетами. Вместе с Ливием, Цицероном, Тацитом, Аристофаном в списке значились и полностью утраченные авторы – Гелиотроп, Заморет, Эфан и многие другие.

Чрезвычайно любопытен и ряд других известий, свидетельствующих, что в царской библиотеке были не только книги греческие и латинские, но и драгоценные рукописи на восточных языках. Таким образом, разноязычные источники подтверждают, что „слава библиотеки гремела далеко за пределами Московского государства, и все, нуждавшиеся в

какой-нибудь редкой книге, надеялись найти ее у московского царя“, – указывал академик А. И. Соболевский.

Какова же тогда ее судьба? На сей счет мнения ученых до сих пор разноречивы. По предположению крупнейшего историка Кремля И. Е. Забелина, библиотека трагически погибла во время одного из опустошительных кремлевских пожаров: в Степенной книге записано, что погибли при пожаре „многие книги греческие, дивно и преизрядно украшенные...“

И, тем не менее, и поныне распространена заманчивая гипотеза о том, что библиотека сохранилась в целости, что она замурована в кремлевских подземельях. Не раз, начиная с Петровских времен, предпринимались попытки раскопок в Кремле с целью найти ее. В конце прошлого века для поисков библиотеки московских государей даже специально прибыл из Страсбурга профессор Эдуард Тремер. Целый ряд подвалов вскрыл он в подклете Теремного дворца, пока не оставил всякие надежды найти книжные сокровища. Многократно и безуспешно уже в XX в. штурмовал „великое искомое“ неистовый кладоискатель и спелеолог И. Я. Стеллецкий. Между тем забытые древние подземелья, не значившиеся ни на каких планах, обнаруживались в Кремле не раз. Волнение у историков, например, вызвал в 1882 г. провал после сильного дождя мостовой близ места, где установлена Царь-пушка. Под землей неожиданно оказалось белокаменное помещение, причем внутри его было так сухо, что книги здесь могли бы пролежать долгое время. При больших земляных вскрытиях, реставрационных работах археологи и в наше время встречали немало подклетов – нижних ярусов сооружений, глубокие подвалы древних зданий. Обнаруживались и подземные ходы.

Чрезвычайный интерес представляет участок Кремля, занятый Большим Кремлевским дворцом, – он еще отнюдь не полностью изучен. На этой площади есть до сих пор не раскрытые подземные помещения. Здесь полтора десятилетия назад были обнаружены палаты, часть которых относится к великокняжескому дворцу начала XVI в. Из одной палаты начинался выложенный камнем подземный ход. Главный архитектор музеев Кремля В. И. Федоров обратил внимание и на то, что у Благовещенского собора толща кладки такова, что в ней могут размещаться небольшие помещения, а ведь именно подклет собора в древности предназначался для хранения сокровищ московских великих князей».

А. Г. Векслер рассказал в своей книге о поисках библиотеки Грозного в Москве, но они были проведены и в Александровской слободе, однако результат был столь же плачевным.

Несчастный боярин Воронцов

Неизвестно почему, но Иван, зная о беспутстве Марии Темрюковны, как бы закрывал глаза на ее проделки, ограничившись только тем, что не велел выпускать ее из Кремля.

Сам же решил найти себе новую жену и еще раз отправил сватов к Екатерине Ягеллон, дочери польского короля, которая однажды уже отвергла его сватовство.

За прошедшие годы Екатерина уже успела побывать замужем за финляндским герцогом Иоанном, родным братом шведского короля Эрика XIV.

Эрик, не менее безжалостный, чем русский царь, посадил своего брата в тюрьму, и герцогиня Екатерина Ягеллон осталась соломенной вдовой.

Ее-то и решил взять в жены Иван Васильевич. Его не смущало, что муж Екатерины был жив, как не смущало и то, что и его собственная жена – Мария Темрюковна – тоже была жива и даже не находилась в монастыре.

Как только царь узнал, что Эрик посадил брата в тюрьму, как тут же послал в Стокгольм боярина Никиту Воронцова, наказав ему непременно сосватать Екатерину, пообещав за ее согласие стать русской царицей отдать Ревель, который, правда, русские еще не взяли, но уже плотно обложили.

Воронцов прожил в Стокгольме почти год, но не смог добиться приема у короля. Так он и вернулся в Россию ни с чем.

Иван принял его ласково и при всех стал хвалить за все, что он сделал на царской службе. Свою речь закончил Иван совершенно неожиданно:

– За то, что пробыл ты, Никита, в городе Стокгольме год, а приехал ни с чем, жалую тебя дураком, потому как за морем, в земле Свейской, явил ты себя таковым.

И велел вынести шутовской наряд с бубенцами.

– Не дамся! Убью! Никогда Воронцовы в шутах не ходили! – закричал тот, выхватив нож.

Воронцов, не ожидая, когда слуги Ивана наденут шутовской наряд, ударил себя ножом в сердце.

Вскоре после этого умерла и неистовая царица Мария Темрюковна. Это случилось 1 сентября 1569 года.

Разгул опричнины

На старорусском языке слово «опричь» означало «кроме». Князь Андрей Михайлович Курбский – принципиальный враг Ивана Грозного, перешедший на сторону поляков и литовцев 30 апреля 1564 года, – узнав об учреждении опричнины, назвал опричников «кромешниками», обыграв слово «кромешный», означающее адскую тюрьму, и, таким образом, представляя опричное войско силою ада, а самого Ивана – сатаной, ибо именно он стоял во главе этого войска.

В опричнину входили уезды, пограничные с Литвой, в центре – уезды Можайский, Суздальский, Переславль-Залесский с Александровской слободой, которая была центром опричнины.

Опричными были города Гжель, Олешня, Гусев, Домодедово, Вологда, Двинский край и Приморье.

Москва тоже имела опричные территории. Это были Арбат, Знаменка, Воздвиженка, Пречистенка. На этих улицах и жили опричники, которых сначала было тысяча человек, но с годами их число выросло до 5–6 тысяч.

Иван обложил «земщину» – всю остальную территорию Руси – налогом в 100 тысяч рублей и на эти деньги содержал опричное войско. 100 тысяч в XVI веке было невиданно огромной суммой – большое село стоило сто – двести рублей. Опричники приносили царю присягу на верность и обязались знаться только с опричниками, не ведя дружбы даже со своими кровными родственниками.

Опричники жили в Александровской слободе, совершая общие богослужения и трапезы. Между церковной службой и обильной трапезой царь навещался в застенки, и, как писал опричник – ливонец Элерт Крузе, «никогда не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях и пытках».

В 1566 году Иван поставил на митрополию боярина Филиппа Кольчева, взяв с него обязательство «не вступаться в опричнину». Кольчев два года терпел бесчинства опричников, но слово свое держал и против опричнины не выступал. Однако весной 1568 года терпение Кольчева лопнуло, и он во время службы в Успенском соборе Кремля обличил Ивана и осудил опричнину.

Тогда в Соловецкий монастырь, где Кольчев долгие годы был игуменом, отправлена была комиссия для того, чтобы собрать доказательства преступной деятельности митрополита. В ноябре церковный собор низложил Филиппа, и опричники, сорвав с него облачение, отвезли непослушного иерарха в Отроч монастырь под Тверью.

Осенью 1569 года Иван получил донос от новгородского помещика Петра Вольнского, что новгородцы хотят царя Ивана известить, а на трон посадить его двоюродного брата, Владимира Андреевича Старицкого.

Владимира Андреевича вызвали в Москву, и он приехал к брату с женой и младшей дочерью. Их всех отравили, а мать Владимира Андреевича – княгиню Ефросинью, жившую монахиней в Горицком монастыре под Вологдой, – утопили в реке Шексне с двенадцатью монахинями.

Однако это была лишь прелюдия: в начале декабря опричное войско выступило в поход на Новгород.

Новгородский погром

Иван решил подойти к Новгороду неожиданно и потому повелел на пути к нему убивать всех подряд, чтобы ни один человек не смог известить новгородцев о приближении опричного войска.

Первыми жертвами похода на Новгород стали Клин, Вышний Волочек и Торжок. Опричники истребили там всех горожан – не только мужчин, но и женщин, и детей. Точное число их неизвестно, но счет шел на многие тысячи.

Иван решил добиться от бывшего митрополита Филиппа Кольчева, сидевшего под Тверью в Отроче монастыре, благословения похода против Новгорода и послал к нему Малюту Скуратова-Вельского – первого палача и садиста. Филипп отказался благословить поход, и Малюта задушил его. Это произошло 23 декабря 1569 года.

А 2 января 1570 года передовой опричный полк подошел к Новгороду. Основные силы были еще в пути, когда опричники опечатали казну в монастырях, церквях и богатых домах. Через четыре дня к городу подошел и сам царь, решивший в воскресенье 8 января торжественно вступить в город.

В назначенный час архиепископ Пимен, главный враг Филиппа Кольчева, встретил царя на мосту через Волхов. Он шел во главе группы священников, держа в руке «животворящий крест Господень».

Царь должен был поцеловать крест, но он к кресту не подошел, а вместо этого закричал: «Ты не пастырь, а волк и хищник, и губитель, и в руках у тебя не крест, а оружие, и ты, злочестивый, хочешь вместе со своими единомышленниками передать Великий Новгород польскому королю».

«Таковая яростная словеса изглаголав», писал летописец, царь Иван все же пошел вместе с архиепископом и опричниками в собор Святой Софии на богослужение, а потом в трапезную палату архиепископского дворца.

Там царь и опричники наелись и напились, после этого Иван крикнул: «Гойда!» – и по этому сигналу его приспешники кинулись на беззащитных, безоружных новгородцев, тут же перенесся погром на улицы города. Людей обливали горячей смесью, кидали под лед, разрывали на части лошадьми, сажали на кол и рубили руки, ноги и головы.

Погром продолжался с 8 января по 13 февраля с утра до ночи, и убито было около 15 тысяч человек. Архиепископа Пимена Иван оставил в живых, но сорвал с него облачение, передел в скоморошью одежду и велел влезть на лошадь с гусями в руках.

Пимена увезли в Москву, а оттуда отправили в Веневский монастырь, где он через год и умер.

Кроме того что город был залит кровью, он был и начисто разграблен. Опричник Генрих Штеден писал, что, когда он входил в Новгород, у него был всего лишь один конь, а из похода он вернулся с сорока девятью лошадьми, из них двадцать две были запряжены в сани, полные всякого добра.

Из Новгорода опричное войско пошло на Псков, но там Иван ограничился казнями нескольких десятков человек и, ограбив монастыри и многих горожан, вернулся в Александровскую слободу.

Что же изменило нрав убийцы? Почему кровожадное чудовище ушло из Пскова, не растерзав его жителей?

Секрет оказался простым: царь испугался Божьей кары, которую пообещал ему местный жордидивый.

Псковский юродивый Николка-Христа ради

Иван Васильевич был суеверным трусом, боявшимся смерти от ножа или яда, наговора или колдовства.

В центре Пскова, на площади местного кремля, который в Пскове назывался Кромой, навстречу царю вышел знаменитый на весь город юродивый Николка-Христа-ради, известный своим бесстрашием и прозорливостью. Горожане считали его не просто божьим человеком, но провидцем и предрекателем.

Остановившись против царя, Николка крикнул:

– Ежели не оставишь Псков в покое – ждут тебя великие несчастья!

Царь испугался и, не говоря ни слова, отъехал от юродивого. И вдруг пал под ним конь, жеребец дивной красоты и прекрасных статей.

Этого для Ивана было довольно: он бежал из Пскова, не решившись испытывать судьбу дальше.

Царская невеста

Следующие месяцы прошли в непрерывных набегах опричников на города и села, усадьбы и деревни земщины. Грабежи, убийства, насилие и пожары повсюду сопровождали царя и присных его на их страшном пути.

К этому времени Иван стал уже полусумасшедшим. Он приходил в необузданную ярость по малейшему поводу, а то и без всякой причины. Он бился в падучей, на губах у него выступала пена, глаза закатывались. Он хрипел, потом загнанно дышал и в конце концов затихал, впадая в тяжелый сон.

Намеренно не женись, Иван проводил дни и ночи среди сонма наложниц, которые носили его от стола в баню, а из бани в опочивальню.

Иван обрюзг, лицо его пожелтело, и это случилось с ним, когда было ему всего сорок лет.

Наконец в голову Ивана, неизвестно почему, пришла мысль сыграть еще одну свадьбу.

И снова были смотрины. Согбенный, облысевший, опирающийся на посох, Иван обходил ряды невест – молодых, ядреных, крепкотелых, пыщущих здоровьем – и, точно коршун, выискивал себе добычу.

Наконец жених остановился.

– Как звать тебя? – спросил он девушку, понравившуюся ему более всех.

– Марфа Собакина, – ответила девушка.

Царь велел объявить, что царицею Московской называет он боярышню Марфу Васильевну Собакину, дальнюю родственницу Малюты Скуратова. Это значило, что ее отец – простой коломенский дворянин – становится боярином, а вслед за тем три брата царской невесты были объявлены окольными.

28 октября Ивана и Марфу венчали в Троицком соборе Александровской слободы, и прямо из-под венца пошли они на свадебный пир.

Но вдруг в конце пира Марфе стало плохо, и ее под руки увели. Иван не посмел лечь в ее постель и тут же велел начать «розыск».

Марфа болела все сильнее и через полмесяца умерла, так и оставшись девственницей.

Это ей в 1898 году посвятил Н. А. Римский-Корсаков оперу «Царская невеста».

По «розыску» о смерти Марфы пошли на плаху двадцать человек.

Можно представить, как неистовствовал Иван. Он велел созвать церковный собор, и послушные ему иерархи признали брак с Марфой недействительным, что позволяло им дать разрешение царю жениться еще раз, считая очередной брак третьим, потребовав от царя покаяния и наложив на него легкую епитимью – совершать каждый день сто поклонов перед иконами в течение одного года.

Не будем и мы считать Марфу Васильевну Собакину женой Ивана Грозного, оставив ее царской невестой, каковою она и вошла в нашу историю.

Третья жена Грозного – Анна Колтовская

Последний раз венчался Иван в церкви 28 апреля 1572 года, когда женой его стала Анна Ивановна Колтовская, дочь знатного каширского дворянина, чьи предки были рязанскими боярами.

Анна Ивановна во многом напоминала Анастасию, и не без влияния Анны, как полагают многие историки, именно в 1572 году опричнина прекратила свое существование.

Неизвестно почему менее чем через год Иван приказал постричь ее в монахини под именем инокини Дарьи. Однако на том Иван не остановился, и в тот же день ее постригли в схимонахини, надев на нее схиму – черную грубоотканую рясу с белым черепом на груди, что означало смерть всех земных радостей для постриженной и одиночество до последнего дня жизни.

Схимонахиню Дарью отвезли в подземную келью, где она и пребывала в одиночестве много лет. После смерти Ивана ее выпустили из подземелья, но она продолжала оставаться в монастыре и скончалась в августе 1626 года, пережив, таким образом, своего венценосного супруга более чем на сорок лет.

Четвертая жена Грозного – Мария Долгорукая

По канонам Русской православной церкви более трех раз никто из христиан не имеет права венчаться. На сей раз дряхлому жениху приглянулась семнадцатилетняя княжна Мария Долгорукая. Зная, что никакой собор не даст ему разрешения еще раз венчаться в церкви, Иван договорился с настоятелем Спасо-Преображенского монастыря, протопопом Никитой, который раньше служил в опричниках, чтобы тот тайно обвенчал его с Марией Долгорукой.

Состоялось ли это тайное венчание, неизвестно. Известно только, что свадебный пир был очень веселым и на улицы Москвы были выставлены столы, заполненные хлебом, мясом и рыбой, а также десятки бочек пива и браги.

Однако после брачной ночи Иван вышел из опочивальни скучным, печальным и удрученным.

Затем он приказал закладывать санный поезд и ехать в Александровскую слободу. Он привез туда Марию, и на следующий день обитатели Александровской слободы увидели, как из ворот царской усадьбы выехали сани, а в них, опеленутая веревками, лежала, будто спящая, молодая царица.

Лошадь подтащила сани к польнье, пробитой в центре замерзшего пруда, и остановилась.

Из ворот следом выехал царь, а с ним рядом шел какой-то начальный человек и, обращаясь к слободчанам, столпившимся на берегу, громко произнес:

– Православные! Ныне узрите, как карает великий государь измену. Князя Долгорукие обманым воровским обычаем повенчали государя с девкой, коя до венца слюбилась с неким злодеем и пришла во храм в скверне блудодеяния, о чем государь не ведал. И за то злое, изменное дело повелел великий государь девку Марийку в пруду утопить!

Пятая жена Грозного – Анна Васильчикова

А вскоре же после того увидел царь Анну Васильчикову, дочь московского дворянина Григория Борисовича Васильчикова. О ней почти ничего не известно, кроме того, что через два года была она увезена в суздальский Покровский монастырь и там пострижена в монахини. Неизвестно и когда она умерла.

Шестая жена Грозного – Василиса Мелентьева

Историк Д. С. Горский писал, что как-то однажды заехал царь к своему стремянному Никите Мелентьеву и увидел жену его Василису – дородную, статную, большеглазую и веселую. Василиса хотя и блюла все приличия, но поглядывала на царя так зазывно, что он повеселел и подобрел. Принимая из рук Василисы чарку, он сказал:

– Буди здрава и ты, хозяйюшка. А тебе, Никита, укор: пошто этакую красу до сего часа от нас скрывал? Приходи, красавица, нынче вечером ко мне во дворец.

Вечером Василиса в царский дворец не явилась. Не явился на службу и Никита. Когда же Иван поинтересовался, что случилось, ему ответили, что муж и жена больны.

Иван и Малюта поехали к Мелентьевым. Царь привез для своего стремянного снадобье, которое и дал ему. Никита лекарство принял и тотчас же умер.

На третий день после похорон Никиты Василиса пришла во дворец, да так и осталась на целых два года. Она сумела взять над Иваном такую власть, какой не обладала над ним ни одна женщина. Василиса выгнала всех царских наложниц и стала единовластной хозяйкой дворца.

Через год Василису объявили царицей. Но, как сообщает одна легенда – а достоверных сведений о Василисе Мелентьевой мало, – царь нашел на ее половине спрятавшегося молодого красавца. По одним известиям, это был царский оружничий князь Иван Тевекелев, по другим – сокольничий Иван Кольчев. А дальше обе легенды сливаются в один поток: царь тут же, на месте, убил соперника и велел похоронить вместе с Василисой в одной могиле.

На другой день в Александровскую слободу из Кремля повезли два гроба. На краю кладбища выкопали большую могилу и опустили в нее обе домовины, поставив их рядом. Отпевавшему прах священнику имен усопших не назвали, а велели поминать их как просто «рабов Господних».

На отпевании присутствовал один из опричников. Он стоял совсем рядом с могилой, и, когда поп перестал читать отходную и стало совершенно тихо, ему слышался тихий шорох, доносившийся, как ему казалось, из одного из гробов. Это еле шевелилась и замученно дышала живая Василиса с кляпом во рту, вся опеленутая веревками.

Седьмая жена Грозного – Мария Нагая

И вновь Иван окунулся в разгул, оргии, беспробудное пьянство, пока не услышал, что у опального боярина Федора Нагого в его вотчине, где отбывал Федор ссылку, выросла дочь – невиданной красоты и стати. Царь тут же приказал немедленно возвратить Нагого со всем семейством в Москву.

Когда он увидел дочь Федора Марию, у него бешено заколотилось сердце. Мария была высока и стройна, полна в той степени, какая делала ее необычайно привлекательной. Пепельная коса, тяжелая и густая, падала ниже пояса, а большие серые глаза смотрели ласково, выявляя ум и добрую душу девушки.

Царь сказал:

– Мария Федоровна будет царицей Московской.

При этих словах невеста упала в обморок. Нагому ничего не оставалось, как сказать, что его дочь потеряла сознание от нежданного счастья – не от вида же согбенного и плешивого желто-зеленого старца.

Через неделю, 6 сентября 1580 года, в Спасо-Преображенском соборе молодых венчал тот же протопоп Никита, который ставил под венец и несчастную Марию Долгорукую, утопленную после первой брачной ночи.

Примечательным на свадьбе Марии Нагой с Иваном Васильевичем было то, что посаженным отцом жениха был собственный его сын – двадцатитрехлетний Федор, дружкой жениха – двадцативосьмилетний князь Василий Шуйский, а дружкой со стороны невесты – ровесник Шуйского, Борис Годунов, зять Малюты Скуратова и буквально завтрашний шурина царевича Федора, ибо на сестре Годунова, Ирине, царевич должен был жениться на следующий день, 7 сентября.

«А что ж в этом примечательного?» – спросите вы, уважаемый читатель.

И я отвечу вам: а то, что все они стали после смерти Ивана Грозного один за другим русскими царями.

Мария Федоровна Нагая явилась свидетельницей подлинно глубокой драмы в жизни царя: в ноябре 1581 года он убил своего старшего сына – наследника престола царевича Ивана Ивановича.

По-разному рассказывают об этом теперь, но в народной памяти отложилась такая версия убийства. Двадцативосьмилетний царевич заступился за свою беременную жену Елену, в девичестве Шереметеву, кстати, уже третью, потому что первая и вторая жены были давно в монастырях. Не терпевший «встречи», то есть возражений, отец в пылу гнева ударил своего первенца в висок посохом. По одной версии, царевич умер мгновенно, по другой – через два дня, по третьей – через десять, но дата смерти Ивана Ивановича называется точно – 19 ноября.

Царь не намеревался убивать наследника и сына и от горя едва не умер. После похорон сына он долго не мог прийти в себя – плакал, молился и, сдается, совсем лишился и сил, и желаний грешить.

Но как только чуть-чуть полегчало, он тут же взялся за прежнее. Однажды, почувствовав прилив необузданного вожделения, он схватил за руки сидевшую рядом невестку – Ирину, жену царевича Федора, и пытался повалить ее на постель, но Ирина убежала.

Этот порыв похоти Иван принял за еще одно возвращение к молодости, и в голове у него возник новый матримониальный проект: сватовство к племяннице английской королевы Елизаветы – графине Гастингс.

Семейная жизнь царя Ивана

Теперь, уважаемые читатели, после всего, что вы уже знаете об Иване Грозном и семи его женах, сведения о которых почерпнуты автором из статей и книг конца XIX – начала XX столетия, позвольте представить вам фрагмент из монографии Р. Г. Скрынникова «Иван Грозный», к которой автор обращался уже не раз. Эта книга – одна из лучших монографий о Грозном как по точности изложения и тщательности проверки материала, так и по объективности оценок, далеких от эмоций и пристрастности. Вот как Скрынников пишет о семейной жизни Ивана IV.

«Царь был привязан к первой жене и всю жизнь вспоминал о ней с любовью и сожалением. Вторым браком Грозного был скоропалительным. Не добившись успеха в Польше и Швеции, царские дипломаты привезли царю невесту из Кабарды. Невеста – княжна Кученей, дочь кабардинского князя Темир-Гуки, – была очень молода. Иван „смотрел“ черкешенку на своем дворе и, как сказано в официальной летописи, „полубил ее“. Кученей перешла в православие и приняла имя Мария [Темрюковна]. В браке с Марией Черкасской у царя родился сын Василий, но он умер младенцем. Темные слухи об отравлении Марии Грозным легендарны.

Царь велел вторично собирать невест по всему царству. Со всех концов страны во дворец свезли 1500 дворянских девок-невест. 40-летний царь Иван оказался перед трудным выбором. В конце концов царь доверился совету верного приспешника Малюты Скуратова, указавшего на (свою родственницу) Марфу Собакину. Несмотря на то, что царская невеста после обручения стала „сохнуть“ и, казалось бы, должна была выбыть из „конкурса“, царь „положился на Бога“ и сыграл свадьбу, когда невеста его была плоха. Так и не став фактически женой Ивана (что засвидетельствовано приговором высшего духовенства), Марфа скоропостижно умерла.

Однако свадьба была сыграна, и худородный Малюта отныне вошел в круг царской родни. О причинах кончины Марфы ходили разные слухи. Говорили, что мать Собакиной передала ей через одного придворного какие-то травы для „чадородия“. Вскрытие гробницы Марфы обнаружило удивительный биологический феномен: царская невеста лежала в гробу бледная, но как бы живая, не тронутая тлением, несмотря на то, что пробыла под землей 360 лет.

Первый смотр невест прошел несколько туров. В последних турах были отобраны сначала 24, а потом 12 невест. Победила в конкурсе протеже Малюты Скуратова, но она умерла, освободив место для Анны Колтовской. Свадьбу с ней царь сыграл через несколько месяцев после кончины Марфы. Своим худородством Колтовская превосходила Собакиных. Красоты и свежести Анны оказалось недостаточно для того, чтобы усидеть на троне в то бурное время. Брак с Колтовской продолжался менее года. Царь сослал Анну в монастырь и отобрал земли у ее родственников.

Когда место Скуратова занял новый временщик, Василий Умной-Кольчев, царь вступил в брак с Анной Васильчиковой. Временщик сосватал царю свою родственницу. По преданию, царь отослал Васильчикову в монастырь на третий день после казни Умного.

Браки царя не были браками „по любви“, даже когда при их заключении внешнеполитические расчеты не играли никакой роли. Семейная жизнь Грозного была открыта для всех внутривластных бурь. Оттого подданные не успевали разглядеть лица цариц, приходивших во дворец вслед за временщиками. Кажется, только в одном случае брак царя связан был с увлечением: вдова Василиса Мелентьева стала шестой женой царя Ивана. Брак со вдовою дьяка, женщиной, вероятно, недворянского происхождения, не имел ничего

общего с политическими соображениями. Вдова Василиса была много старше других цариц и сравнительно рано умерла.

За три года до смерти Грозного любимец царя Афанасий Федорович Нагой сосватал ему свою племянницу. Седьмой брак был заключен в нарушение церковных правил, и многие современники считали его незаконным, хотя царь относился к нему серьезно».

Ливонская война – продолжение ее до 1578 года

Случилось так, что вскоре после смерти Анастасии Романовны, чья кончина сыграла важную роль в судьбе Избранной рады, в Ливонской войне наступил новый этап, повернувший ее ход в другую сторону. Под ударами русских войск государство Ливонского ордена распалось. Это произошло после разгрома рыцарей в Эргемском сражении 2 августа 1560 года.

В 1561 году земли Ордена перешли под власть польско-литовского государства и Швеции. Только часть территорий, некогда подвластных Ордену, не подпала под юрисдикцию этих государств. Эта часть территорий, расположенных к югу от Западной Двины, вошла в состав нового государства – герцогства Земгальского и Курляндского, образованного договором от 28 ноября 1561 года.

Договор был подписан польским королем Сигизмундом-Августом II и новоявленным герцогом Готардом Кетлером, бывшим магистром Ливонского ордена, перешедшим из католичества в протестантизм, чтобы спасти государство немецких дворян, бывших до того в ордене или же находившихся в вассальной зависимости от него. Начиная с этого времени Россия вступила в борьбу с Польшей, Литвой, Швецией и новым Курляндским герцогством, поддержанным родственным ему герцогством Прусским, основанным в 1525 году на руинах Тевтонского ордена, и многими государствами Священной Римской империи, а также Союзом ганзейских городов.

В 1563 году русские войска под командованием князя Андрея Михайловича Курбского взяли Полоцк, но на будущий год 26 января были разбиты на реке Улле.

Испугавшись, что это поражение будет поставлено ему в вину, Курбский бежал в апреле 1564 года в польский лагерь вместе с большой группой своих сторонников и был ласково встречен Сигизмундом-Августом II, пожаловавшим перебежчикам множество имений. Князю же Курбскому кроме деревень был дарован и город Ковель.

В ответ Иван Грозный казнил и жену, и сына, и братьев Курбского, а в 1565 году, введя опричнину, предал смерти всех, кто хоть как-нибудь соприкасался с Курбским. В 1566 году в Москву прибыло литовское посольство, предложившее заключить мир, разделив бывшую Ливонию, но Иван отверг этот план.

Война продолжалась с переменным успехом, но все же инициативой владели русские, а из всех их противников более всего страдало великое княжество Литовское.

В январе 1569 года Литва начала переговоры с Польшей об окончательном создании единого государства – Речи Посполитой. Переговоры велись на объединенном сейме поляков и литовцев – магнатов, крупной шляхты и католических прелатов, заседавших в Люблине.

28 июня 1569 года такой союз, «Люблинская уния», был заключен.

Несмотря на это, перевес оставался на стороне русских: войска Ивана IV заняли все побережье Балтики, осадив Ригу и Ревель.

Однако опричный террор, свирепствовавший в 1565–1572 годах, вконец разоривший страну и ослабивший ее армию из-за многочисленных казней военачальников, сыграл свою крайне отрицательную роль, и к 1578 году успехам русских войск пришел конец.

Этому способствовало также и то, что на польском троне в 1576 году оказался блестящий полководец Стефан Баторий, повернувший ход Ливонской войны кардинальным образом.

Конец опричнины

Сколь ни была ужасна опричнина, однако многие смелые люди решительно выступали против нее. Почти сразу после начала опричного террора на Земском соборе 1566 года группа дворян подала царю челобитную об отмене опричнины. Разумеется, всех челобитчиков казнили. Это было наглядным и убедительным уроком для всех.

Но оказалось, что осталась в России сила, все еще способная противостоять опричному аду. Этой силой была церковь. Неоднократно «печаловился» о жертвах террора митрополит Афанасий – в прошлом духовник Ивана, один из прекрасных художников-иконописцев, человек высоких моральных качеств. Однако и он не смог повлиять на царя и 19 мая 1566 года ушел в Чудов монастырь монахом, оставив митрополичий стол Филиппу Колычеву, человеку еще более решительному, противнику опричнины.

К 1572 году Иван IV добился того, что власть его стала абсолютной, сравнимой лишь с восточными деспотиями, в которых жизнь и имущество подданных полностью принадлежали владыкам и зависели лишь от их желаний и прихоти.

Вместе со всем этим опричное войско оказалось почти совершенно небоеспособным и в Ливонии, и при отражении набегов из Крыма, совершаемых ордынцами. Особенно плохо выглядело опричное войско при попытке отразить набег крымского хана Девлет-Гирея в 1571 году.

Суммируя все это, С. Ф. Платонов писал: «Цель, которую поставил себе Иван Грозный, устраивая опричнину, была достигнута. Княжеская аристократия была разгромлена и уничтожена; старые удельные вотчины княжат перешли к государю и были обменены на другие земли. Но опричнина, несомненно, повела к разорению государства, потому что разрушила хозяйственный порядок в центральных московских областях, где сосредоточены были княжата с их удельными вотчинами. Когда Грозный выселял крупных вотчинников с их старых земель, оттуда уходили с ними их холопы, а затем стали уходить и крестьяне, которым невыгодно было оставаться за новыми владельцами, мелкими помещиками, не имевшими никаких земельных льгот. Крестьянам была еще и та выгода уйти со старых мест, что они могли поселиться на новых хороших землях, или в завоеванном Казанском царстве, куда само правительство звало поселенцев, или же в черноземной плодородной полосе на юг от Оки, где тогда возникало много новых городов. Народ охотно шел на окраины государства, где не было ужасов опричнины, а от этого центральные области все пустели и пустели. К концу царствования Грозного они запустели до такой степени, что с них царь не получал уже ни ратных людей, ни податей. У Грозного не стало поэтому войска и средств, что и заставило его бесславно окончить шедшие тогда войны с Литвой и шведами».

О том, как шла война со шведами и Речью Посполитой в Ливонии, будет рассказано дальше.

Ближайшие последствия опричнины

Вот как охарактеризовал ближайшие последствия опричнины профессор В. Б. Кобрин: «Результаты опричнины были трагичны для страны. Начнем с тех ее непосредственных последствий, которые уже в последние годы опричнины и в первые годы после ее отмены ощутили миллионы русских людей, имевших несчастье быть современниками царя Ивана. 70–80-е годы XVI века – время тяжелого экономического кризиса. Деревни и села центра страны и значительной части северо-запада, Новгородской земли, запустели. Крестьяне разбежались: кто на новые земли Поволжья (именно тогда русский крестьянин осваивал территории вокруг Тамбова, Саратова, Самары, Симбирска и т. д.), кто в Приуралье, кто на юго-запад – к Туле, Курску, Орлу. Масштабы запустения позволяют представить писцовые книги. Это были документы, в которых в налоговых целях и для закрепления права собственности подробно описывалось каждое феодальное владение, там отмечали количество и „пашни паханой“, и перелога» (необрабатываемой пахотной земли), крестьянских и холопских («людских») дворов, населенных и заброшенных, лугов, лесов и т. д. Дошли до нас они далеко не в полном объеме, но все же дают ценный материал для историка.

Писцовые книги, составленные в первые десятилетия после опричнины, создают впечатление, что страна испытала опустошительное вражеское нашествие. «В пусте» лежит не только больше половины, но порой до 90 % земли, иногда в течение многих лет. Даже в центральном Московском уезде обрабатывалось всего около 16 % пашни. Часты упоминания «пашни-перелога», которая уже «кустарем поросла», «лесом-рощей поросла» и даже «лесом поросла в бревно, в кол и в жердь»: строевой лес успел вырасти на бывшей пашне. Многие помещики разорились настолько, что бросили свои поместья, откуда разбежались все крестьяне, и превратились в нищих – «волочились меж двор».

Следует признать, что всем этим экономическим бедствиям, вызванным опричниной, способствовали и другие факторы. Это отмечал и В. Б. Кобрин: «Конечно, в этом страшном разорении повинна не только опричина, иногда мы имеем дело лишь с косвенными ее последствиями. Дело в том, что в годы опричнины резко вырос налоговый гнет. 100 тысяч рублей, которые Иван IV взял с земщины за свой „подъем“, были только началом. Нельзя, впрочем, забывать и о том, что в 1570–1571 годах в России свирепствовала эпидемия чумы, унесшая множество человеческих жизней. Ее, разумеется, не поставишь в счет опричнине». Но ученый совершенно прав, считая все голодные годы, эпидемии и пожары второстепенными причинами несчастий, обрушившихся на Россию, по сравнению с опричниной.

И все же роль опричнины в запустении была исключительно велика. Материал для суждений об этом дают нам книги «обысков» – расследований о причинах запустения тех или иных сел и деревень Новгородской земли. В некоторых случаях причиной гибели или бегства крестьян называют «немцев» – шведские войска, вторгшиеся в ходе Ливонской войны на часть территории Новгородской земли. Но куда больше записей такого рода: «...опричинные на правежи замучили, дети з голоду примерли», «опричина живот пограбела, а скотину засекали, а сам умер, дети безвесно збежали», «опричинные замучили, живот пограбела, дом сожгли». Часто оказывается, что запустение наступило и от «царевых податей», то есть, в конечном счете, от той же опричнины, которая резко усилила налоговое ярмо.

Разумеется, Новгородская земля подверглась особому погрому, но сведения такого рода сохранились и по другим районам. Так, в Двинской земле страшному разгрому подверглось

несколько волостей, где собирал недоимки опричник Басарга Леонтьев. Басарга был опытен: недаром накануне опричнины он был главным начальником над тюрьмами Москвы. Через несколько лет в официальных документах писали, что волости запустели «от гладу, и от мору, и от Басаргина правежу». В 90-х годах XVI века один из феодалов вспоминал в своем завещании, что его село и деревню в Рузском уезде «опришницы розвозили, и та земля стояла в пусте лет з двадеть». И после определения роли опричнины в злосчастии страны В. Б. Кобрин пишет и о других причинах упадка России:

«Народные бедствия усугублялись вдобавок к эпидемиям и бесчинствам опричников и неурожаем, „хлебным недородом“. Его причины крылись не только в неблагоприятной погоде, но и в невозможности спокойно вести хозяйство в условиях мобилизаций крестьян для обозной повинности в войсках, грабежей и насильственной экспроприации. Крестьянское хозяйство лишалось резервов, и первый недород нарушал неустойчивое равновесие. Начался голод, стала массовой смертность. „Из-за кусочка хлеба человек убивал человека, – пишет Штаден. – А у великого князя по дворам в его подклетных селах (личные села царя. – В. К.)... стояло много тысяч скирд необмолоченного хлеба в снопах. Но он не хотел продавать его своим подданным, и много тысяч людей умерло в стране от голода“».

Это не клеветнические рассказы недоброжелательного иностранца. О голоде единодушно твердят все источники. Вот цитаты из русских летописцев: «Глад... велик»; «Недород был великой хлебного плоду»; «Мор был силен по всей Русской земли»; «Мор и глад». Еще один текст, уже не из летописца, а из челобитной властей Троице-Сергиева монастыря: «Крестьяне от глада и от поветрея (эпидемии. – В. К.) вымерли». Летописям вторят бесстрастные материалы земельных описаний. В некоторых пятинах Новгородской земли количество пустых дворов, в которых не осталось жителей, превышало 90 процентов. Во всей Новгородской земле осталась всего лишь пятая часть населения. К тому же возросли подати, а цены на хлеб подскочили в четыре раза. Так что можно согласиться с псковским летописцем, который лаконично подвел итог: «Царь учиниша опричнину.. И от того бысть запустение велие Русской земли».

Поставив все факторы, повлиявшие на Россию в эпоху Ивана Грозного, в причинно-следственный ряд, В. Б. Кобрин сделал верные и далеко идущие выводы о месте и роли опричнины в истории нашего отечества:

«Это опустошение страны сыграло значительную, если не решающую, роль в утверждении крепостного права в России. Когда в 1581 году царь Иван временно запретил крестьянам переходить от одного владельца к другому даже в Юрьев день (26 ноября), он, должно быть, думал не о введении крепостного права, а о поисках выхода из сложившегося благодаря его же действиям кризисного положения. Искал же он этот выход на путях привычных ему командных методов. Крестьяне бегут? Так приказать, чтобы не бегали, а сидели на своих местах, там, где записаны в писцовые книги. Этот ход рассуждений, популярный даже в нашу просвещенную эпоху, – обычная попытка лечить симптом вместо болезни, вызванная святой и наивной верой в силу приказа».

Отдаленные последствия опричнины

В. Б. Кобрин писал: «От непосредственных результатов опричнины обратимся к ее отдаленным последствиям, к тем, которые сказались на жизни не одного поколения, да, пожалуй, продолжают сказываться кое в чем и сегодня.

Опричнина прежде всего утвердила режим личной власти. Автор уже обращал внимание читателя на деспотические черты в правлении Ивана III и Василия III. Но опричнина усилила и закрепила эти элементы деспотизма в русской монархии. Путь форсированной централизации без достаточных экономических и социальных предпосылок был осуществим только при условии неслыханного усиления личной власти царя. Свою реальную слабость власть пыталась компенсировать жестокостью, создавая не четко работающий аппарат государственной власти, обеспечивающий выполнение правительственных предначертаний, а аппарат репрессий.

Вряд ли случайно и то, что утверждение крепостного права в России началось в послеопричные годы. Выше уже обращалось внимание на то, что хозяйственное разорение страны в результате опричнины как бы спровоцировало переход к крепостничеству. Но существенно и другое соображение: без террористической, репрессивной власти загнать крестьян в крепостное ярмо трудно.

Однако вне зависимости от того, было ли крепостное право неизбежным, оно не было прогрессивным. Ведь оно, даже если отвлечься от моральной оценки, консервировало феодализм и задерживало возникновение, а затем и развитие капиталистических отношений. Крепостничество было мощным тормозом развития нашей страны. Само по себе установление крепостного права в Восточной Европе было, возможно, некоей реакцией феодального общества на возникновение капиталистических отношений в сопредельных странах, иммунитетной реакцией отторжения.

Итак, тот путь централизации через опричнину, по которому повел страну Иван Грозный, был гибельным, разорительным для страны. Он привел к централизации в таких формах, которые не поворачивается язык назвать прогрессивными. И потому было бы ошибкой считать прогрессивной террористическую диктатуру опричнины. Не только потому, что протестует наше естественное нравственное чувство (хотя, подчеркиваю, и это крайне важно), но и потому, что последствия опричнины отрицательно сказались на ходе отечественной истории».

Великий князь Симеон Бекбулатович

Теперь же, уважаемые читатели, позвольте познакомить вас с одним из самых загадочных и нелегко объяснимых эпизодов середины 70-х годов XVI столетия.

Вот что писал по этому поводу и как объяснял все произошедшее В. Б. Кобрин: «Осенью 1575 года в Успенском соборе Кремля был торжественно коронован великим князем всея Руси крещеный татарский хан Симеон (до крещения его звали Саин-Булатом) Бекбулатович. А Иван Грозный стал именоваться князем Иваном Васильевичем Московским. По словам Пискаревского летописца, он „ездил просто, что бояре, а зимою возница в оглоблех... А как приедет к великому князю Симеону, и сядет, далеко, как и бояря, а Симеон князь велики сядет в царьском месте“.

В этом политическом маскараде была одна удивительная деталь. На первый взгляд, Россия была разделена на две части: на великое княжение Симеона Бекбулатовича и на „удел“ князя Ивана Московского. Но в одной части страны словно не существовало ни великого князя Симеона, ни князя Ивана Московского. Здесь все по-прежнему делалось именем „царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси“. Это были в основном земли с татарским и другим нерусским населением, входившие раньше в Казанское ханство. Царь Иван, видимо, опасался, чтобы имя татарина на великокняжеском престоле не вызвало здесь волнений...

О причинах этой странной комедии с переодеванием в недоумении гадали современники, спорят и историки...

Автор Пискаревского летописца передает противоречивые слухи, ходившие в то время среди русских людей. Одни утверждали, что царь испугался предсказания волхвов, напророчивших на этот год „московскому царю смерть“. Другие же полагали, будто царь „искушал люди: что молва будет в людех про то“. Разумеется, это не более чем слухи. Второй из них показывает, как представляли себе современники личность и нрав царя Ивана. Он, по их мнению, был готов даже на такую крупномасштабную провокацию, как отказ от трона, чтобы услышать „молву“ о себе, выявить своих противников.

Больше доверия, чисто психологически, заслуживает первая версия. Ведь в колдунов и предсказателей тогда верили безоговорочно. Дела о „ведунах“, которых держали у себя для гаданий, весьма распространены. Так, при Федоре Ивановиче родственников последней жены царя Ивана – Нагих – обвиняли в том, что они специально „добывали“ ведунов, чтобы узнать, „сколь долговечен“ царь Федор. Если царь действительно испугался предсказания, то я даже готов признать за ним некоторую толику своеобразного гуманизма: отказавшись сам от титула московского царя, он не подставил под удар судьбы-злодейки и Симеона – тот был всего лишь великим князем, а не царем, да к тому же не московским, а „только“ всея Руси. Так что в этом году просто не было „московского царя“.

Короче, не думаю, чтобы сегодня наша наука располагала достаточным материалом, чтобы ответить на вопрос, почему и зачем царь Иван на год отказывался от престола. Во всяком случае, осенью 1576 года все вернулось на прежние места, а Симеон Бекбулатович остался великим князем, только уже не всея Руси, а тверским. С находившихся в его уделе Твери и Торжка он фактически лишь получал доходы да держал у себя положенных по титулу придворных.

Самостоятельного значения ни сам Симеон, ни его княжество не имели. В России же еще почти восемь лет продолжалось царствование Ивана Грозного».

Ливонская война и ее окончание

В апреле 1576 года в Кракове польская корона была надета на голову трансильванского князя Стефана, происходившего из знатного рода Баториев. На Руси Трансильванию издавна называли «Семиградьем», где жили племена и народы, впоследствии образовавшие Венгрию, Румынию и Молдавию. Новому королю было 43 года. С шестнадцати лет он воевал и учился. Когда судьба занесла его в Италию, Баторий слушал лекции в Падуанском университете, а когда оказался в плену у немцев, то три года читал книги, особенно усердно штудировав римскую историю.

В 38 лет он был избран князем Трансильвании и, опираясь на среднюю и мелкопоместную шляхту, начал решительную войну с панами-магнатами.

Шляхта возвела Батория на польский трон и поддержала его, когда в 1576 году он взял Гданьск, наложив на город контрибуцию в двести тысяч злотых; затем казнил и изгнал из страны заговорщиков-магнатов.

В 1577 году он начал войну в Ливонии, взял Полоцк и Великие Луки, а затем в 1581 году осадил Псков, оказавший его войскам длительное и упорное сопротивление.

Успехи Батория воодушевили союзных ему шведов – и те заняли Нарву и Корелу.

Все это в конце концов привело к тому, что 15 января 1582 года в местечке Запольский Ям между Русским государством и Речью Посполитой был подписан мир на десять лет. По этому договору русские исходили из Ливонии и за восемь недель обязывались отдать все захваченные ими крепости (кроме Велижа) и произвести обмен пленными. Полоцк и Ливония отходили к Речи Посполитой.

А на следующий год на реке Плюсса было подписано соглашение о перемирии между Россией и Швецией на три года. Швеции отходили Ивангород, Ям, Корела и Копорье с их уездами. Россия сохранила только узкий выход к Балтийскому морю в устье Невы.

Таким образом, Россия потерпела в Ливонской войне сильное поражение, однако от Балтики совершенно отрезана не была.

Доброе приключение сэра Ричарда Ченслера

Возвратимся назад на целых три десятилетия.

25 мая 1553 года из Англии вышла эскадра из трех кораблей и взяла курс на северо-восток. В задачу мореплавателей входило открытие неизвестных земель к норд-осту от Британии.

Когда корабли вышли к берегам Норвегии, жестокая буря разметала их, и они потеряли друг друга из виду. Один из кораблей – «Доброе приключение» – под командой кормчего эскадры сэра Ричарда Ченслера продолжал свой путь в одиночку. Обогнув Скандинавию, он вошел в какую-то бухту. Оказалось, что англичане вошли в устье Северной Двины, а земли по обоим ее берегам и побережье моря, которое местные жители называли Белым, принадлежали Московскому государству, о котором в Англии почти ничего не знали. Однако русские вскоре же узнали о произошедшем, и холмогорский воевода тут же известил царя о случившемся. Иван пригласил мореплавателей в Москву. Ченслер довольно быстро добрался до столицы, удостоился аудиенции царя и, пробыв две недели, выехал обратно. Он увез с собою дружественное послание русского царя английскому королю Эдуарду VI. Возвратившись в Англию, Ченслер создал «Московскую компанию», взявшую в свои руки торговлю с Россией, и поехал обратно в Москву, захватив с собою сына и двоих своих компаньонов.

21 июня 1556 года в Англию под командой Ченслера вышли четыре судна, нагруженные товарами. На флагманском корабле вместе с Ченслером плыл и первый русский посол, вологодский наместник Осип Григорьевич Непея, вложивший все свое состояние в товары и в это предприятие.

Однако новая буря раскидала караван. Три корабля из четырех утонули. Остался на плаву лишь «Доброе приключение», получивший сильнейшие повреждения.

Через три месяца корабль Ченслера достиг берегов Шотландии, но еще одна буря вынесла его на скалы. Спасая Осипа Непею и сопровождавших его русских купцов, сам Ченслер с собственным сыном погибли. Непея остался жив, добрался до Лондона и был необычайно торжественно и пышно встречен лордом-мэром Лондона и сотнями богатейших английских негоциантов.

Получив от короля исключительные привилегии на торговлю с Англией, Непея в мае 1557 года отправился в Россию на корабле известного мореплавателя Антони Дженкинсона, служившего в «Московской компании». Благополучно добравшихся до Москвы Непею и Дженкинсона принял сам царь, весьма довольный тем, что связи его страны с Англией начинают развиваться и крепнуть.

Последнее сватовство Ивана IV

Иван IV и Елизавета Тюдор, королева Англии с 1558 года, вскоре после учреждения опричнины вступили в многолетнюю переписку, где поочередно предлагали друг другу убежище в Москве и Лондоне в случае, если политическая борьба с противниками заставит их прибегнуть к этому. В письмах не раз говорилось о заключении англорусского союза. Но ни тот, ни другой вопросы решены не были.

Старая идея возродилась в ином виде в 1581 году, когда лейб-медик королевы Джек Роберте, присланный Елизаветой для Ивана, как-то намекнул, что он мог бы жениться на племяннице Елизаветы – графине Гастингс. Посла смущало, конечно, что Иван совсем недавно вступил в брак с Марией Нагой, но это ничуть не обескуражило жениха, ответившего, что Нагая – боярыня, а не особа царской крови и что за жену ее можно не считать.

Сам же велел своему новому тестю – Федору Нагому, отцу Марии, – расспросить Робертса об английской невесте.

Казалось, ничто не останавливало Ивана в осуществлении его нового намерения. Однако случилось непредвиденное: произошло нечто такое, что отодвинуло возжеленное намерение сластолюбивого царя на некоторое время.

Миссия в Лондоне Федора Писемского

В июле 1582 года московский посланник Федор Иванович Писемский отправился к Елизавете с наказом: во-первых, повидать «Хантинскую княжну», как переводили титул графини Гастингс царские толмачи, и хорошенько разглядеть, хороша ли она, какого роста, бела ли, дородна ли. Во-вторых, выведать, какого Мария рода и подлинно ли близка по крови королеве. В-третьих, он должен был привезти ее портрет и точную мерку на бумаге.

Переводчиком при Писемском ехал Джек Роберте, получивший особое поручение – сообщить Елизавете о намерении Ивана тайно посетить Англию.

Почти год Писемский тщетно добивался свидания с королевой и разрешения повидаться с Марией Гастингс, и, в конце концов, добился только того, что получил портрет невесты, с которым в июне 1583 года отплыл в Россию. Вместе с ним вышел в море посол королевы сэра Джером Боус. Одновременно с проблемами военными, торговыми и дипломатическими он должен был обсудить и вопрос о сватовстве. Писемский и Боус благополучно добрались до Москвы, где тотчас же были приняты царем.

Во время аудиенции, данной ему Иваном, Боус сказал, что Мария Гастингс больна, некрасива, не хочет менять религию, а, кроме того, из всех племянниц королевы она по родству отстоит от королевы дальше всех.

– У королевы, – сказал Боус, – есть еще десяток более близких и более красивых родственниц.

– Кто же они? – прервал его царь.

– Я не уполномочен говорить об этом, – ответил сэра Джером.

При последующих встречах Иван с маниакальным упорством требовал назвать этих родственниц королевы по именам и выказывал желание получить их портреты.

Дело кончилось тем, что Боусу был назначен последний прием – 20 февраля 1584 года, но накануне Иван заболел, и аудиенцию отложили до его выздоровления.

Смерть грозного царя

«18 марта 1584 года 53 лет от роду внезапно за игрой в шахматы умер царь Иван IV», – такой фразой начал свою очень интересную статью в журнале «Вопросы истории» (№ 9, 1979 г.) профессор В. И. Корецкий.

Ниже вашему вниманию предлагается ее краткое переложение.

Согласно Горсею, Эйлоф вместе с Вельским находились при царе до самой его кончины. Вот как описывает Горсей одно из своих последних посещений Ивана IV накануне его смерти, когда тот показывал ему свои сокровища, проводил опыты с магнитом и объяснял ему магические свойства драгоценных камней: «Вот прекрасный коралл и прекрасная бирюза, которые вы видите, возьмите их в руки, их природный цвет ярок, а теперь положите их на мою ладонь. Я отравлен болезнью, вы видите, они предсказывают мою смерть. Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога, с великолепными алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями, богатыми в цене; этот жезл стоил мне семьдесят тысяч марок, когда я купил его у Давида Гауэра, доставшего его у богачей Аугсбурга. Найдите мне несколько пауков». Он приказал своему лекарю Иоганну Эйлофу обвести на столе круг; пуская в этот круг пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подышали. «Слишком поздно, он не уберезет теперь меня».

Горсею принадлежит и красочное описание последних часов жизни Грозного: «В полдень он пересмотрел свое завещание, не думая, впрочем, о смерти, так как его много раз околдовывали, но каждый раз чары спадали, однако на этот раз дьявол не помог. Он приказал главному из своих врачей и аптекарей – Эйлофу – приготовить все необходимое для его развлечения и ванны (видимо, баня или, скорее всего, лохань). Желая узнать о предзнаменовании созвездий, он вновь послал к колдуньям своего любимца Вельского, тот пришел к ним и сказал, что царь велит их зарыть или сжечь живьем за их ложные предсказания. День наступил, а он в полном здравии, как никогда. „Господин, не гневайся. Ты знаешь, день окончится, только когда сядет солнце“. Вельский поспешил к царю, который готовился к ванне. Около третьего часа дня царь вошел в нее, развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать, вышел около семи, хорошо освеженный. Его перенесли в другую комнату, он сел на свою постель, позвал Родиона Биркина, своего любимца, и приказал принести шахматы. Он разместил около себя своих слуг, своего главного любимца и Бориса Федоровича Годунова, а также других. Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел (faints) и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие – к аптекарям за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником Ф. Вяткой и лекарями. Тем временем царь был удушен и окоченел».

Утверждение Горсея об удушении Грозного не противоречит приведенным выше свидетельствам об отравлении. По-видимому, царю дали сначала яд, а затем для верности в суматохе, поднявшейся после того, как он внезапно упал, еще и придушили. Яд как средство расправы широко применялся во времена Ивана IV. Чашу с ядом, приготовленную якобы для царя, должен был выпить в 1569 году обвиненный в покушении на его жизнь князь Владимир Андреевич Старицкий. Несколько опричных заправил было отравлено в начале 70-х годов XVI века по приказанию Грозного придворным медиком Бомелиусом, а затем он и сам был казнен.

Но если Эйлоф мог быть простым орудием в руках Вельского и Годунова, то как же объяснить поведение этих последних лиц, наиболее приближенных к Грозному? Почему они подняли руку на своего державного покровителя?

...Горсей, хорошо осведомленный не только о жизни русского, но и английского двора, где также процветали в то время коварство и жестокость, рисует, по сути дела, картину тайного заговора против Ивана IV. Не называя имен его убийц, подчас всего не договаривая, он между тем вскрывает побудительные мотивы действий заговорщиков. По мнению Горсея, серьезные опасения у Годунова и его родственников вызвало сватовство царя к Мэри Гастингс, племяннице английской королевы Елизаветы: «Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича – семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения». Захарьины, в свою очередь, стремились ликвидировать различные льготы, щедро предоставленные царем английским купцам. Но более всего и Годунов, и Захарьины опасались, что женитьба на родственнице английской королевы может повести к закреплению за ее потомством права наследовать царский престол в ущерб Федору Ивановичу, за которым была замужем сестра Годунова Ирина.

Годунову пришлось испытать на себе тяжелую руку царя. Всем знакома картина И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван», но далеко не все знают, что в момент, когда роковой удар венценосного отца поразил царевича, в царских покоях находился, по крайней мере, еще один человек. Это был Годунов. Он не только присутствовал при страшной сцене, но и пытался заступиться за Ивана Ивановича. Грозный нещадно избил Годунова, так что тот должен был прибегнуть к помощи искусного врача Строгановых (либо самого С. А. Строганова) и некоторое время не появлялся при дворе, отлеживаясь дома. Этим воспользовался его недруг Федор Нагой. Он оклеветал Годунова, заявив, что тот не показывается при дворе потому, что злоумышляет против царя. Грозный со своими телохранителями явился на двор Годунова и потребовал его к ответу. Борису не оставалось ничего другого, как выйти к царю, задрать свою рубаху и показать страшные язвы (заволочья), которые образовались у него после царских побоев. Тогда Иван IV приказал нанести такие же побои Федору Нагому. Приведенный рассказ сохранился в составе Латухинской степенной книги. Недавно удалось установить, что он заимствован Тихоном Желтоводским из «Истории Иосифа».

В конце своей жизни Иван IV был серьезно болен. Но и тогда он был способен на самые дикие выходки. Так, пользуясь минутным облегчением, он покушался на честь Ирины Федоровны, жены царевича Федора Ивановича. Та подняла крик. Сбежались люди, и царь вынужден был отступить. После этого инцидента несколько человек были казнены, очевидно, те, кто, с точки зрения Грозного, не вовремя явился, услышав вопли его снохи. Сватовство Грозного к Мэри Гастингс, избиение им Годунова, покушение на честь Ирины Годуновой – все это возбуждало Годуновых против Ивана IV.

Отметил Горсей и изменение отношения к Грозному Богдана Вельского. Дело в том, что помимо помощи докторов, бывших на уровне тогдашней европейской медицинской науки, царь занимался самолечением, веря в целительную силу трав. В его личной (постельной) библиотеке имелись различные травники XVI века – руководства для составления лекарств, в том числе и иностранные. Не довольствуясь этим, Иван IV прибегал к услугам колдунов и знахарей. Главой над ними был сделан Вельский, который тяготился новой должностью, поскольку должен был примеривать разноречивые их предсказания к переменчивому нраву Грозного.

Рассказав об отрицательной реакции в придворных кругах на проект новой женитьбы

царя и попытках ее предотвратить, Горсей продолжает: «Царь в гневе, не зная, на что решиться, приказал доставить немедленно с Севера множество кудесников и колдуний, привезти их с того места, где их больше всего, между Холмогорами и Лапландией. Шестьдесят из них было доставлено в Москву, размещено под стражей. Ежедневно их посещал царский любимец Богдан Вельский, который был единственным, кому царь доверял узнавать и доносить ему их ворожбу или предсказания о том, о чем он хотел знать. Этот его любимец, утомившись от дьявольских поступков тирана, от его злодейств и от злорадных замыслов этого Гелиогабалуса, негодовал на царя, который был занят теперь лишь оборотами солнца. Чародейки оповестили его, что самые сильные созвездия и могущественные планеты небес против царя, они предрекают его кончину в определенный день; но Вельский не осмелился сказать царю все это; царь, узнав, впал в ярость и сказал, что очень похоже, что в тот день все они будут сожжены».

В глазах больного царя сокрытие Вельским предсказания волхвов о дне его кончины (о чем, скорее всего, ему донесли рвавшие к власти Нагие) равносильно было тягчайшему преступлению. Испуганный еще в двенадцатилетнем возрасте ворвавшимися во дворец боярскими заговорщиками, Иван IV всю жизнь страшился смерти. В юношеские годы это выражалось в шутовском глумлении. Согласно Пискаревскому летописцу, пятнадцатилетний великий князь в Коломне гречиху сеял, ходил на ходулях, в саван наряжался. И тут же казнил приближенных бояр. На склоне лет Грозный был буквально преисполнен ужаса перед внезапной смертью, он боялся умереть без покаяния и причастия. И во время последней болезни, испытывая жгучий страх перед смертью, Грозный пытался преодолеть его испытанным им способом, посылая на смерть других людей; волхвы должны были быть сожжены, а приближенные, утаившие их предсказание, – кончить жизнь на плахе.

Таким образом, не сумасбродные мечты Ивана IV о женитьбе на Мэри Гастингс, не его дикие выходки, не избиение приближенных, не его страстные увлечения астрологией и волшебством – все это стало уже обычным при дворе Грозного – и не властолюбивые замыслы Вельского и Годунова, не их стремление завладеть царским престолом толкнули их на решительный шаг. К моменту гибели Ивана IV опричная политика, которой царь оставался верен до конца, полностью себя изжила. Грозный оказался в изоляции. Против него зрело недовольство в различных слоях русского общества. Какое наследство оставил он? Разоренную, закрепощаемую деревню и обезлюдевший город, пустую казну и вконец оскудевшее воинство, беззаконие и произвол в судах и приказах, многочисленных врагов за рубежом и недовольство внутри страны, грозившее, как заметил современник, разразиться всеобщим восстанием. Поводом же, побудившим Вельского и Годунова умертвить Грозного, была нависшая над их жизнью угроза, ставшая реальной после того, как колдуны предсказали Вельскому день смерти царя. И тому, и другому уже нечего было терять. И они превратили день своей казни в день смерти Грозного.

Итоги полувекового правления

Ко дню смерти Ивана IV население Новгородской земли, без Заонежской пятины, по данным новгородских писцовых книг, достаточно точных в статистическом отношении, сократилось по сравнению с годами царствования Василия III в восемь раз. Число крестьянских хозяйств, если иметь в виду возделанные земельные участки, сократилось в шестнадцать раз.

Если пересчитать на более близкие нам проценты, то населения в Новгородском крае осталось 12 %, а обработанной под пашню земли – 5,8 %.

Не лучше обстояло дело и в Псковской земле: в 1557 году в пригородах Пскова был 1761 двор, а к 1584-му – 75, то есть около 4 %. Торговых дворов на северо-западе России осталась лишь одна шестая часть – 16 %.

Что же касается центра России, то вокруг Москвы опустело 84 % пахотных земель.

А ведь центр России был разорен меньше, чем южные области, постоянно подвергавшиеся опустошительным набегам из Крыма, или западные районы, по которым то и дело проходили войска, участвовавшие в Ливонской войне, шедшей четверть века.

Только северные окраины России сохранили свой хозяйственный уровень благодаря тому, что здесь жили свободные крестьяне, почти не было иноземных вторжений, а также сюда не доходили шайки опричников.

Что же касается центра, то отсюда крестьяне бежали во все стороны света – на Дон, на Волгу, в Сибирь, в леса и скиты русского Севера.

И если при Василии III в актовых материалах очень часто встречалось слово «починок», что означало и вновь возникшее поселение, и выселок из деревни в один двор, который вскоре мог разрастись в многодворное поселение, то при его сыне это понятие было забыто, зато чаще всего стало появляться слово «пустошь», что означало пустую, незаселенную, покинутую жителями усадьбу, деревню или село. Встречались и города-пустоши, в которых давно уже не обитало ни души.

По мере того как людей оставалось все меньше, государственные налоги на оставшихся «тяглецов» все увеличивались и увеличивались. Старые налоги непомерно возрастали, да, кроме того, возникали новые – и регулярные, и исключительные.

Князь Курбский писал, что, «взяв однажды налог, посылали взимать все новые и новые подати».

Для того чтобы хоть как-то поправить положение, в 1581 году принят был указ о запрещении перехода крестьян в Юрьев день – весенний и осенний, всего два дня в году! – от одного помещика к другому.

Было объявлено о введении «заповедных лет», в которые крестьянский переход был совершенно запрещен. В 1592 году переход крестьян был запрещен совершенно на всей территории России, что означало установление окончательной общегосударственной крепостной зависимости, продержавшейся на Руси дольше, чем ордынское иго. Недаром потом крепостное право сравнивалось с татаро-монгольским рабством.

Таким образом, и крепостному праву Россия обязана Ивану Грозному, объективно способствовавшему его всемерному развитию и установлению.

Что же касается территориальных утрат, понесенных страной из-за поражения в Ливонской войне, то об этом мы уже говорили ранее.

Не меньшим был и моральный ущерб, нанесенный безумной политикой Ивана IV.

Джайлс Глетчер, посетивший Россию вскоре после смерти Грозного и состоявший английским послом при Федоре Ивановиче в 1588–1589 годах, писал и о полнейшей

деморализации русского общества, произошедшей в царствование Ивана: «Столь низкая политика и варварские поступки так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что это должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием». Английский посол оказался провидцем: через полтора десятилетия в России началась Великая смута, представлявшая собой первую гражданскую войну в ее истории. И этим Россия была обязана также Ивану IV, ибо зерна Смуты были посеяны на русской ниве в его царствование. Более того, если на российской исторической сцене появлялся очередной «великий» деятель, проливавший моря крови и слез, – а таких, к вящему несчастью России, было в ее истории намного больше, чем в других странах, – то непременно вспоминали об Иване Грозном и сопоставляли правления этих «великих» с его царствованием. И как ни горько признавать это, но, наверное, таков уж рок, тяготеющий над Россией, сколь бы далек по времени ни был этот очередной вседержитель, у него обязательно находились хотя бы некоторые черты и качества, свойственные Ивану Грозному.

Возможно, это один из законов нашей отечественной истории. Закон специфический, не распространяющийся на другие страны.

МОЗАИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Лукавое мудрствование царя Ивана

О том, что представлял собою Иван Васильевич Грозный как государственный деятель и какую личностью представлялся он коллегам, современникам и потомкам, вы, уважаемые читатели, уже получили определенное впечатление. Вместе с тем был он, по словам одного из современников, «во словесной премудрости ритор, естествословен и смышлением быстроумен».

Иван IV знал библейскую историю, разбирался в истории Византии и в ее литературе как духовной, так и светской. А уж Священное Писание он знал чуть ли не наизусть. Однако даже избранные мысли царя свидетельствуют о его лицемерии, о его криводушии и являются не мудростью, но – лукавым мудрствованием. Впрочем, судите сами.

- Бог скорее простит удавившегося, чем погибшего ради тщеславия.
- Все, что ни случилось с нами плохого, все это происходило из-за германцев!
- Встречал ли кто-нибудь честного человека, у которого голубые глаза?
- Если вы злы, то почему умеете творить добро своим детям, а если вы считаетесь добрыми и сердечными, то почему же вы не творите так же добра нашим детям, как и своим?
- Как может цвести дерево, если у него высохли корни? Так и здесь: пока в царстве не будет должного порядка, откуда возьмется военная храбрость? Если предводитель не укрепляет постоянно войско, то скорее он будет побежденным, чем победителем. Ты же, все это презрев, одну храбрость хвалишь; а на чем храбрость основывается – это тебе неважно.
- Не подобает мужам благородным браниться, как простолюдинам.
- Разве подобает царю, если его бьют по щеке, подставлять другую? Как же царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестье?
- Чтобы охотиться на зайцев, нужно множество псов, чтобы побеждать врагов – множество воинов; кто же, имея разум, будет без причины казнить своих подданных!

Воистину не было предела лживости, лицемерию и подлости у этого царя!

В подтверждение последней фразы прочтите, уважаемые читатели, что писал об Иване Грозном Н. М. Карамзин: «Любопытно видеть, как сей государь, до конца жизни усердный читатель христианского закона, хотел соглашать его божественное учение с своею неслыханною жестокостию: то оправдывал оную в виде правосудия, утверждая, что все его мученики были изменники, чародеи, враги Христа и России; то смиренно винился пред Богом и людьми, называл себя гнусным убийцею невинных, приказывал молиться за них в святых храмах, но утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением и что он, сложив с себя земное величие в мирной обители Св. Кирилла Белозерского, со временем будет примерным иноком! Так писал Иоанн к князю Андрею Курбскому и к начальникам любимых им монастырей, во свидетельство, что глас неумолимой совести тревожил мутный сон души его».

Золотые награды Грозного

Существует мнение ученых, что первыми наградами для воинов и воевод в Киевской Руси были золотые шейные гривны, напоминающие шейный браслет. Другой наградой и знаком достоинства были золотые цепи, а также золотые цепи с крестом на конце.

В XVI веке довольно широкое распространение получили награды, сделанные из золотых монет, чаще всего венгерских и португальских дукатов.

В 1551 году золотыми были награждены строители крепости Свияж (при слиянии реки Свияги с Волгой) за то, что поставили ее всего за четыре недели из сплавленных по Волге частей, сделанных заранее в Угличе.

В 1558 году золотыми награждаются казаки князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, черкасского старосты, пославшего отряд на помощь русским войскам во время их похода в Крым. На следующий год такие награды получают стрельцы и казаки ближнего человека Ивана Грозного, Алексея Федоровича Адашева, за поход по Днепру, что, однако, не помешало Грозному казнить его через два года вместе со всей его семьей и даже малолетним сыном.

Сам Иван Грозный наградил себя и своего старшего сына царевича Ивана за участие в первом ливонском походе 1558 года золотой цепью с золотой же медалью. Это был первый случай в истории России, когда царь из собственных рук получал награду для самого себя. Такой случай можно было бы посчитать курьезом, но ведь Иван IV официально был первым русским царем и никакой традиции не нарушал, хотя бы потому, что ее не было.

«Шиворот-навыворот»

Нам уже хорошо известно, что деспот и самодур Иван Грозный, унижая своих политических противников, чаще всего подвергал их заточениям в тюрьмы, ссылал на окраины государства, а нередко предавал и мучительным казням. Если же он только хотел поглумиться над каким-нибудь вельможей знатного рода, то мог обратить его в шута или же, нарядив в вывернутую наизнанку шубу, провезти по Москве, посадив на клячу, причем повернув его при этом лицом к хвосту лошади.

Вот эта-то вывернутая наизнанку шуба, одетая на опального боярина или князя, и породила поговорку «шиворот-навыворот».

«Филькина грамота»

Знатный московский боярин Федор Степанович Кольчев, живший в 1507–1569 годах, когда сравнялось ему тридцать лет, отринул от себя мирские соблазны и ушел на Соловки, где еще в первой половине XV века двумя святыми старцами Зосимой и Савватием был поставлен монастырь, славившийся строгостью устава и великим благочестием. Кольчев вскоре стал игуменом монастыря. Именно в годы его игуменства Соловецкий монастырь стал знаменит на всю Россию и превратился в процветающую обитель, куда стекались тысячи паломников. Сам же игумен слыл мужем суровым и праведным и имел огромный авторитет в народе.

Во второй год опричнины царь Иван уговорил его стать митрополитом Московским – высшим иерархом Русской православной церкви. Кольчев согласился при условии, что опричные казни будут прекращены, и встал на митрополию под именем Филиппа. Однако царь обманул митрополита и продолжал убийства и казни. Тогда, во время церковной службы, бесстрашный Филипп при большом стечении народа сказал Грозному:

– Государь! Убойся суда Божьего! Мы здесь приносим Богу бескровную жертву, а за алтарем льется невинная кровь христианская. Ты высок на троне, но ты также человек.

Через некоторое время Грозный велел схватить митрополита и бросить его в тюрьму. Туда же, в тюрьму, он велел принести отрубленную голову одного из родных Филиппа.

Затем опального митрополита увезли в тверской Отроч монастырь, и там Малюта Скуратов-Вельский задушил его. Царь презрительно называл Филиппа Филькой, и когда, еще при жизни Кольчева, получал от него увещательные письма, в которых тот призывал Ивана смириться и одуматься, называл эти послания «Филькиными грамотами». Так в русском языке появилось уничижительное выражение «филькина грамота», означающее неграмотное послание, подделку или же канцелярскую бумажку, не имеющую никакой законной силы.

Царь-пушка

В «Книге рекордов Гиннеса» первым рекордом, относящимся к России, является Царь-пушка – до сих пор самая большая пушка в мире, а вторым – Царь-колокол, также самый большой на планете.

Здесь расскажем об одном из этих раритетов Московского Кремля – о Царь-пушке, а о Царь-колоколе вы, уважаемые читатели, можете почерпнуть сведения в книге в рассказе о колоколах. Царь-пушка была отлита мастером Андреем Чоховым в 1586 году и предназначалась для обороны Кремля, но ни разу не выстрелила. Ее калибр – 890 миллиметров, вес пушки 40 тонн, длина ствола – 5 метров 34 сантиметра.

«Царевы кабаки»

В 1533 году в Москве был открыт первый «царев кабак» – во многом подобный древнерусской корчме, с той разницей, что весь доход от продажи пива, меда и вина шел в казну. Иван Грозный, войдя «в современные лета» и заняв в 1547 году «прародительский престол», запретил в Москве продажу водки. Однако с началом в 1564 году опричнины он приказал открыть для опричников «царев кабак» на Балчуге, в Замоскворечье.

Так как в опричнину кроме Москвы входили и многие другие города России, то кабаки стали появляться и там.

После отмены опричнины число кабаков не уменьшилось – слишком ощутимой была выгода от них. Достаточно сказать, что в XVII веке кабаков в России стало более тысячи. Из-за обычая прибывать к двери кабака еловые ветви в народе эти питейные заведения шутливо называли «Иван Ёлкин».

Кабак был не только питейным заведением, у него, как и у его предшественницы – корчмы, сохранились многие черты народного общественного заведения.

О том свидетельствуют и связанные с кабаком пословицы и поговорки: «Людей повидать – в кабаках побывать», «В кабаке родился – в вине крестился», «В кабак попасть – там и пропасть», «Где хотите, там и бранитесь, а на кабаке помиритесь!», «Два кабака на селе, а церковь на горе!».

Новшества в русской одежде XVI века

Если пища и напитки долгое время оставались традиционными и остаются во многом такими же и сегодня, то одежда со временем претерпевала значительные изменения как из-за появления новых тканей, так и за счет перемен в гардеробе мужчин и женщин. Познакомимся с тканями и предметами одежды, которые пережили XVI век и существовали в российском обиходе весьма долгое время.

Бекеша

В XVI веке на Руси появилась бекеша – короткий зимний сарафан, отороченный мехом. Он получил свое название от имени известного венгерского щеголя Каспара Бекеша, блиставшего при дворе польского короля Стефана Батория, ведшего войну против Ивана IV Грозного в 1579–1582 годах.

Бекеша была одной из модных западных новинок, появившихся в России в XVI веке, и просуществовала длительное время.

Зипун

В середине XVI века на Руси появляется зипун – короткая мужская куртка без воротника, делавшаяся чаще всего из сукна, обычно яркого цвета, со шнуром по швам.

Зипун носили под кафтаном, наподобие того, как впоследствии под пиджаком стали носить жилет.

С течением времени зипун превратился в верхнюю одежду и стал отличительным знаком простонародья. Зипун надевали крестьяне, а горожане почти совершенно от этой одежды отказались.

Казакин

В это же время появляется и казакин – короткий широкий кафтан, сшитый из сукна, который носили и мужчины, и женщины.

Летник

В XVI веке на Руси появились и летники – длинная верхняя женская одежда с очень широкими рукавами, разукрашенными вышивкой, канителью, а у особенно богатых женщин – жемчугом и драгоценными камнями. Летники были распашными, с застежками, и накладные, без застежек, которые надевались через голову.

В первой четверти XVIII века они были вытеснены европейским платьем.

Алтабас

При царском дворе в XVI и XVII веках наряду с аксамитом, известным уже в Древней Руси, была популярна еще более дорогая плотная шелковая ткань – алтабас. Это была особого рода парча, чаще всего затканная золотом. («Алтабас» по-турецки и означает «затканная золотом».) Парадные очень дорогие одеяния из алтабаса носили цари и князья церкви, облачаясь в них в особо торжественных случаях. Иногда алтабас дарили иноземным послам или собственным вельможам за особые заслуги перед государством. Нередко куски алтабаса приносили как вклады в монастыри и храмы.

Алтабас почти совершенно вышел из употребления в начале XVIII века, когда традиционные русские костюмы, сохранившиеся в придворной среде, были вытеснены западноевропейской модой.

«Домострой»

Так называлась самая популярная книга середины XVI века, наполненная практическими советами о поведении горожанина в семье, церкви, обществе, а также содержащая рекомендации по ведению хозяйства, воспитанию детей, обращению со слугами.

Написанный языком образным и выразительным, часто разговорным, выгодно отличающимся от языка церковно-славянского, «Домострой» был любимой книгой многих грамотных русских людей, находивших на ее страницах ответы на разные вопросы жизни.

Знаменитый «Домострой» был составлен одним из сподвижников молодого Ивана Грозного, священником Сильвестром, служившим в Благовещенском соборе Московского Кремля. Как уже было сказано выше, в дни Московского восстания 1547 года Сильвестр произнес яркую и смелую обличительную речь, которая произвела сильное впечатление на семнадцатилетнего царя, после чего он приблизил к себе Сильвестра. Однако переменчивая внутренняя политика и болезненная неуравновешенность Ивана привели к тому, что через тринадцать лет Сильвестр был удален из Москвы, а еще через шесть умер в одном из северных монастырей. Сильвестр оставил после себя много различных сочинений. «Домострой» не только пережил своего создателя, но и еще добрых два столетия во многих русских семьях, особенно в старообрядческих, оставался настольной книгой.

О «Домострое» лучше других сказал выдающийся русский мыслитель Василий Васильевич Розанов (1856–1919).

В миниатюре, так им и названной – «Домострой», Розанов писал: «Вот когда я умру, он закроет мне глаза, мне и матери своей», – говорит отец сыну при рождении первого сына. Это и есть «домострой», великая идея которого замечательно ни разу не пробудилась в русской литературе XIX, да и XVIII века, но которая была в Москве, и дал эту идею поп Сильвестр, друг Грозного – друг и наставник. Великий, прекрасный наставник.

Одна идея «Домостроя» есть уже великая, священная. Самое слово как прекрасно по образительности, по тому как составилось в уме и, составившись, выговорилось филологически.

УЧЕБНЫЕ РУКОПИСНЫЕ КНИГИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

«Домострой» оказался одной из последних рукописных книг, а в 1563 году в Москве начала работать первая российская типография, созданная по велению Ивана Грозного первопечатником Иваном Федоровым. Однако прежде чем это произошло, в длинный ряд выстроилось великое множество событий, без упоминания о которых трудно будет понять этот воистину выдающийся исторический факт.

И для этого вновь возвратимся мы к «книжному учению», о котором ничего не говорили после того, как расстались с Древней Русью, лишь вкратце упомянув, что из Печерского монастыря и из первых школ, возникших в Киеве, стала распространяться книжная премудрость.

Как же все это происходило? По каким рукописным книгам учились чтению русские люди до того, как появилась на Руси первая типография?

«Псалтирь»

Начнем мы со знакомства с «Псалтирью» – первой книгой для обучения чтению.

«Псалтирь» – это сборник псалмов, одна из библейских книг, переведенная с древнегреческого языка еще Кириллом и Мефодием.

В церковных службах ее называли «следованной Псалтирью», ибо именно она была важнейшей лоцией в реке богослужбных книг, следуя которой священники, соблюдая строгую очередность, вели службу за службой.

А с середины XVI века появилась еще и другая редакция «Псалтири», которую стали называть «толковой», так как в ней кроме псалмов помещались и краткие их истолкования, позднее получившие названия комментариев.

«Шестоднев»

Самой доступной после «Псалтири» книгой был «Шестоднев». Он носил еще название и «Беседы на Шестоднев». Главной целью этих бесед было толкование древних текстов с точки зрения современного православия. Одновременно беседы «Шестоднева» были направлены против теорий мироздания «еллинских мудрецов» – язычников, основывающих свои теории не на Библии, а на началах естествознания.

Название свое «Шестоднев» получил оттого, что в него входило шесть отдельных трактатов по числу шести дней, в которые был сотворен мир: от Космоса – до Земли и человека.

Мироздание рассматривалось и преподносилось слушателям, сидящим на школьной скамье, как «училище Боговедения» и собрание самых назидательных уроков нравственной жизни для человека.

Один из выдающихся авторитетов православия Василий Великий из Кесарии, живший в IV веке и в конце своих дней почитавшийся Вселенским отцом и учителем Церкви, так опровергал «еллинских мудрецов»: «К чему приводит геометрия, арифметические способы исследования о толщах и пресловутая астрономия, эта многопопечительная суета, если люди, изучавшие эти науки, дошли до заключения, будто видимый мир совечен Творцу Богу, и если то, что ограничено и имеет вещественное тело, возвели они в один ранг с Божественным Естеством непостижимым и невидимым?»

Ошибка «еллинских мудрецов» – и прежде всего Птолемея – состояла, по мнению Василия Великого, в том, что они не признали очевидной для него истины: «В начале сотворил Бог небо и землю».

Существовало семь вариантов «Шестоднева», по содержанию отличающихся друг от друга, но каждый из них, а иногда и несколько сразу могли быть учебными книгами для овладения азами грамоты.

В «Шестодневе» Василия Великого приводятся верные объяснения происхождения дождя и снега, сведения о физиологии растений, о происхождении янтаря, о связи астрономии с метеоритами, дается верная классификация пород рыб и пресмыкающихся.

Широко глядя на мир, Василий Великий обнаруживает поучительные аналогии, сравнивая различные сферы жизни. Так, например, увидев, как нежно и трогательно заботятся аисты о своих птенцах, он говорит и о любви отца и матери к детям, а когда замечает, как полип изменяет цвет на камне, говорит о людском непостоянстве, изворотливости и хитрости.

Когда же пишет он о ехидне – в мифологии древних греков полуженщине-полузмее, олицетворении коварства и злобы, – то это дает ему повод рассуждать о горестях несчастной любви, женской неверности и неудачных супружествах. И при описании устройства хлебных колосьев, виноградных лоз, фруктов и цветов Василий Великий предстает не только как талантливый ботаник, но и как тонкий художник, наделенный незаурядным поэтическим даром.

А «Шестоднев» дьякона константинопольского Софийского собора, византийского поэта VII века Георгия Писиды более напоминает поэму, а не богословский трактат, в котором цитируется не только Ветхий Завет, но и сочинения древних ученых и философов-язычников.

На Руси наиболее распространенным по сравнению с другими «Шестодневами» был труд Иоанна, экзарха Болгарского, составленный в X веке.

Высокоумный и широкообразованный глава православной Болгарской церкви не только

представил традиционные сюжеты о сотворении мира, но и выступил с критикой учения Аристотеля, невольно знакомя, таким образом, со взглядами великого древнегреческого философа.

Кроме того, в «Шестодневе» экзарха Иоанна содержались редкие и интересные сведения о современной ему Болгарии Дунайской и Болгарии Волжской, о хазарах и славянах. Были и другие, менее распространенные «Шестодневы», упоминать о которых здесь едва ли имеет смысл.

«Часослов»

Другой богослужебной книгой, предназначенной для чтецов и певчих, чаще всего мирян-прихожан, был «Часослов». Название книги произошло от ее первоначального назначения – службы часов.

Таких ежедневных служб – от утрени до повечерия – в православной церкви было шесть (а наиболее важных из них – четыре: 1-го, 3-го, 6-го и 9-го часа). «Часослов» заключал в себе неизменяемые повседневные молитвостояния и кроме них некоторые другие чины, молитвы и песнопения.

«Часослов» был двух видов – «большой» и «малый». Учили читать по «Малому Часослову» – он был проще, а иногда и издавался специально с учебной целью.

«Служебник»

Еще более сложной книгой, которая использовалась как учебная, чаще всего в духовных семинариях, был «Служебник». Эта книга содержала описание главных церковных служб-литургий, из-за чего называлась еще «Литургион».

Иногда «Часослов» и «Служебник» печатались в одной книге и дополнялись уставом, «како служити диакону со священником Великую вечернюю и утреню».

«СВЯТЦЫ»

И, наконец, последней богослужебной и одновременно учебной книгой были так называемые «Святцы», содержащие списки канонизированных православной церковью святых, последовательно по дням и месяцам от первого до последнего дня года.

Если же «Святцы» были созданы отдельными книгами по месяцам, то они назывались «Месяцесловами».

В день празднования и чествования какого-либо святого или святой в храме проводилась особая, посвященная этому угоднику Божьему, служба.

Кроме того, в «Святцах» и «Месяцесловах» содержались специальные дополнения, разъясняющие, как определять дни «подвижных праздников».

В православной церкви точкой отсчета «подвижных праздников» каждого года является Пасха – день Воскресения Христова, – которую празднуют в первое воскресенье, следующее за полнолунием, совпадающим с весенним равноденствием или бывающим после него.

К «подвижным праздникам», кроме Пасхи, относятся: Масленица, Вербная неделя, Великий пост, Троица, Петров пост и некоторые другие.

Первые русские небогослужебные книги –
«Азбуковники»

В XIII веке на Руси появились первые небогослужebные, а светские книги – «Азбуковники».

Под таким заглавием выходили рукописные сборники, состоящие из коротких статей учебного, энциклопедического и нравственного характера.

«Азбуковники» представляли собой толковые словари «неудобопознаваемых речей», т. е. непонятных слов, чаще всего встречающихся в церковных книгах, слова располагались в алфавитном (азбучном) порядке. Отсюда произошло и название таких словарей – «Азбуковники».

Толкование каждого слова начиналось, как правило, с его происхождения, затем шел перевод, и в заключение давалось разъяснение смысла, а иногда и подробный комментарий, помогающий понять как утраченный смысл, так и современное понимание объясняемого термина, имени, события и т. п.

Кроме того, в «Азбуковниках» помещалась и сама азбука со слогами и прописями, т. е. образцами красиво и четко написанных букв, по-гречески называемыми «каллиграфия».

По объему «Азбуковники» делились на «краткие» и «пространные». И количество слов, объясняемых в том или ином «Азбуковнике», колебалось от 1000 до 5500.

Если же подразделить «Азбуковники» по кругу вопросов, какие они охватывали, по проблематике, в них отраженной, то их можно свести к четырем типам: толкователи иностранных слов, энциклопедические, наставительные и общие.

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ НА РУСИ

Иван Федоров – первый русский книгопечатник

Принято считать, что печатный станок немца Гуттенберга начал работать в 1440 году. После этого книгопечатание распространилось по Европе: Италия и Швейцария, Франция и Бельгия, Венгрия и Испания.

В 1473 году появилась первая типография в Польше, в Кракове, а на следующий год в Чехии, в Пльзене.

Но и в этих славянских странах книги печатались на латинице, и только в 1491 году краковский книгоиздатель Швайпольт Фиоль напечатал первые книги кириллицей, и среди них был уже и известный нам «Часослов».

В России книгопечатание началось в 60-х годах XVI века и связано с именем Ивана Федорова.

Так как книгопечатание – одно из величайших достижений цивилизации, то оно займет в этой книге подобающее место.

Иван Федоров, которого называли также Московитином, родился около 1510 года. Место его рождения неизвестно, как и многие другие стороны его биографии. Мы не знаем, каким образом оказался он в Краковском Ягеллонском университете – старейшем университете Польши и одном из первых по времени возникновения (1346) в Европе. Федоров учился там в период расцвета этого высшего учебного заведения и окончил его в 1532 году со степенью бакалавра.

Ученые предполагают, что в 50-х годах Федоров уже жил в Москве и работал в так называемой «Анонимной типографии» – первой типографии Москвы, которая с 1553 по 1565 год выпускала книги без выходных данных, именно из-за этого и получив впоследствии название «анонимной». Находилась она на Печатном дворе, располагавшемся на Никольской улице. Полагают, что руководил этой типографией видный сподвижник Ивана Грозного – уже известный нам Сильвестр, и типография имела получастный—полугосударственный характер.

А в 1563 году была открыта первая государственная типография, и по велению Ивана Грозного тогда же во главе ее был поставлен Иван Федоров.

Он был известен в Москве не только как печатник «Анонимной типографии», но и как дьякон Николо-Гостунской церкви в Кремле. 19 апреля 1563 года он встал во главе новой типографии. Его правой рукой был печатник Петр Тимофеевич Мстиславец, вместе с которым Федоров 1 марта 1564 года издал первую русскую богослужебную книгу «Апостол», содержащую деяния и послания апостолов. А летом и осенью следующего года они же напечатали и два издания «Часослова».

Из-за неблагоприятных обстоятельств, до сих пор не выясненных, они оба вскоре покинули Москву. Иван Федоров об этом впоследствии писал, что нашлись в Москве люди, которые «зависти ради многие ереси умышляли, желая благое в зло превратить и Божие дело вконец погубить»... Из-за этого пришлось им «от земли и отечества и от рода нашего быть угнанными и переселиться в иные, незнакомые страны». Это произошло, скорее всего, из-за того, что они стали конкурентами переписчиков книг, которые неплохо зарабатывали на своем товаре, однако ж где им было соперничать в скорости и чистоте работы с печатным станком?

В унисон с ними могущественные и многочисленные враги просвещения – московские церковники-обскуранты, мнящие лишь себя достойными толкователями Священного Писания, – утверждали, что читать «Апостол» и «Евангелие» простым людям грех и что нравственные недуги людей происходят оттого, что они читают книги, не понимая их

смысла и неправильно истолковывая прочитанное.

Заблудовская типография гетмана Ходкевича

Бежав из Москвы, Федоров и Мстиславец добрались до города Заблудова в Польше, хозяином которого был гетман Григорий Алексеевич Ходкевич, и стали работать в принадлежащей ему типографии.

В 1569 году Федоров и Мстиславец напечатали в Заблудовской типографии «Учительное Евангелие», которое, по справедливому мнению ученых-киевоведов, пользовалось в свое время необычайной популярностью и переиздавалось много раз.

Это «Учительное Евангелие» Федоров выпустил, как он сам об этом писал, «на поучение христоименитым людям ко исправлению душевному и телесному».

Книга была составлена таким образом, чтобы удовлетворить пристрастиям и вкусам, а также политическим и нравственным взглядам их просвещенного патрона, на чьи средства она и была выпущена.

Ходкевич считал чтение лучшим способом нравственного совершенствования, утверждая, что многие люди различными новыми учениями поколебались в вере и лишь чтением таких книг, как эта, могут исправиться.

Подлинное название этого издания – «Книга, зовомая Евангелие учительное», что означало и «Евангелие толковое», представлявшее сборник поучений и толкований евангельских текстов. Этот сборник был составлен болгарским писателем Константином Преславским, учеником Кирилла и Мефодия, жившим в конце IX – начале X века и составившим сборник между 890 и 894 годами.

В рукописном варианте «Учительное Евангелие» появилось на Руси во второй половине XII века, и именно с этого оригинала Федоров и Мстиславец и произвели его перепечатку.

«Учительное Евангелие» состояло из «Азбучной молитвы» и «Пролога», в котором Константин Преславский рассказал о благочестивейших просветительских мотивах, заставивших его приняться за этот труд. Далее помещалась 51 беседа, истолковывавшая евангельские тексты.

Беседы эти назывались «Церковным сказанием» и изначально были написаны на греческом языке видным философом, богословом и поэтом, Константинопольским патриархом Германом I, занимавшим патриарший престол в 715–730 годах, а после смерти причисленным к лику святых.

В XIV и XV веках на Руси появились и другие «Учительные Евангелия», но то, о котором шла речь выше, было гораздо популярнее всех иных. Именно поэтому оно переиздавалось в XVI и XVII веках более десяти раз и в России, и на Украине, и в Белоруссии.

А на следующий год в Заблудове была издана «Псалтирь» с «Часословом». В предисловии к этой книге, написанном великим литовским гетманом Григорием Алексеевичем Ходкевичем, ревностным поборником православия, говорилось о великой полезности и божественности «Псалтири», ибо эта книга используется при обучении чтению и письму, потому что псалмы дети слушают с первых дней своего пребывания на церковных службах и легко запоминают их, так как именно псалмы доводится слышать не только в храмах, но и дома, и даже «на торжищах». Далее Ходкевич буквально воспекает «Псалтирь». Он говорит, что псалом утишает гнев, приносит мир и покой душе, призывает христианина к смирению и дружбе между людьми. Ходкевич писал, что «псалом есть младенцам утверждение, растущим – улучшение, старым – утешение, женам – прикладнейшая доброта».

После выхода в свет «Псалтири» с «Часословом» старый и больной Ходкевич перестал давать деньги на типографию и вскоре скончался.

Из-за этого Иван Федоров ушел из Заблудова во Львов, отказавшись от дома и земельного надела, хотя гетман предложил ему заняться ведением хозяйства.

Отвечая Ходкевичу, Иван Федоров сказал:

– Не годится мне ни плугом, ни сеянием семян сокращать время жизни моей, ибо вместо плуга даровано мне художество научных дел, вместо же хлебных зерен призван я рассеивать по Вселенной семена духовные.

Львовская и Острожская типографии Ивана Федорова

Оказавшись в 1573 году во Львове, Федоров основал еще одну типографию – первую на Украине. Там напечатал он еще одно издание «Апостола», а в 1574 году им была издана и «Азбука» – первый печатный русский учебник. (Об «Азбуке» будет рассказано ниже.)

После Львова Иван Федоров переехал в город Острожек, к другому известному ревнителю просвещения и православия, князю Константину Константиновичу Острожскому. Здесь в 1578 году была открыта новая типография, в которой 18 июня того же года «Азбука» была издана повторно.

В Острожске Федоров напечатал и другие книги: первую полную славянскую Библию кирилловского шрифта, так называемую «Острожскую Библию», Новый Завет и Псалтирь с алфавитно-предметным указателем.

В 1582 году Федоров вновь возвратился во Львов, а потом совершил поездку по европейским странам, побывав в Польше, Австрии и Германии.

Приехав во Львов в конце 1583 года, Иван Федоров заболел и 5 декабря умер.

Первая русская печатная «Азбука»

Познакомимся вкратце с первой печатной «Азбукой».

«Азбука» открывалась рядами букв, за которыми следовали слоги – сначала двухбуквенные – ба, ва, да, жа, за и т. д., а потом – трехбуквенные – бра, вра, гра, дра, жра, зра и т. п.

Затем ученики переходили к чтению отдельных коротких слов, написанных и полностью, и сокращенно – под знаком «титло».

Федоров, поместив в «Азбуке» поучения в духе «Домостроя», выступал и в защиту детей, поучая: «Отцы, не раздражайте чад своих», – и призывал родителей воспитывать детей «в милости, благоразумии, в смиренномудрии, в кротости, в долготерпении приемлюще друг друга и прощение дарующе».

Его поучения пронизаны глубоким гуманизмом и сочувствием к сирым и убогим.

«Не сотвори насилия убогому, понеже убог есть», – неоднократно повторял Федоров, делая эту притчу лейтмотивом «Азбуки».

«Не дотыкайся межей чужих и на поле сироты не вступай», «Утешайте малодушных, носите немощных», – наставляет Федоров.

Вторая часть «Азбуки» представляла краткий очерк русской грамматики.

ЦАРЬ ФЕДОР ИВАНОВИЧ

Венчание на царство

Московский историк В. В. Назаревский писал в книге «Из истории Москвы. 1147–1703. Очерки», изданной в 1896 году, следующее: «Через шесть недель по смерти Грозного, 31 мая 1584 г., происходило царское венчание Федора. Во время коронационных пиров посыпались милости царя: он в самом дворце наделил богатыми подарками митрополита, святителей и других лиц и сам в свою очередь принял дары от бояр, купцов и гостей, русских и иностранных; выпустил на свободу многих заключенных, освободил военнопленных; уменьшены были налоги; несколько заслуженных сановников возведены в боярский сан. Ивану Петровичу Шуйскому пожалованы были все доходы от Пскова.

Но никто не был осыпан такими милостями, как Борис Годунов: он получил не только высокий сан конюшего, но и титул ближнего великого боярина, наместника царств Казанского и Астраханского; ему даны были громадные поместья, все луга на берегу Москвы-реки, сборы с целых областей, доходы с некоторых промыслов и прочее. Доходы его достигали 100 тыс., и он мог на свой счет снарядить из своих крестьян стотысячную рать. Правительственное значение его было так велико, что королева Англии Елизавета I называла его в грамотах своих „любительным братом“ и „лордом-протектором“».

С самого начала царствования Федора Ивановича фактическая власть была сосредоточена в руках Бориса Годунова, и потому годы царствования Федора Ивановича могут с полным правом считаться временем правления Бориса Годунова.

Каким был новый царь

После смерти старшего сына Грозного, Ивана, претендентом на престол стал его второй сын – Федор, матерью которого, как и старшего царевича, была Анастасия Романовна. Но как это часто бывает, у одного и того же отца и одной и той же матери братья, появившиеся на свет с разницей в три года, совершенно не походили друг на друга.

Если Иван был копией отца: гневным, жестоким, склонным к блуду и пьянству, – Федор был с малых лет тих и скромн, человеколюбив, щедр на милостыню и привержен вере.

Карамзин, собравший множество летописных свидетельств о его наружности, так описывал Федора: «Не наследовав ума царственного, Федор не имел ни сановитой наружности отца, ни мужественной красоты деда и прадеда: был росту малого, дрябл телом, лицом бледен, всегда улыбался, но без живости; двигался медленно, ходил неровным шагом от слабости в ногах, одним словом, изъявлял в себе преждевременное изнеможение сил естественных и душевных».

С детства любимым местом времяпрепровождения Федора была церковь, а любимым занятием – колокольный звон. Рано приобщившись к этому, стал Федор, несмотря на хилость, прекрасным звонарем, предпочитая перезвоны на самых малых колокольных. Когда «встал он на царство», был он уже женат, но все еще бездетен. И в царской большой семье кроме него был еще один сын Грозного, полуторагодовалый Дмитрий – сын последней жены тирана, Марии Нагой. О судьбе Дмитрия и его матери речь пойдет впереди, а теперь продолжим знакомство с новым царем – Федором Ивановичем, с тем, каков был он в повседневности.

Федор Иванович всегда просыпался среди ночи, чаще всего в четвертом часу утра, и как только открывал глаза, звал священника с крестом и иконой того святого, чей праздник отмечался в грядущий день. После совместной молитвы и окропления святой водой посылал он постельничего узнать, хорошо ли почивала царица Ирина Федоровна, сестра Бориса Годунова. А после того как царицу одевали и умывали, шел к ней в опочивальню, и с нею вместе шествовали они в церковь.

Простояв на заутрене не менее часа, Федор уходил, чтобы, приняв самых близких бояр, пожаловать затем к двухчасовой обедне.

После того, поспав три-четыре часа, шел он в баню или же на созерцание кулачного боя. Более жестоких забав государь не терпел оттого, что был добр и очень боялся Бога.

Возвратившись домой, отправлялся он к вечерне, а оттуда – в покои царицы, где окружали царя кувыркаяющиеся и дерущиеся шуты и шутихи, многочисленные карлы, дураки и дуры.

Каждую неделю, если не был совсем уж болен, навещал Федор Иванович один из ближайших монастырей.

Если же встречался на пути его коленопреклоненный челобитчик, то грамотку или словесную мольбу Федор Иванович не принимал, а отсылал его к своему шурину – Борису Годунову. Из-за родственной близости стал Годунов после воцарения Федора первым человеком, оттеснив других бояр, в том числе и Никиту Романовича.

Бури и потрясения в Регентском совете

И все же престололюбостителем при государе стал старейший из бояр, дядя царя Федора, родной брат его матери, первой жены Ивана IV, Анастасии, Никита Романович.

После смерти сестры-царицы Никита Романович остался у царя Ивана в милости и на третий год был возведен в сан боярина. Вскоре превратился Никита Романович в одного из самых приближенных к царю вельмож.

Когда Иван Грозный почувствовал приближение смерти, что случалось с ним не один раз, то для сбережения трона и своих детей создал он Регентский совет из пяти бояр: Никиты Романовича, Бориса Годунова, Богдана Вельского и князей – Федора Мстиславского и Ивана Шуйского. Причем главой совета и «сберегателем государевых чад» был назначен Никита Романович.

Свой пост сохранил он и после того, как Федор Иванович вступил на престол. Это объяснялось тем, что Федор, как мы уже знаем, был «убог во главе и членах».

Первое, что сделали бояре-регенты, совершили они в первую же ночь после смерти Грозного. С видимым единодушием приняли они решение арестовать Марию Нагую, маленького царевича Дмитрия и многих родственников царицы, что и учинили под покровом ночи, посадив всех в кремлевские застенки.

Однако это привело к тому, что племянник Малюты Скуратова, боярин Богдан Яковлевич Вельский, входивший в Регентский совет, решился на мятеж в пользу царевича Дмитрия. И многие родственники Марии, и сам Вельский были активнейшими опричниками, и в них засела непримиримая ненависть к родовитому боярству. Когда в 1580 году Иван Грозный играл свадьбу с Марией Нагой, Богдан Яковлевич был «дружкой» жениха и с тех пор оставался его главным любимцем, став к концу жизни царя единственным фаворитом.

Поэтому с Вельским и его покойным дядей – первым опричником и главным палачом Малютой Скуратовым-Бельским – москвичи связывали все ужасы опричного террора.

Узнав о замыслах Вельского, не бояре, а горожане – стрельцы, ремесленники, бессловная беднота и прочий мелкий люд – собрались у стен Кремля и потребовали выдать им Богдана Вельского.

Бунтарей в Кремль не пустили, но во избежание нового бунта тайно вывезли Богдана Яковлевича из Москвы, поставив воеводой Нижнего Новгорода.

А за неделю до венчания Федора Ивановича на царство, 24 мая 1584 года, Нагих и Дмитрия увезли в Углич, завещанный царевичу отцом.

Маленький Углич, находившийся в двухстах верстах от Москвы, на берегу Волги, стал с этих пор напоминать столицу опального удельного князя с многочисленными родственниками овдовевшей царицы и с малочисленным дворцовым штатом. Но и жители Углича, и родственники Марии Федоровны знали: хоть в опале, не гласной, правда, а скрытой, пребывает здесь законная царица Московская, вдова покойного грозного царя, а потому и сын ее и его – не удельный князь, а наследник трона, ибо иных наследников на российский престол нет.

Никита Романович оказался вторым из пяти членов Регентского совета, кому суждено было покинуть его вслед за Вельским. Тому было две причины: болезнь, приключившаяся с ним в конце 1584 года, и то, что первым человеком в Боярской думе, а заодно и в сердце Федора Ивановича стал Борис Годунов.

Никита Романович, старый, необыкновенно гордый, привыкший всегда играть при царе первую роль, не мог смириться с тем, что зять Малюты Скуратова, незнатный костромской дворянин Бориска Годунов, к тому же ровесник его старшего сына Федора, очаровав

полубезумного государя, делает что хочет и пользуется благодаря этому невиданной дотоле властью, не меньшей, чем царская.

Никита Романович, вступивший уже в восьмой десяток лет, презрел мирскую суету и, оставив Кремль, ушел в монастырь, получив при пострижении имя Нифонта и приняв схиму, высшую степень монашества. После принятия схимы инок особенно строго соблюдал монастырские правила, умерщвлял плоть долгими постами и непрерывными молитвами и даже в одежде был отличен от простой братии. На куколе – черном колпаке, пришитом к воротнику рясы, края которого спускались на ветхую и грубую черную рясу, – нашиты были белые череп и кости, «Адамова голова», а под рясой носил схимник жесткую, колючую рубашку – власяницу, и железные цепи – вериги.

Не прожив в монастыре и четырех месяцев, схимонах Нифонт 23 апреля 1585 года умер, не дождавшись свадьбы своего старшего сына – Федора, коему было тогда около тридцати лет, но который все еще, вопреки существовавшему тогда обычаю, не был женат.

О сыне Никиты Романовича, коего в Москве справедливо почитали первым женихом, ибо был он родовит, богат, красив и умен, и будет рассказано дальше. Конечно же не потому, что был он лучшей брачной партией для любой невесты, а потому, что его ближайшим потомкам, сыну и внуку, выпала необыкновенная судьба – оказаться людьми, стоящими у истоков новой царской, а потом и императорской династии России.

Начало всевластия Бориса Годунова

После ухода Никиты Романовича в монастырь первым вельможей государства стал шурин царя Борис Годунов. Он не нравился многим боярам и князьям тем, что из-за него они были отодвинуты на вторые роли. И потому вскоре против Годунова возник заговор, во главе которого оказался князь Иван Федорович Мстиславский, и стало известно, что крамольники, по словам летописца, «умыслили в дому своему пир сотворити и, Бориса призвав, тогда его и убити».

Однако Борис опередил Мстиславского и его сторонников: Воротынских, Головиных, Колычевых и некоторых князей Шуйских. Мстиславского постригли в монахи и отправили в Кириллов монастырь на Белоозеро, а его подручных и главных «заводчиков смуты», по свидетельству того же летописца, «пойма и по городам разосла, а иных в темнице затвори».

Вслед за тем в начале 1587 года против Бориса Годунова выступили оставшиеся на свободе Шуйские. Они обвинили в «неплодии» жену царя Ирину.

Удар по Ирине, его родной сестре, Борис не мог расценивать иначе, как попытку свергнуть и его самого.

Шуйские вовлекли в заговор Московского митрополита Дионисия и вдову убитого Грозным сына его Ивана, жившую в суздальском Покровском монастыре под именем старицы Прасковьи. В девичестве звали ее Еленой Шереметевой, и за ее спиной стоял могущественный клан бояр Шереметевых.

Шуйским удалось вовлечь в движение массы московских «торговых мужиков»: лабазников, приказчиков, мелких и средних торговцев, которых в столице было превеликое множество.

Годунов устоял и на этот раз. Верные ему и царю стрельцы разогнали бунтарей, побросали в застенки «заводчиков гили и воровства», а главу заговора, князя Ивана Петровича Шуйского, сослали к Ледовитому океану и 16 ноября 1588 года задушили.

После этого власть Годунова становится абсолютной, и решением Боярской думы он получает право сношений с иноземными государствами. Царь и дума преподносят Годунову неслыханный дотоле на Руси титул «правителя, слуги, и конюшего, боярина, и дворцового воеводы, и содержателя великих государств, царств Казанского и Астраханского».

Учреждение патриаршества

Тот же В. В. Назаревский в уже упомянутой книге писал:

«Москва стала быстро обстраиваться после разорений и невзгод во времена Грозного. Сгоревший при нем дворец в царствование Феодора был приведен в цветущее состояние. При Покровском соборе царь построил особый придел в честь св. Василия Блаженного, мощи которого были обретены в 1588 г.; для него была устроена новая гробница и над нею повешены его тяжелые железные вериги».

И в этом поступке Федора Ивановича видна все та же неизменная его любовь к церкви и забота о ее процветании.

Но кроме дел церковных были и дела светские, государственные, которыми царь не занимался, отдав их своему любимцу – Годунову. Как уже известно, Годунов прежде всего обезопасил себя от своих давних недругов – бояр Шуйских. Воспользовавшись доносом о подготавливавшемся ими заговоре против царя Федора и против него самого, он арестовал всех подозреваемых и сослал их в отдаленные северные города и обители.

В ответ на это против Годунова решительно выступили два высших церковных иерарха – митрополит Дионисий и архиепископ Крутицкий Варлаам.

И того, и другого тут же лишили сана и отправили в заточение. Двух старших Шуйских – Андрея Ивановича и героя неравной псковской обороны князя Ивана Петровича – в монастырских застенках удушили.

В результате политической борьбы московский митрополичий стол опустел, и нужно было подумать о том, кого следует на него возвести. Годунов сделал митрополитом своего сторонника, архиепископа Ростовского Иова.

Первый патриарх Московский и всея Руси – Иов

Кто же такой Иов? Откуда он?

Мы не знаем, когда он родился. Косвенные свидетельства позволяют считать, что он был ровесником Ивана Грозного или современником, не намного младше его. Родился он в Старице, в посадской семье. Родители собирались женить его, но он предпочел женитьбесхиму и в 1556 году постригся в местном Успенском монастыре, сменив имя Иван на Иов.

Там же архимандрит Геннадий обучил его грамоте, и Иов стал одним из первых монахов монастыря.

Около 1569 года в Старице оказался Иван Грозный. Он познакомился с Иовом, побеседовал с ним и приказал возвести его в сан архимандрита, а через два года сделал Иова настоятелем московского Симонова монастыря и внимательно следил за ним.

Через четыре года Иов по царскому соизволению стал настоятелем московского Новоспасского монастыря, а в апреле 1581 года был рукоположен епископом Коломенским.

После смерти Грозного покровителем Иова стал Борис Годунов, познакомившийся с ним, когда тот только оказался в Москве.

При содействии Годунова в 1586 году Иов был возведен в последний перед митрополичьим сан архиепископа и во владычество ему дано было архиепископство Ростовское.

Когда митрополит Дионисий был сведен с московской митрополии, Годунов сделал все, чтобы его место занял Иов.

И потом, как первый из русских иерархов, коим уже давно считался митрополит Московский, Иов стал самой подходящей фигурой для утверждения его в сане патриарха Московского и всея Руси.

Его избрание патриархом произошло на церковном соборе 11 декабря 1588 года, а 26 января 1589 года Иов был «поставлен по чину и уставу», т. е. интропизирован.

В дальнейшем Иов всегда поддерживал Бориса Годунова, а потом и его сына Федора.

Благополучное житие Федора Романова

Теперь же, уважаемые читатели, позвольте напомнить об обещании автора подробно представить еще одного выдающегося исторического деятеля – Федора Никитича Романова, более известного под именем патриарха Филарета, сын которого, Михаил, стал в 1613 году первым русским царем из династии Романовых.

Далее автор предложит вашему вниманию фрагменты из биографии Федора Романова, принадлежащие перу В. Г. Вовиной, старшего научного сотрудника Института отечественной истории Санкт-Петербургского отделения РАН:

«В 1586 г. Федор Никитич был пожалован в бояре и в 30 лет достиг вершины служебной лестницы. Он был молод, красив, богат. Как другие бояре и особенно в качестве ближайшего родственника царя, Романов постоянно пребывал при дворе, сидел у государя „за столом“, то есть попросту обедал с ним, принимал участие в приемах иноземных послов, сопровождал набожного Федора Ивановича в его поездках по монастырям. Все это были очень важные стороны жизни „московских чинов“. Именно этим определялась истинная степень близости того или иного лица к государю, здесь можно было успешнее отстаивать и свою родовую „честь“, непрерывное беспокойство за которую сопровождало русского аристократа от рождения до могилы. Впрочем, тут у Федора Никитича особых затруднений не было, так как, пребывая в основном при дворе, он редко назначался на полковую службу, где случались в основном местнические столкновения. Известны челобитья на него, относящиеся к 1596 году. Поводом послужило назначение его на „береговую службу“ против татар. Но в целом не „воинские“ эпизоды стяжали славу Федору Никитичу, хотя до этого в роду Романовых и были полководцы.

Вырос он в большой семье, был старшим из семи братьев. Голландский путешественник и купец Исаак Масса пишет, что „они (Романовы. – В. Б.)...жили всегда очень скромно“, но тут же добавляет: „Каждый из них держал себя как царь“. Федора Никитича голландец отмечает особо. Это был „красивый мужчина, очень ласковый ко всем и такой статный, что в Москве вошло в поговорку у портных говорить, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо: Второй Федор Никитич“. Этот щеголь был к тому же страстным охотником – обычное развлечение аристократов того времени. Однако в любви к ловчим соколам и собакам Федор Никитич опережал многих. Даже тогда, когда ему пришлось проститься с беззаботной жизнью, среди самых тяжелых потерь он оплакивал именно эту свою забаву. Тем более что Федор Никитич, по свидетельству того же Массы, „так ловко сидел на коне, что всяк, видевший его, приходил в удивление“».

И конечно, столь блестящий молодой человек притягивал к себе сверстников из числа Романовых. У него было два «великих друга», «брата». Это Александр Александрович Репнин и Иван Васильевич Сицкий. Дружбе Федор Никитич был верен и впоследствии приблизил к себе детей старых своих приятелей, которые до его вторичного возвышения уже не дожили.

Однако кроме службы, охоты и прочих развлечений, молодому Романову, как и всякому человеку допетровской эпохи, нужно было самому заниматься хозяйством. От отца братьям Никитичам досталось громадное наследство. Кроме двух усадеб, сел на Москве и земель в близлежащих уездах, Никита Романович имел обширные владения практически во всех краях России. За всем этим хозяйством надлежало следить. Нужно было и запастись в Москве на год всем необходимым, чтобы прокормить себя и многочисленную челядь. Можно представить себе, какие обозы тянулись по осени на двор Романовых на Варварке, часть которого сохранилась до наших дней.

Конечно, кроме самого хозяина, за всем этим должна была следить и «добрая жена». Браки в это время обыкновенно заключались рано. Но, «ласковый» красавец и лихой наездник, Федор Никитич женился только в возрасте 35 лет. В 1590 г. он ввел в свой дом Ксению Ивановну Шестову, дочь небогатого костромского помещика. Что заставило его сделать подобный выбор, и так поздно? Вряд ли это объясняется красотой или особыми добродетелями невесты, так как, по обычаям того времени, жених чаще всего не знал ее до свадьбы. Однако и тут Федору Никитичу повезло. Правда, из пяти рожденных ею сыновей выжил лишь один, Михаил, и была еще дочь Татьяна. Но главное в том, что жена, хотя и была, видимо, вдвое моложе своего мужа, оказалась женщиной с сильным характером. И это ее качество помогло им в тех тяжелых испытаниях, которые выпали на их долю. Поистине мог сказать Филарет, «аще дарует Бог жену добру, дражайши есть камени многоценнаго».

Казалось, что с воцарением Федора Ивановича молодому боярину нечего было опасаться дальнейших превратностей судьбы. Тем более что он был не из тех, кто возвышался лишь благодаря родству с царем. Федор Никитич опирался на авторитет знаменитого московского рода. Предки его служили московским князьям, начиная с Симеона Гордого. За три столетия Романовы успели породниться со многими боярскими и некоторыми княжескими фамилиями. Это был теперь мощный разветвленный клан: Черкасские, Шереметевы, Сицкие, Шестуновы и другие. «Вождями» этого клана были Романовы; после смерти в апреле 1586 г. Никиты Романовича главой стал Федор Никитич.

Он во всех отношениях «подавал большие надежды», по выражению Горсея. Но англичанин отметил не «рыцарские» доблести «молодого князя», как это сделал Масса (Горсей здесь ошибается, называя Романовых «князьями». – В. Б.), а, например, живой интерес к Западу, к другим языкам и культурам, что было тогда редкостью. Федор Никитич просил у Горсея написать для него «латинскую грамматику», что тот и исполнил по мере сил, «как смог, славянскими буквами». Европейски образованным человеком, какие появятся в следующем столетии, Федор, конечно, не был («грамматика»-то «славянскими» буквами была переписана), но отсутствие у него в молодости полного неприятия всего иноземного знаменательно. Возможно, эти ростки еще дали бы всходы, но обстоятельства изменились для него самым роковым образом. Полная удовольствий, необременительная жизнь скоро закончилась. Боярин Федор Никитич навсегда распрощался со своим прошлым и превратился в безвестного инока Филарета в далеком Антониево-Сийском монастыре.

Однако прежде чем боярин Федор превратился в монаха Филарета, произошли события, с которыми непременно следует познакомиться.

Жизнь и смерть царевича Дмитрия Ивановича

Началось с того, что в 1590 году в Углич приехал государев дьяк Михаил Битяговский. Послан он был для надзора за Нагими, и так как ему приказали следить за опальной семьей постоянно, из года в год, то привез с собою дьяк жену и сына и поселился в Угличе прочно и основательно. Нагие встретили дьяка с нескрываемой враждебностью, которая возросла еще более после того, как они узнали, что прислан Битяговский не только следить за Нагими, не только сообщать обо всем, что происходит при их дворе, но и давать им государево жалованье – денежное содержание на прожитие и прокорм. Несложно представить, как это раздражало и даже унижало Нагих, в грезах уже несколько лет мнивших себя кровными родственниками будущего царя Дмитрия Ивановича, тем более что его бездетный, больной брат уже давно дышал на ладан.

С приездом Битяговских в Углич, помимо двора Марии Нагой и ее сына, возник второй центр – двор и дом государева дьяка, и волей-неволей началась необъявленная война за первенство. Все в этой войне было то же самое, что и прежде в Кремле, – сплетни, провокации, оговоры, ведовство, интриги, подстрекательства, но все это было настолько же меньше и мельче, насколько Углич был меньше Москвы.

Посадским, в их массе далеким и от Нагих, и от Битяговского, было все равно, кто возьмет верх в непримиримой распри, однако угличские «верхи» принимали близко к сердцу все происходящее в обоих центрах и поддерживали либо царскую вдову, либо ее супротивника – государева дьяка, хотя Битяговский с самого начала никакого зла к Нагим, хотя бы внешне, не выказывал, однако со временем склока разрослась и окрепла. Все, кто держал сторону Нагих, стали врагами Битяговского, кто был за дьяка, оказались врагами царской вдовы и недругами ее сторонников.

И только одно отрадное исключение было в этой почти обычной российской провинциальной сваре: у мамки царевича Дмитрия Василисы Волоховой был сын Осип, который, часто играя с царевичем, подружился и со своими сверстниками из враждебного стана: с сыном Битяговского Данилой и племянником государева дьяка Никитой Качаловым.

Разумеется, это стало известно Нагим. Мария Федоровна начала косо смотреть на Василису. Дело осложнилось тем, что братья вдовствующей царицы – Григорий и Михаил, – жившие здесь же, в Угличе, люди были совершенно неотесанные, глупые, склонные к скандалам и пьянству. Наиболее распущенным из них был Михаил Нагой, который, выпив сверх меры, являлся требовать у Битяговского деньги помимо отпущенного ему оклада.

Обо всем этом знал маленький Дмитрий. Конечно же, он становился на сторону матери, вечно обиженной, нервной и озлобленной. В душе мальчика поселились демоны мщениия – да и было в кого, достаточно вспомнить отца его. Однажды, когда сверстники Дмитрия по его приказу налепили добрую дюжину снежных баб, царевич кинулся на снежные изваяния с игрушечной сабелькой и стал сечь их, называя каждую бабу чьим-либо боярским именем. Потом, утомившись, изрек:

– Вот что сделаю я, как только стану царем!

Все, знавшие царевича, единогласно подтверждали, что Дмитрий был крайне нервным и часто страдал припадками «падучей», т. е. эпилепсией. И немудрено: наследственность со стороны отца – психопата и пьяницы – вполне объясняла происхождение болезни. Припадки сопровождались потерей рассудка, и тогда Дмитрий кусал за руки тех, кто его держал, грыз без разбора все вокруг, а однажды перед очередным приступом взял он в руки нож и, когда припадок случился, стал судорожно тыкать ножом во все стороны. В среду, 12 мая 1591 года, Дмитрий заболел, но через два дня поправился. Мария Федоровна взяла его с собой к

обедне, а, возвратившись из церкви, отпустила Дмитрия погулять во дворе. Вместе с царевичем пошли три его мамки: Василиса Волохова, Орина Жданова-Тучкова и Мария Самойлова. К царевичу тут же подбежал сын Тучковой и с ним сверстники Дмитрия и товарищи по играм, о которых шла речь выше: Даниил Битяговский, Никита Качалов и Осип Волохов.

Дети облюбовали задний двор и стали играть там в «тычку», или «свайку». Игра заключалась в том, что надо было, бросив нож, воткнуть его в центр очерченного на земле круга.

Вдруг до судачивших мамок донесся крик. Они бросились на задний двор и увидели бьющегося на земле Дмитрия, окровавленного, с перерезанным горлом. Первой подбежала к царевичу Орина Тучкова и подняла его. На руках у нее Дмитрий тотчас и умер.

Из дворца выскочила Мария Федоровна и, увидев мертвого сына, схватила валявшееся на земле полено и стала бить им по голове няньку Василису, крича, что ее сын и сыновья Битяговского и Качалова зарезали царевича.

Ударили в колокола. На двор к Нагой стали сбегаться угличане. Прибежал и государев дьяк со своими близкими. Он хотел расспросить народ о происшедшем, но примчавшийся раньше его верхом на коне Михаил Нагой, по обыкновению пьяный, натравил толпу на Битяговского и трех обвиненных в убийстве пареньков. Толпа тут же растерзала их всех. Кроме того, было убито еще восемь человек.

Вскоре из Москвы приехали для розыска люди Годунова. Затем подошли войска. Нагих разослали по дальним медвежьим углам. Марию Федоровну постригли и увезли в Белоозеро, в пустынь на реке Выксе.

Угличанам рубили головы, резали языки, некоторых бросали в тюрьмы, остальных же сослали в Пелым. В Сибирь увезли и мятежный колокол. Колоколу «урезали» одно ухо и такого вот, покалеченного, отправили в ссылку.

Через шесть с половиной лет после смерти своего младшего брата Дмитрия скончался и царь Федор, последний в мужском колене потомок Ивана Калиты – внука Александра Невского, чьи потомки правили Русью три века. А до его смерти произошло еще немало событий: отменили Юрьев день, персидский шейх Аббас отдал единоверную Иверию, а на южных рубежах России выросли города-братья: Курск, Ливы, Кромы, Воронеж, Белгород, Оскол, Валуйки, перекрыв степные шляхи, по которым крымцы ходили к Москве.

Из-за этого Крымское ханство притихло на целых три года. С поляками и шведами были подписаны мирные договоры, и, казалось, все было бы хорошо, но 7 января 1598 года царь Федор Иванович преставился.

ПРАВЛЕНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА

Воцарение

Рюриковичи никогда и никому не уступали первородства в династийных вопросах. Власть всегда переходила от одного родственника к другому, и если наследник был малолетен, то при нем создавался регентский совет.

На сей раз такого прямого наследника не было, хотя дальние родственники покойного Федора Ивановича могли бы предъявлять какие-то свои претензии на престол. Но этому мешала прямо выраженная на смертном одре воля Федора Ивановича – оставить на всех «своих великих государствах» свою жену Ирину, родную сестру Бориса Годунова.

Дальнейшее изложение событий доверим С. Ф. Платонову, представляющему их следующим образом:

...От царства Ирина наотрез отказалась, съехала из дворца в Новодевичий монастырь и постриглась там. Вместе с сестрой поселился и Борис, а царством правил патриарх и бояре именем царицы. Все понимали, что управление временное и что необходимо избрать преемника покойному царю. Но кто же мог ему наследовать?

По общему складу понятий того времени, наследовать должен был родовитейший в государстве человек; но родовые счеты бояр успели к этому времени так уже перепутаться и усложниться, что разобраться в них было не так легко. Род Рюриковичей был очень многочислен, и относительное старшинство его членов определить вряд ли можно было с точностью. В то время из Рюриковичей особым влиянием пользовалась родовитая семья князей Шуйских. Не раз давала она государству выдающихся деятелей, отмеченных крупным воинским или административным талантом. Менее блестящи были Мстиславские и Голицыны, но они, как и Шуйские, всегда занимали первые места в рядах московского боярства. По понятиям этого боярства, право быть выбранным на престол принадлежало одному из этих княжеских родов более, чем кому-либо другому.

А между тем были в Москве два рода не княжеского происхождения, которые пользовались громадным влиянием при последних царях и по значению своему ничем не уступали знатнейшим Рюриковичам и Гедеминичам. Это старые слуги князей московских: Романовы и Годуновы... В минуту смерти царя Федора было несколько Романовых, сыновей Никиты Юрьевича Романова. Из них самым выдающимся слыл Федор Никитич Романов. И он, и все его братья в это время были известны под именем Никитичей.

Род Годунова был не из первостепенных родов и выдвинулся не родовой честью, а случайно только в XVI веке, хотя и восходил к XIV веку. Предок Годуновых, татарин Мурза-Чет, приехал в XIV веке на службу к московскому князю. Пользуясь постоянным расположением Грозного – царя, Борис участвовал в его опричнине. Но и в Александровской слободе держал он себя с большим тактом; народная память никогда не связывала имени Бориса с «подвигами» опричнины.

Особенно близки стали Годуновы царской семье с того времени, как сестра Годунова, Ирина, вышла замуж за царевича Федора. Расположение Грозного к Годуновым все росло. В минуту смерти Ивана IV Борис был одним из влиятельнейших бояр, а в царствование Федора влияние на дела всецело перешло к Борису. Он не только был фаворитом, но стал и формальным правителем государства.

Это-то значение Годунова и обуславливало ненависть к нему бояр; несколько раз они пробовали с ним бороться, но были им побеждены. Влияние его поколебать было нельзя, и это было тем горше для боярства, что оно предугадывало события. Оно понимало, что бездетность Федора может открыть путь к престолу тому из бояр, кто будет сильнее своим положением и влиянием, а сила Годунова была беспримерна. Он располагал большим

имуществом. Положение Бориса при дворе было так высоко, что иностранные посольства искали аудиенции у Бориса; слово его было законом. Федор царствовал, Борис управлял; это знали все и на Руси, и за границей. У этого-то придворного временщика и было более всех шансов по смерти Федора занять престол, а он отказался и ушел за сестрой жить в монастырь.

Видя, что Ирина постриглась и царствовать не хочет, бояре задумали сделать Боярскую думу временным правительством и выслали дьяка Щелкалова к народу на площадь с предложением присягнуть боярам. Но народ отвечал, что он «знает только царицу». На заявление об отказе и пострижении царицы из народа раздались голоса: «Да здравствует Борис Федорович». Тогда патриарх с народом отправился в Новодевичий монастырь и предложил Борису Годунову престол. Борис наотрез отказался, говоря, что прежде надо упокоить душу Федора.

Тогда решили подождать выбора царя до тех пор, пока пройдет сорок дней со смерти Федора и соберутся в Москву земские люди для царского избрания. Борис сам потребовал созвать по восьми или десяти человек выборных из каждого города, чтобы весь народ решил, кого надо избрать царем.

В феврале 1598 года съехались соборные люди и открылся собор, который 17 февраля избрал царем Бориса. Его предложил сам патриарх. Три дня служили молебны, чтобы Бог помог смягчить сердце Бориса Федоровича, и 20 февраля отправились опять просить его на царство, но он снова отказался; отказалась и Ирина благословить его. Тогда 21-го патриарх взял чудотворную икону Божией Матери и при огромном стечении народа отправился с крестным ходом в Новодевичий монастырь, причем было решено, что если Борис опять будет отказываться, то его отлучат от церкви, духовенство прекратит совершение литургий, а грех весь падет на душу упорствующего. После совершения в монастыре литургии патриарх с боярством пошел в келью Ирины, где был Борис, и начал уговаривать его, а в монастырской ограде и за монастырем стояли толпы народа и криком просили Бориса на престол. Тогда, наконец, Ирина согласилась благословить брата на престол, а затем дал согласие и Борис.

Гонение Годунова на род Романовых

В. Г. Вовина писала:

Для людей, знакомых с русской историей, привычно, что она в конце XVI – начале XVII века была наполнена душераздирающими сценами пыток, тайных казней и репрессий. На фоне тысяч умирающих от великого голода 1601–1603 гг., на фоне «кровавых мальчиков» и обезумевших мужиков, посаженных на бочки с подожженным порохом, насильственное пострижение одного 45-летнего мужчины кажется сущей безделицей. Не менее очевидно, что одна человеческая жизнь, если приглядеться к ней повнимательнее, иногда может поведать больше о трагизме эпохи, чем перечисление самых ужасных и многократно повторяющихся кошмаров.

Попробуем представить, что означало для Федора Никитича превращение в Филарета. «Он же, государь, неволею бысть пострижен да волею и с радостию велию и чистым сердцем ангелский образ восприя и живяше в монастыре в посте и в молитве» – так сообщает нам об этом событии Новый летописец. Вернемся, однако, к началу той трагедии, которую обычно называют «гонением на Романовых».

Существует версия, согласно которой опала Романовых связана с появлением первого самозванца. Платонов считал, что, очевидно, именно связь с ним в прошлом и явилась причиной бед «Никитичей». Лжедмитрий I объявился в Польше почти одновременно с началом романовского «дела». До этого (еще в Москве) Отрепьев жил одно время на подворье у Романовых. Разумеется, по нормам того времени одно это обстоятельство могло бросить опасную тень на весь клан. Поскольку обстоятельства дела довольно темны, то остается только предполагать. Почему бы не представить себе, что все обстояло еще проще?

Расследование началось в конце 1600 года с доноса казначея Александра Романова, второго Бартенева, на своего хозяина, который-де хранит у себя «корень». При обыске на подворье Александра Никитича те «корешки» обнаружались. После этого и началось дознание, в ходе которого Федора Никитича «не единожды» подвергали пытке.

Ясно одно: Годунов хотел избавиться прежде всего от нашего «охотника», и поэтому он единственный был не просто сослан, а сразу же пострижен. Совершенное насильно или же добровольно, пострижение означало, что человек уже становился до конца своей жизни монахом. И если Годунов хотел избавиться от опасного соперника, то он преуспел в этом. «Филарет, в конце концов, достиг власти даже большей, чем та, которая когда-либо была у Бориса, так как она распространялась и на всю духовную сферу, но царские бармы он уже не смог надеть на себя никогда», – точно подметила исследовательница.

А вот как описывала она реалии иноческого бытия Филарета:

Разлученный с семьей, Федор Никитич в июне 1601 г. отправился на север. Царь приказал снабдить его в монастыре всем необходимым, дать новое платье, сапоги, шубу, новую скуфью и «ряску». В его келье жил и некий «мальй», к которому «старец» так привязался, что, по сообщению пристава, был готов «душу свою за него выронить». Кто был этот «мальй»? Мы знаем, что «беглец», очевидно бывший холоп Романовых, – единственное лицо, теперь напоминавшее Федору Никитичу о его прежней жизни, хороший собеседник. Ведь в монастыре из-за боязни, что случится встреча со знатным узником, не велено было пускать к нему даже обычных «прихожих людей». Филарету при выходе на клирос строго запрещалось вступать в какие бы то ни было разговоры.

Филарет живет «не по монашескому чину», не ходит к духовнику и, хотя ему разрешено, «на крылосе не стоит». Монахи жалуются на его грубость, на то, что он выгоняет их палкой из кельи. Особенно Филарет «лает» ненавистного ему старца Иринарха, поселенного к нему

вместо «малого». Временами, как сообщают другие старцы, Филарет начинает «смеяться неведомо чему».

Он даже грозит: «Увидят они, как он вперед будет». Филарет далек от всепрощения, не может забыть обиды, страшным гневом пылает на «бояр», попустительствующих царю, повторяет: «Бояре-де мне великие недруги; они искали голов наших (Романовых. – В. Б.), а иные поучали на нас говорить людей наших, я сам видал это не однажды».

Вопль души слышится в словах Федора Никитича, обращенных к семье. Ксения Ивановна была тоже пострижена и под именем Марфы сослана в Заонежский Толвуйский погост, а дети – Михаил, Татьяна и Иван – сосланы с другими родственниками на Белоозеро, где маленький Иван умер. Когда Федор Никитич «вспоминал» их, он уже не мог смеяться. «Милые... мои детки малы... бедные остались; кому.. их кормить и поить? таково ли... им будет ныне, каково им при мне было?» Думал, конечно, 45-летний Федор и о своей молодой еще жене (ей, вероятно, не было и 30 лет): «А жена... моя бедная, наудачу уже жива ли?» Он чувствует, что «она где-то близко... замчена, где и слух не пойдет!». Это не голос монаха, а голос человека земного, смятенного, смертельно раненного душевно: «Мне уже что надобно? Лихо... на меня жена да дети, как... их помянешь, ино... что рогатиной в сердце толкнет; много... иное они мне мешают; дай, Господи, слышать, чтобы... их ранее Бог прибрал, и яз бы... тому обрадовался; а чаю... жена моя и сама рада тому, чтоб им Бог дал смерть, а мне... бы уже не мешали, я бы... стал промышлять одною своею душою, а братья... уже все, дал Бог, на своих ногах».

В. Г. Вовина сообщает и о судьбе младших братьев Филарета:

Конечно, братья были «на своих ногах». Но ведь это были младшие братья. А он – старший, вспоминает о них и, как за детей и жену, несет ответственность и за них тоже. И вот теперь Александр сослан на Усолье, где в темнице «удушен». Михаила «удавиша» в Великой Перми. Там же над гробом его «в пусте месте» выросли «два кедра». Страшны скудные сведения источников. Но трагедия этой семьи видна из дошедшего до нас частично «дела» о «разсылке» Романовых, где сообщается о судьбе младших братьев, Ивана и Василия. Иван был сослан в Сибирь, в Пелым, с приставом «для береженья». Василия же отправили в Яренск. По дороге предписывалось братьев «беречь», чтобы «не утекли» и «лиха никоторого над собою не учинили».

В Яренске Василию должны были поставить двор и дать приличный «корм», состав которого был даже расписан подробно, включая мясо в «мясные дни». Но уже через полгода пришел приказ перевести его в Пелым к брату, куда несчастного и отправили в морозы, за многие версты, в кандалах. Сопровождавший его сотник Иван Некрасов сообщал в Москву, что река, по которой они ехали, замерзла и они «почали на реке лед скалывать» и шли пешком, «волоком» от Соли Камской до Верхотурья. Для Василия были особенно тяжелы кандалы. Еще по дороге в Яренск он украл у своего мучителя «ключ замочной» и бросил его в реку, но расторопный Некрасов «ключ иной купил и на Василья клал чепь по-прежнему». Теперь же, двигаясь тяжелейшим путем в Пелым, Василий «разболелся», но и тут цепи с него сняли лишь на короткое время.

В результате к месту назначения молодой «насмешник» прибыл уже с распухшими ногами «только чуть жив». Вместе с Иваном его еще посадили было на цепь. И хотя потом оковы сняли, было уже поздно. 15 февраля 1602 года Василий умер.

Иван же, хитрый от природы, остался жив тогда и вообще выжил, единственный из братьев Филарета. После смерти Василия у него открылась «старая... черная болезнь», и он

перестал говорить, владеть рукой и ногами. Но затем, по дороге в Уфу, как сообщал пристав, «язык у него появился, рукою стал владеть, и на персты маленько приступает... а сердце здорово и ест доволно». В мае 1602 г. в Уфу пришел приказ о переводе Ивана Никитича в Нижний Новгород, а в сентябре 1603 г. ему уже велено ехать в Москву.

Остальные родственники и свойственники Романовых также все были сосланы, и лишь немногие вернулись здоровыми. Их владения были, как обычно, «отписаны на государя». Ближайший друг Федора Никитича Александр Репнин пребывал воеводой в Яренске, откуда его выслали с женою и детьми, якобы (или же действительно) за растрату государевой казны. Князь Б. К. Черкасский умер в темнице. Сын его, племянник Филарета, Иван затем был отправлен вместе с Иваном Романовым в Нижний, а потом и в Москву. Вернулись из ссылки сестра Никитичей и некоторые другие родичи. Но это были уже жалкие обрубки некогда мощного семейного древа.

Время, однако, работало не на Годунова. Не зря буйствовал Филарет в своем северном захолустье. Близился конец этого первого в его жизни «плена». Филарет оплакивал погубленную жизнь и не знал, что впереди еще почти столько же лет и не все самое тяжелое позади.

Трехлетний голод – предтеча Смуты

Ранней весной 1601 года над всем центром России начали низвергаться непрерывные дожди. Они шли и все лето, превратив поля в болота, а дороги – в реки грязи.

15 августа вдруг ударил необычайно ранний мороз, побивший все мало-мальские всходы, чудом взошедшие на склонах вспаханных холмов.

После этого тысячи обездоленных мужиков хлынули в Москву, надеясь хотя бы здесь найти кусок хлеба.

Правительству стало необходимо найти этим людям какое-нибудь дело и за данную им работу накормить и напоить работных людей, не давая им возможности превратиться в бродяг и разбойников.

В Москве началось большое строительство, которое требовало тысячи рук.

В Кремле был построен самый большой в России двухэтажный каменный дворец, почти такого же размера, как нынешний Кремлевский дворец. На Ивановской площади Кремля была воздвигнута пятиярусная постройка из белого камня высотой 38 с половиной саженьей, получившая название «Иван Великий».

Хотя источники не сохранили имени зодчего, руководившего возведением этого грандиозного столпа-колокольни, вполне возможно, что этим мастером был Федор Конь – величайший русский архитектор того времени.

За Кремлем строились мосты и церкви, но этого не хватало, чтобы обеспечить всех работой и хлебом.

Годунов распорядился раскрыть закрома Москвы и раздавать хлеб голодным, а в других русских «градах и весях» конфисковывать у помещиков запасы зерна и раздавать их голодным. Но помещики ловко срывали эти правительственные мероприятия, войдя в сговор с местной администрацией.

На второй и третий год повторились неурожаи и бескормица. Люди поели все, что можно, стали питаться падалью, собаками, кошками, воронами, в конце концов, дойдя до людоедства.

За два с половиной года в Москве умерло от голода более ста тысяч человек.

По всей Руси собирались в небольшие ватажки «бунташные холопы», нередко выходили на большие дороги и дворяне со своими шайками, а в 1603 году около Москвы лихие люди охотились в большом отряде атамана Хлопка Косолапа.

Воеводы царя Бориса бились со всеми этими недругами, как будто то были не православные христиане, а иноземные схизматики.

От всего этого казна пустела, торговля хирела, государство ослабевало.

Однако жизнь всюю своей повседневной тяжестью ложилась на простых людей, а наверху, возле царского трона, продолжались интриги, борьба одних против других, что, в конечном счете, вылилось в борьбу всех против всех.

Небесные предзнаменования

Сейчас трудно, а порой и невозможно объяснить, почему в самом начале XVII столетия столь часто возникали необыкновенные небесные явления. Для нас, людей просвещенных, отстоящих от того, что происходило во времена Бориса Годунова, на три века, понятно, что это были миражи, объясняемые искривлением лучей света из-за аномального преломления света в атмосфере, связанные с особенностями плотности и температуры воздуха. Эти искаженные изображения налагаются друг на друга, меняются быстро и разнообразно, что и вызывает к жизни картины причудливые и необыкновенные.

Так, судя по всему, было и в начале XVII столетия, когда над Москвой всходили две, а то и три луны или два, а то три солнца одновременно.

По ночам на небе горели высокие огненные столбы, а летом 1604 года в ясный полуденный час встала над Москвой огненная хвостатая комета.

Засухи и ливни стали причиной того, что на улицах Москвы появились лесные звери, а коровы и кобылы, овцы и козы стали часто приносить то двухголовых, то невесть каких диковинных уродцев.

Чудовищные вихри налетали на Москву, то и дело сами собой звонили колокола, раскачиваясь под ударами ветра, а когда буря начинала уже совершенно неистовствовать, то падали колокольни, с домов срывались крыши и то там, то тут вспыхивали сполохи пожаров.

Юродивые, бабки-кликушки, темные нищелюбы и вездесущие странники, которых внимательно и сочувственно слушали на торжищах и у церковных папертей сотни москвичей, в голос предрекали: «Быть беде!» Они же говорили, что царевич Дмитрий Иванович жив, что в Угличе убили другого отрока, а законный государь вскоре объявится и взойдет на прародительский престол.

Вскоре к этой истории привязали и хорошо известных всей Москве бояр Романовых.

Федор – Филарет и Отрепьев – царевич Дмитрий

Как уже говорилось, именно из дома Федора Никитича бежал в Польшу монах из свиты патриарха Иова Григорий Отрепьев и там выдал себя за царевича Дмитрия, чудом спасшегося от убийц и нашедшего приют в доме Федора Никитича Романова. Это обстоятельство сыграет потом важную роль в жизни новоявленного монаха Филарета.

К Филарету в монастыре был приставлен для доносов дворянин Воейков. Он исправно исполнял свое дело, и в частности писал, что Филарет сильно горюет о детях и жене, не зная, что с ними стало.

Однако же мир оказался не без добрых людей, и крестьяне Толвуйской волости сообщили Филарету о его жене, а ей передавали весточки от мужа. (Когда их сын, Михаил Федорович, занял престол, он навечно освободил потомков крестьян Толвуйской волости от всех государственных повинностей и податей.)

Лишь в марте 1602 года Борис Годунов указал снять со всех попавших в опалу Романовых позорные имена «злодеев».

Иван Никитич Романов и князь Черкасский были возвращены на службу; Федор Никитич мог встречаться с богомольцами, приходившими в Сийский монастырь, от которых он и получал известия о жене и детях.

Марфу Никитичну Черкасскую с Михаилом и Татьяной перевезли с Белого моря в вотчину Романовых – село Клин. Туда же из Заонежья привезли и их мать – инокиню Марфу, которая во все время своих мытарств в монастырях так и не побывала, но к своему иночеству относилась свято, а с этой поры стала умело сочетать обязанности матери с поведением монахини, что было не так-то и просто.

Поздней осенью 1604 года Филарет узнал, что на Руси объявился царевич Дмитрий, что он идет на Москву, желая вернуть себе трон, доставшийся Годунову.

Вслед за тем дошли до монастыря слухи, что на юге России забунтовали мужики и что царевич стал во главе их и вместе со своей армией, которая состояла преимущественно из шляхтичей и казаков, идет на Москву.

А весной 1605 года монахи узнали, что 13 апреля Борис умер, а его войско, вышедшее навстречу царевичу, перешло на сторону Дмитрия неподалеку от Орла.

Сына Бориса Годунова – шестнадцатилетнего Федора – и его мать задушили новоявленные сторонники Дмитрия, дочь Бориса заточили в монастырь, и в июне 1605 года под праздничный перезвон колоколов Григорий Отрепьев, он же Лжедмитрий I, въехал в Кремль.

В конце июня и до монастыря, где все еще жил Филарет, дошла весть, что теперь в Кремле объявился законный государь – царевич Дмитрий Иванович.

В это время Филарету уже сообщили, что царевич Дмитрий – не кто иной, как Григорий Отрепьев, живший у него на подворье перед тем, как царь Борис «опалился» на весь их романовский род.

Старец Филарет, узнав это, стал совсем другим, и Воейков, по-прежнему исполнявший должность соглядатая и доносчика, писал в Москву: «Живет старец Филарет не по монастырскому чину, неведомо чему смеется; все говорит про птиц ловчих да про собак, как он в миру живал. Старцев бранит и бить хочет и говорит им: „Увидите, каков я впредь буду“».

В июле в монастырь примчались гонцы из Москвы, оповестив монахов, что 20 июня российский престол занял царь Дмитрий Иванович.

Он же повелел быть Ивану Никитичу Романову – боярином, а Филарету Никитичу –

занять митрополичью кафедру в Ростове Великом.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Лжедмитрий I

Приведем отрывок из уже цитированной книги В. В. Назаревского «Из истории Москвы. 1147–1703. Очерки», содержащей и описание поведения Лжедмитрия I после его въезда в Кремль:

«Народ, веривший, что это приходит истинный царь Димитрий, громадными толпами наполнил улицы и покрыл крыши домов, радостно приветствуя нового властителя, не подозревая в нем похитителя престола. Вступление его в Москву было необычайным: впереди ехали польские латники в их крылатых шлемах и панцирях, польские паны – в кунтушах и конфедератках; вокруг самозванца было много других иностранцев; сзади же его шли русские бояре и русские полки.

Лжедмитрий ехал на белом коне, в великолепной одежде, в блестящем ожерелье. Звон колоколов сливался с приветственными кликами народа; но уже чувствовалось что-то неладное. Когда самозванец выезжал из Москворецких ворот на Красную площадь, поднялся страшный вихрь; всадники едва усидели на лошадях; колокола сами собою зазвонили у св. Софии, что на набережной; покрытое тучами пыли шествие остановилось. Народ увидел в этом недоброе предзнаменование. Кроме того, он был недоволен, что в ту минуту, когда Димитрий, встреченный духовенством, прикладывался к образам на Лобном месте, гремела музыка: трубы и литавры заглушали церковное пение. В то время как самозванец проявлял притворное волнение перед гробом Грозного в Архангельском соборе, князь Василий Шуйский уже говорил народу, что это – не истинный Димитрий, а самозванец, за что едва не поплатился головою.

Трудно было держаться на престоле Лжедмитрию, хотя на его стороне было расположение народа, простодушно верившего, что он – подлинный Димитрий Иоаннович. Измена русскому духу Лжедмитрия, севшего на престол обманом, должна была погубить похитителя шапки Мономаха. Самозванец купил поддержку Польши в лице ее короля, духовенства и панов ценой тайного принятия папизма и обязательства ввести его в России. Кроме того, он вводил в православный Кремль в качестве русской царицы католичку, польскую панну Марину Мнишек.

На место сверженного патриарха Иова был возведен самозванцем грек Игнатий, бывший архиепископом в Рязани. Он первый из архиереев признал Лжедмитрия царем. Вслед за тем новый придворный сановник князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский привез из монастыря в 500 верстах от Москвы царицу-инокиню Марфу. Несчастливая вдова Грозного должна была после свидания с мнимым сыном в шатре близ села Тайнинского признать самозванца своим порождением. Вдовствующая царица была поселена в Вознесенском монастыре.

30 июля Лжедмитрий венчался на царство в Успенском соборе. Но к древнерусскому священнодействию примешалось нечто, неприятно поражавшее народ. В храме Пречистыя польский иезуит приветствовал речью нового царя. По случаю коронации последовали царские милости: пожалован был, как мнимый дядя государя, Михаил Нагой саном великого конюшего; Романовы были возвращены из заточения, Филарет [Федор] Никитич посвящен был в митрополиты Ростовские, а Иван Никитич Романов получил сан боярина.

Но Москва уже стала замечать в новом властителе, в его действиях и самой обстановке нечто фальшивое, нечто нерусское. Кроме упомянутого нарушения русских обычаев, всех поражала расточительность Лжедмитрия. Называя себя „непобедимым императором“, самозванец сделал себе из чистого золота богачейший трон, увешал его бриллиантовыми и жемчужными кистями. Одетый в польский костюм, он бешено ездил верхом по Москве и

даже к Успенскому собору, чего не бывало прежде, подъезжал на седле. Устраивал травли медведей и волков и с задором участвовал в них сам. Не ложась спать после обеда, он ходил пешком к полякам и немцам; и боярам, недосмотревшим выхода его из дворца, приходилось разыскивать его по городу; поляки пировали в Москве, высокомерно обращались с русскими и обижали их.

По свидетельству современников, первый самозванец был сильный и широкоплечий человек, мрачный и задумчивый, без бороды и усов. Лицо у него было широкое, желтовато-смуглое, уши длинные, волосы русые, рыжеватые; глаза темно-голубые, большой рот, толстые губы и крупный нос; на лице он имел две бородавки, одну – на носу, на правой стороне, а другую – на левой стороне на лбу, да, кроме того, родимое пятно у правого плеча. Одна рука у него была длиннее другой; в руках была сила необыкновенная. Некоторыми из указанных примет он походил на Димитрия – царевича. В Ивановской колокольне ксендзы стали совершать католические мессы. Появился в Кремле папский легат. Пасторы протестантов – наемных немцев стали открыто совершать свои службы. В Москве пошли приготовления к приезду царской невесты Марины Мнишек. 3 мая она прибыла в Москву. Первый день по своем приезде панна Мнишек ничего не ела, потому что русские, да притом монастырские кушанья были ей не по вкусу. Узнав об этом, Лжедмитрий прислал ей в Вознесенский монастырь польских поваров и приказал увеселять ее музыкой и пляской. 7 мая, вечером, при свете 200 факелов Марина переехала из монастыря во дворец. На другой день утром совершенно было бракосочетание. Казанский митрополит Гермоген (будущий патриарх) и Иосиф, архиепископ Коломенский, предупреждали Лжедмитрия, что брак его с Мариной будет незаконным, если она не отречется от латинства и не присоединится к православию. Но самозванец пренебрег предостережением, как и русскими обычаями, не разрешающими свадеб под пятницу, в которую в том году праздновалась память св. Николая Чудотворца.

Начались праздники и пиры в Кремлевском дворце, выражавшие в похитителе власти настроение, не свойственное сыну Грозного и вообще русскому человеку. На обедах самозванец садился лицом к польским панам и спиной к русским боярам. По вечерам в польском костюме танцевал мазурку и даже надевал на лицо маску. Но все это только больше и больше разоблачало в глазах русских, что он – подложный царь, и надвигало на него роковую грозу...

Самозванцу из медового месяца пришлось прожить только одну неделю и слишком скоро оставить Марину вдовой. Его шляхетский образ действий, антирусское настроение готовили ему гибель, показывая всем, что он обманщик. Князю Василию Ивановичу Шуйскому нетрудно было подготовить гибель самозванца, привлеки к этому делу громадную массу войска и народа. Лжедмитрий не придавал значения слухам, доходившим до него через поляков и немцев, что в Москве беспокойно. Он приказал устроить за Сретенскими воротами деревянную крепость и вооружил ее пушками. 18 мая предполагалось устроить здесь примерное сражение, со штурмом крепости, а затем народный праздник и маскарад у Марины. Между тем Шуйский деятельно подготовлял нападение на самозванца, привлеки на свою сторону бояр, торговых людей и 18 тыс. войска, стоявшего под Москвой и предназначенного для похода в Крым. Распущены были слухи, что Лжедмитрий 18 мая начнет истребление русских бояр, поделит московские области полякам и станет вводить латинскую веру. В ночь с 16 на 17 мая заговорщики ввели войско в город и заняли кремлевские ворота. Дворец в это время охранялся только 30 немецкими алебардчиками,

потому что остальных бояр именем Лжедмитрия отпустили по домам. В 4 часа утра ударили в колокол на Ильинке, у Ильи Пророка, а затем загудел набат по всей Москве.

Толпы народа устремились на Красную площадь. Шуйский верхом на коне въехал в Кремль через Фроловские ворота и, приложившись в Успенском соборе к образу Владимирской Богоматери, закричал народу, чтобы все во имя Божие шли на еретика. Шум и набат разбудили самозванца и приближенных его. Им сначала сказали, что это – пожар. Басманов [Петр Федорович] велел запереть двери и отрубил голову одному из пробравшихся заговорщиков. Сам Лжедмитрий, выхватив меч у одного из телохранителей, выскочил к толпе и закричал: „Я вам не Годунов!“

Но в него стали стрелять. Он бросился предупредить Марину и хотел по лестнице бежать вниз, но путь был занят врагами. Тогда он выскочил из окна на деревянные подмости и хотел перешагнуть на другие, но оступился и упал с высоты 15 аршин (1,5 метра. – В. Б.), вывихнул себе ногу и разбил грудь. Стрельцы привели его в чувство и стали было выстрелами защищать его от народа. Но когда им объявили, что пожгут их дома и побьют их семьи и что царица-инокиня говорит, что это – обманщик, а ее сын убит в Угличе, то защитники покинули самозванца, и толпа с криками бросилась на него. Сын боярский [воевода] Григорий Валуев выстрелил в Лжедмитрия, другие добились его и бросили труп с крыльца на тело убитого Басманова. Оттуда чернь поволокла оба трупа на Лобное место, где самозванец был положен на столе с маской, дудкой и волынкой, а Басманов – у ног его на скамейке. Через три дня Басманов был похоронен у церкви Николы Мокрого, а труп самозванца на навозной телеге свезли за Таганские ворота и бросили в общий ямник убогого дома, где при царе Михаиле Федоровиче был построен Покровский монастырь.

По словам современного писателя, монахи Андроньева монастыря говорили, что в течение 7 дней, как труп расстриги находился в ямнике, над ним появлялись огни и такое множество чертей, что боялись идти к заутрене. Другой писатель, Масса, говорит, что в эти дни был такой сильный мороз, что на пространстве 20 миль кругом Москвы засохли вершины всех растений, как овощей, так и деревьев, как будто они были сожжены. Даже вершины сосен высохли так, что жалко было на них смотреть. Сочли за лучшее сжечь тело чернокнижника. Когда труп его вынули из ямника и повезли к воротам города, поднялся такой вихрь, что с деревянных стен снесло крышу. Труп был сожжен, по одному свидетельству, у деревни Котлы (за Серпуховской заставой), по другому сказанию – „расстригино тело в соделанном его аде (деревянной крепости, построенной по его приказу, на дверях которой были нарисованы адские сцены. – В. Б.) за Москвою-рекою, в Верхних Садовниках, сожгли и приятелей его поляков поставили около ада смотреть, дабы в Польше было сказано, что расстрига царствует в аде“. Пепел смешали с порохом и выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда пришел самозванец».

Василий Шуйский

После убийства Лжедмитрия I в России появилось еще два самозванца – Лжедмитрий II и Лжедмитрий III. Произошло это во времена правления нового царя – Василия Шуйского, о котором будет рассказано здесь все тем же В. В. Назаревским, а о судьбе бояр Романовых в годы царствования Шуйского вы, уважаемые читатели, узнаете из статьи В. Г. Вовиной.

Итак, слово В. В. Назаревскому:

«Василий Иванович Шуйский, провозглашенный в Москве царем, не обладал силами, необходимыми для подавления Смуты. Престарелый, вдовый, бездетный, обладавший умом, годным для царедворца или министра, он совсем был лишен тех качеств, кои необходимы царю, а особенно основателю новой царской династии, в такое тяжелое время. Напротив того, в нем было немало такого, что делало его положение на престоле шатким, колеблющимся. Избранный только Москвою, а не всей Русью, он не обладал всей силой и полнотою власти, к коей привык народ и которую он ставил выше всего.

Он не был самодержец, а был только, по выражению современников, полуцарь, потому что дал боярам обязательство и клятву не решать ничего важного без их согласия. Каждое действие Василия, хотя бы оно и было вполне самостоятельным, представлялось народу внушенным Шуйскому не его царской совестью и чувством долга перед Богом и государством, а делом невольного соглашения с Думой боярской.

1 июня 1606 г. Василий Иоаннович венчался на царство, а 3 июня, ради предотвращения самозванства, были принесены в Москву мощи св. царевича Димитрия. Царь, инокиня-царица Марфа, духовенство, бояре и народ встретили их за городом, причем удостоверились в нетлении мощей. Сам царь нес раку царевича, прославляя его святость и свидетельствуя, что царственный отрок убит был по приказанию Бориса Годунова.

Напрасно Шуйский силился предотвратить самозванщину: это не успокоило Смуты. Сперва зашевелились области, не участвовавшие в избрании его и подвергшиеся интриге бояр: князь Шаховской возмутил против Шуйского Северскую Украину, а Ляпунов и Сумбулов – Рязанскую область. Но наиболее смуты производили народные низы, выразителем коих явился беглый холоп князя Телятевского Иван Болотников. Однако эта Смута не вдруг могла выставить из своей среды самозванца, хотя деятельно повсюду распускались слухи, что Дмитрий Иванович не был убит в Москве, как раньше и в Угличе, а что вместо него убили другого и, чтобы обмануть-де народ, лицо убитого покрыли маскою.

Первая волна Смуты, под водительством Ивана Болотникова, Шаховского и Ляпунова, докатилась до Москвы, и войскам Шуйского приходилось биться с мятежниками и под самой Москвой, и у речки Пахры, в селе Троицком, и близ деревни Котлы. Однако положение Василия Шуйского еще не расшаталось, и одни смутьяны принесли, как Ляпунов, повинную царю, другие отброшены были от Москвы и после осады в Туле должны были сдаться Шуйскому.

За первой волною Смуты катился второй вал ее: в Стародубе объявился Лжедмитрий II, которого одни называли поповичем от Знаменья на Арбате, другие – сыном Курбского. Между тем Шуйский не проявлял и в самой Москве царственной силы. Москвичи в это время видели, как выкопали из земли тела первых жертв самозванца – Годуновых – и как повезли их для новых похорон у Троицы. Неутешный плач дочери Годуновых Ксении, теперь инокини Ольги, глубоко трогал народ.

Вызван был в Москву низложенный самозванцем патриарх Иов и вместе с новым патриархом Гермогеном дал в Успенском соборе разрешение [прощение] народу от клятвопреступления при первом самозванце Федору Борисовичу. По этому поводу

обнародована была от имени двух патриархов грамота с изложением событий от смерти Грозного до воцарения Шуйского включительно...»

Филарет, Василий Шуйский и Лжедмитрий II

И вновь ознакомимся с фрагментом статьи В. Г. Вовиной:

«Между тем события развивались стремительно. Недавно еще „власти“ подписывали грамоту об „истинности“ царя, посылаемую в Польшу, и вот уже Филарет 1 июня 1606 г. принимает участие в коронации нового избранника – Василия Шуйского. Как известно, судьба престола была решена в узком кругу московской знати, но Филарет должен был входить в этот круг. При венчании нового царя он вместе с Крутицким митрополитом нес крест, скипетр и „яблоко“ (державу).

С ноября 1606 г. он в Ростове. Но на занятия делами церковными времени оставалось мало, хотя он успел кое-что сделать, например учредить пост архимандрита в ростовском Борисоглебском монастыре. Тучи сгущались. Убиенный расстрига как бы мстил Филарету за отречение от него. Его призрак, Лжедмитрий II, „Вор“, уже осадивший Москву, двигался теперь к Ростову. Нужно было собирать „даточных людей“ с монастырей, поместий и вотчин. Осенью 1608 г. город готовился к осаде. В конце октября „Вор“ выслал „похвальную грамоту“ суздальцам во главе с архиепископом Галактионом „за верность и усердие“. Приходит к нему и челобитная ярославцев с повинной, подписанная архимандритом Спасского и игуменом Толгского монастырей. Крест „Вору“ целуют в Переяславле. Это был тот момент, когда „грады все Московского государства от Москвы отступиша“.

В октябре 1608 г. пал Ростов. Митрополит Филарет, „адамант крепкий“ („адамант“ – алмаз. – В. Б.), как сообщает летописец, призывал „статьи против... злодеев“, убеждая жителей: „Аще мы и побиени будем от Бога венца восприимем мученическая“. Горожане хотели отойти в верный еще тогда царю Ярославль. Филарет, однако, противился: „Аще будет и многие муки претерплю, дому Пречистые Богородицы и Ростовских чудотворцев не покину“. Очевидно, именно в результате этой проповеди многие не успели бежать из города и были убиты. Оставшиеся в живых вместе с Филаретом заперлись в церкви, где и были захвачены. Можно представить судьбу несчастных. С Филарета сорвали святительские ризы, дали взамен „худые“ и под стражей отправили к „Вору“ в Тушино».

В. Г. Вовина отмечает причину перехода «крепкого адаманта» к Лжедмитрию II:

«Поляки, стоявшие за ним (Лжедмитрием II) и помнившие судьбу Отрепьева, понимали, что теперь необходимо больше привлекать русскую знать на свою сторону. „Дмитрий Иванович“ контролировал уже значительную территорию. Но власть светская не мыслилась без освящения духовной. Надежды на то, что Гермоген в Москве признает „Вора“, не было. Значит, патриарха нужно было „сделать“ нового. И уж на этот раз он должен быть лицом значительным, а не авантюристом вроде Игнатия. Пленение Филарета стало в этом смысле редкой удачей. Именно поэтому в Тушине его встретили с подобающими почестями. В ноябре он уже подписывает от своего имени грамоты как „нареченный патриарх Московский и всея Руси“.

В сделке Филарета с „Тушинским вором“ уже налицо в большей мере политический расчет, чем в его службе первому самозванцу. Там он был лишь невольным участником событий. Здесь – в значительной степени активным действующим лицом. Он исхитрился при этом пользоваться доверием Лжедмитрия и поляков и одновременно сохранить репутацию в Москве, где жила семья. Судя по посланиям Гермогена, в столице на Филарета смотрели исключительно как на невольного пленника „Вора“. Марфа Ивановна и дети опекались самой царицей».

Далее В. Г. Вовина просто и доходчиво повествует о весьма сложных перипетиях Смутного времени, вписывая в события этой поры судьбу Филарета:

«Когда в декабре 1609 г. в Тушино прибыли послы от Сигизмунда III, осадившего Смоленск, Филарет, очевидно, сразу понял, что судьба посылает ему шанс вырваться из „таборов“, начавших уже распадаться. Именно тогда впервые и всплыла кандидатура польского королевича Владислава, сына Сигизмунда III, как возможного претендента на русский престол, с воцарением которого могли бы утихнуть все раздоры. Обязательным условием с самого начала было крещение королевича по православному обряду, так как все помнили, как Лжедмитрий I ввел в Успенский собор Марину Мнишек без крещения, а лишь совершив обряд миропомазания. Но события тогда развивались быстрее чьих бы то ни было планов. В мае 1610 г., когда Тушинский лагерь распался, поляки захватили Филарета с собой в Иосифо-Волоколамский монастырь. Но по дороге он был „отполонен“ (т. е. освобожден из плена. – В. Б.) царскими воеводами.

И снова Москва. Теперь уже не осажденная, а полная ликования по случаю побед над „Вором“ князя Михаила Скопина-Шуйского. Но вот уже и князь мертв, и царские войска в июне вновь разбиты под Клушином. Обвинения летят на „несчастливого“ царя Василия, горестное его правление подходит к концу. 17 июля Василий Шуйский с царицей насильно пострижены. Поляки в это время стояли уже в семи верстах от столицы.

А 7 августа в Москве на престол был избран королевич Владислав, находившийся еще в Польше. 17 августа „власти“ заключили договор с польским гетманом Жолкевским, и его гарнизон вошел в Кремль.

А король Сигизмунд еще осенью 1609 г. перешел границу и осадил Смоленск. Воевода М. Б. Шеин отказался сдать город. В сентябре 1610 г. под Смоленск к королю выезжает посольство во главе с Филаретом, вновь Ростовским митрополитом, и боярином князем В. В. Голицыным. Послы везут инструкции, состоящие из десяти пунктов. Главное: тут же, не мешкая, в Смоленске, перекрестить королевича. Это должен был сделать Филарет.

Поляки, уже хозяйничавшие тогда в столице, не случайно стремились изгнать оттуда Ростовского митрополита и Голицына. Дело в том, что и Михаил Романов, сын Филарета, и Голицын уже тогда считались реальными претендентами на трон и соперниками Владислава. Правда, пока еще жила уверенность, что только восшествие на престол „прирожденного государя“ положит конец войне. Голицына обвиняли в том, что он по дороге в Смоленск ссылался с „Вором“ и вообще имел с Филаретом договоренность действовать во вред королевичу и Сигизмунду. Но доводы, приводимые сторонниками этой точки зрения, ненадежны.

Король встретил послов с почестями, однако положение их было неопределенным. Сигизмунд, как известно, потребовал целовать крест и сыну, и себе самому. Бояре в Москве решили подчиниться. 30 октября Жолкевский привез под Смоленск бывшего царя Василия Шуйского с братьями. Поляки хозяйничали в Кремле. Казалось, все развивается по ставшей уже привычной схеме. Вот-вот Шеин откроет королю ворота Смоленска, москвичи же поцелуют крест на верность Сигизмунду, и тот торжественно въедет в Кремль. Но именно в этот момент произошло нечто необычное. Дело в том, что под Смоленском перед нами как будто предстал другой, новый Филарет. Вернее, именно там мы и видим настоящего Филарета, тогда как до этого все еще жил и действовал Федор Никитич Романов». Это тонкое психологическое наблюдение исследовательницы подтверждается и ходом дальнейших событий.

«Король прежде всего потребовал сдачи Смоленска, – продолжает В. Г. Вовина. – Тут-то, по сообщению летописца, Филарет и показал „первое крепкое стоятельство“, ответив

Сигизмунду: „Как будет сын твой на Московском государстве и все Московское государство будет под сыном твоим, не токмо Смоленск, тебе, государю, не достоин стояти под вотчиною сына своего“. Такую же позицию занял и Голицын. Переговоры зашли в тупик, и послам стала „деяться“ великая „теснота“. Тут как раз ситуация в стране изменилась не в пользу поляков. В марте 1611 г. к Москве подошли отряды казаков и ополченцев. Теперь уже польский гарнизон оказался осажденным в Кремле».

И получилось, что Филарет, точно почувствовавший изменение в общей обстановке, сделал правильный окончательный выбор.

Жизнь Филарета в польском плену

В. Г. Вовина проследила и обстоятельства, сопровождавшие Филарета и его спутников в Мальборке и других городах и замках Польши. Она писала:

«Между тем слух о „мучениях“ послов под Смоленском распространился по стране. Тем важнее было для Сигизмунда задержать их как заложников. И после падения Смоленска все знатные русские, содержащиеся в королевском лагере, были отправлены в Польшу. Путь их лежал через Минск и Вильно под Львов, в Каменку, имение гетмана Жолкевского. Шуйских повезли затем на Варшавский сейм. Сигизмунд готовил торжество по случаю своей победы: бывший царь, его брат, возможно, также Шеин и другие проехали вслед за польскими войсками, входившими в столицу. Филарета и Голицына оставили в Каменке. Очевидно, законность их плена все же вызывала сомнения, и, кроме того, не было уверенности в том, что эти „крепкие алмазы“ будут вести себя соответственно „сценарию“ королевского триумфа. Так или иначе, но в Варшаву их вывезли только в январе 1612 года.

Тогда же всех „москвитов“ разлучили уже надолго. Шуйские отправились в Гостынский замок, Шеина определили в Ружаны, родовое имение Л. Сапеги в Новогрудском воеводстве. А Филарета и Голицына отправили в Мальборк, бывшую столицу Тевтонского ордена. Филарета поместили там в замок. Трудно представить себе что-нибудь более странное, чем фигура русского митрополита, ступавшего по брусчатке внутреннего двора Мальборка или поднимающегося на стены, откуда можно было наблюдать за течением Ногата, омывавшего замок с запада.

Плен, очевидно, не был тяжел для Филарета физически. Во-первых, он не был одинок: его сопровождала свита. Несмотря на то, что в Мальборке имелись и сырые, темные казематы, все же послов содержали в одном из тех помещений, которые предназначались обычно для гостей замка. Правда, бывшие покои великого магистра ордена сохранялись для короля, и в этой части замка узников не селили; предполагают, что русские пленники занимали помещения во внешнем дворе замка, где ранее жил великий комтур. По сообщениям из разных источников, содержание их было весьма богатое. Тем не менее, Мальборк вряд ли оказался для Филарета легче и удобнее Сийского монастыря, где он страдал за десять лет до этого.

Митрополит не мог оценить по достоинству величие и красоту своей новой темницы, ибо против этого восставала его душа православного человека. Однако не все пленники в Польше в то время относились к своему заключению подобным образом. По свидетельству иностранцев, Запад оказал определенное влияние, побуждал к заимствованию у поляков. Филарет же уехал из Польши решительным противником всего западного, болезненно относясь к любому возможному проникновению в Москву польской культуры; он окончательно сформировался как „столп церкви“, „гонитель западничества“, когда созерцал красоты прусской твердыни».

Дьяк Иван Тимофеев о русской Смуте

В те годы, когда Филарет был в плену, «великая тревога, и всяческое смущение, и гиль, и воровство» достигли в России своей наивысшей точки.

Много книг было написано о Смуте, но, пожалуй, лучше всех сказал о ней современник происходивших событий дьяк Иван Тимофеев – историк-патриот, мыслитель и гражданин. «За какие грехи наказана наша земля? – писал он. – Нет места, где бы горы и холмы ни поливались кровью, и долины и леса наполнялись ею, и вода, окрасившись кровью, сгустилась, и звери и птицы насытились человеческими телами».

«Почему произошло это? – спрашивал себя дьяк Иван и отвечал: – Наказаны мы за дерзость клятвопреступлений, за гордыню, за отказ от упорного труда, за любовь к наградам, за чрезмерное обжорство и пьянство, за злопамятство к близким своим. К этому присовокуплю ненасытную любовь к деньгам, хвастовство одеждою и приобретение множества ненужных вещей. И последнее, нестерпимое зло, навлекшее на Русь гнев Божий, – произношение матерных скверных слов, ибо ими мы оскверняем сами себя и матерей наших. И Матерь Божия, заступница наша, отвращает от нас лицо свое, пребывает к нашим молитвам глуха.

Сердце наше окаменело, и мы не ждем над собою суда. И родина наша, как вдова, сидящая при дороге и одетая в траурные одежды и страдающая от многих окруживших ее врагов».

Описывая обстоятельства, при которых Шуйский занял московский трон, Тимофеев писал: «Зависть к царствованию возникла у Шуйского, и, как стрелою, подстреленный властолюбием, он неосмотрительно и спешно сел на престол. Он создал себе дом и не углубил в землю, но основал его на песке. Он поднялся внезапно, по собственному побуждению, и без согласия всей земли поставил себя царем и этим возбудил к себе ненависть всех городов своего государства. И началось по всей земле нашей непослушание, и самовластие рабов, и осада городов, и сам Василий со всем своим родом был в Москве бунташными холопами заперт и затворен, как птица в клетке.

Неожиданно пришли из своей земли под мать городов русских – Москву – богопротивные люди, все латины (т. е. католики. – В. Б.), и осадили ее, как некогда при Ное вода потопа внезапно пришла и затопила землю. По всем городам умножились злые начальники и самовластие, и среди людей пылал неукротимый пламень гнева.

И в конце Шуйские сами отломились от маслины и вскоре, по писанию, „низложены были с престола“, а царь Василий со всем родом своим во власянице и в худых рубищах был отправлен в страну чужезерных, в далекий плен, и там сошел под землю, получив сноп жатвы своей, сноп зависти и других своих зол. И не осталось никого из рода его».

Этой сентенцией завершим сюжет о разгаре русской Смуты и познакомимся с тем, как она закончилась.

Королевич Владислав, гетман Жолкевский и патриарх
Гермоген

«Роковое, по всей видимости, безысходное время наступает для Москвы и всей России в 1610 г., когда пал Василий Шуйский, – писал уже упоминавшийся выше историк В. В. Назаревский. – Безгосударие было неизмеримо тяжелее правления „полуцаря“, теперь постриженного в иноки. При нем все же был, хотя и в колеблющемся престоле, государственный центр, все же еще горел, хотя и мерцая, огонь народного единения.

Передача регентства Боярской думе, впредь до избрания царя, была скачком в неизвестность. Ежели было немисливо, чтобы бояре решились из Руси наделать вечевые народоправства или даже воскресить удельную систему с ее небольшими княжествами и князьями, то все же пред расшатанными Смутой Москвой и Россией зияли две пропасти: или разбойническое владычество сидевшего в Калуге самозванца, или польское владычество с войском пана Жолкевского, дошедшего уже до Можайска. То и другое грозило конечным разрушением всего.

Семибоярщина правительствующей Думы, дабы предотвратить обращение России в провинцию Речи Посполитой, придумала избрать в цари польского королевича Владислава IV. Восстал против этого доблестный патриарх Гермоген, требовавший, чтобы царь был избран из русских бояр. Но его успокоили тем, что избираемый инородец примет православную веру и ограничит власть свою в том отношении, что не приведет на Москву поляков и не будет ничего решать без согласия Боярской думы.

Не мог быть по душе русским людям новый „полуцарь“, да притом польской крови. Но страх пред тушинским вором заставил умолкнуть недовольство. Жолкевский стоял уже на Поклонной горе за Дорогомиловом...»

Как видите, дорогие читатели, и на этот раз, для связности рассказа, нам пришлось вернуться немного назад, когда Василий Шуйский был еще в Москве.

Теперь же снова предоставим слово В. В. Назаревскому:

«27 августа Москва присягала королевичу Владиславу как русскому царю, и сердце Москвы – Кремль был сдан полякам. Хитрый и ловкий Жолкевский извивался змеей пред москвичами и сумел ослабить нерасположение к ляхам даже патриарха Гермогена. Но дабы удалить из Москвы людей, опасных для кандидатуры королевича Владислава, он выбрал в члены великого посольства к королю князя Голицына и митрополита Филарета Никитича Романова, как представителей тех родов, кои ближе других были к престолу и могли быть в руках поляков заложниками в пользу Владислава.

Когда уполномоченные прибыли под Смоленск, фанатичный ученик иезуитов Сигизмунд III сразу проявил намерение поработить Россию: требовал, чтобы послы заставили смольнян сдаться ему и вместо сына признали его самого царем России. Те, видя в этом гибель самостоятельности России, потерю ее независимости, стойко воспротивились этому. Узнав обо всем этом, Жолкевский уехал из Москвы, оставив ее во власти Гонсевского. Сердце восточной России сразу стало испытывать на себе тот польский гнет, который в это время так давил Киев и всю юго-западную Русь. Поляки в Москве стали теперь обращаться с русским народом как с „быдлом“, как с рабами Речи Посполитой, заносчиво, дерзко и жестоко. Москва и Россия начинают судорожные движения, чтобы освободиться от польских сетей...

Смерть самозванца, убитого крещеным татариним Урусом, развязала русским людям руки в Москве и других городах. Патриарх Гермоген убедился, что поляки не отпустят Владислава и, поработив Россию, погубят в ней и государство, и народность, и самую веру православную. Гонсевский, засевший в Кремле, в доме Годунова, стал вместе с изменником

Федором Андроновым отсылать к Сигизмунду русские царские сокровища: короны, сосуды, драгоценные одежды и прочее. Сколько в это время погибло вековых сокровищ Москвы!

Когда Жолкевский, захватив с собою постриженного в иноки Василия Шуйского, уехал из Москвы, а поляки, хозяйничавшие в Кремле, сняв с себя маску, стали теснить москвичей, поднимает голос против иноплеменников патриарх Гермоген. Он начал открыто говорить, что Владислава нельзя признать русским царем, потому что он не примет православия, а польские люди именем своего королевича заполнили все Московское государство, и в самом Кремле уже раздаются папское латинское пение. Патриарх дал православным людям разрешение от данной королевичу присяги и благословлял их подняться на иноземных, иноплеменных и иноверных пришельцев. Слово Гермогена развязывало русским людям руки. К этому присоединились еще грамоты от осажденных смольнян, которые призывали всех на защиту веры православной, поруганной поляками. Москвичи с благословения Гермогена присоединили к этой грамоте свою, призывавшую к освобождению самой Москвы и ее святынь от иноплеменников.

„Здесь, – говорилось в грамоте о Кремле, – образ Божией Матери, заступницы христианской, здесь великие святители Петр, Алексей и Иона чудотворцы“. Грамоты вызвали патриотическое движение народа, и северо-восточные города стали ополчать ратников. Во главе их стал даровитый Прокопий Ляпунов. Но русские люди еще не освободились от Смуты очистительным огнем страданий. Народное ополчение смешалось с отрядами прежних тушинцев, находившихся под начальством Заруцкого, Просовецкого и Трубецкого, и даже с шайками Сапег.

Изменники стали требовать от патриарха, чтобы он вернул назад уже двинувшееся к Москве ополчение, но он мужественно сказал: „Если все изменники и королевские люди выйдут из Москвы вон, то я отпишу ратным людям, чтобы они вернулись назад“. Семидесятилетний старец не устрасился и ножа, которым замахнулся на него Салтыков. Когда же патриарх в Успенском соборе после одной литургии сказал народу проповедь, полную призывов на защиту веры и отечества, поляки стали держать его под стражей. В Вербное воскресенье его освободили, ради шествия на осляти, но потом низложили с патриаршего престола, на который был возведен лжепатриарх Игнатий.

На улицах закипели битвы. Особенно горяч был бой на Сретенке и Лубянке. Им распоряжался князь Д. М. Пожарский; он отбил здесь поляков и заставил их уйти в Китай-город. У Введения на Лубянке, во Псковичах, или в Опасовичах, он поставил, вблизи своего дома (на месте 3-й гимназии) и богадельни, построенной им при существовавшей здесь церкви Св. Феодосия, укрепление. Бутурлин [Михаил Матвеевич] бился с поляками у Яузских ворот, Колтовской [воевода Иван Андреевич] – в Замоскворечье. Общими силами русских поляки были загнаны в Китай-город и Кремль. Тогда они решили сжечь Москву и подожгли сперва Белый город. Ветер благоприятствовал пожару. Проникли поляки, несмотря на сопротивление москвичей, и в Замоскворечье, подожгли и его в нескольких концах. Польский отряд среди пылавших улиц обошел князя Пожарского и ударил ему в тыл. Этот защитник Москвы целый день геройски отбивался от поляков, но был ранен и отвезен в Троицкую лавру.

Москва горела до четверга Страстной недели. Одновременно с этим она подвергалась страшному разграблению от поляков и немцев. В несколько дней большая часть Москвы выгорела. Лишь обгорелые остовы церквей да трубы торчали среди углей и пепла, на коих лежали массы мертвых тел. Мрачно смотрели поляки со стен Кремля и Китай-города на

пепелище Москвы, поджидая народных ополчений и слушая по ночам вой собак, глодавших человеческие кости.

На третий день Святой недели в сожженную Москву вступили ратники под начальством Ляпунова. На следующий день привел сюда Заруцкий казаков, а Трубецкой – калужан. Но те русские, кои, заняв Белый город, окружили поляков, не были готовы на совершение великого и святого дела. Среди них кипели раздоры, а казаки по-разбойнически относились к родной земле и ее народу. Этим воспользовался коварный Гонсевский и подбросил в казачий стан подложную грамоту от имени Ляпунова, требовавшую, чтобы русские люди избивали казаков, как собак. Казаки призвали к ответу Ляпунова и изрубили его саблями. Ополчение городов, лишившееся авторитетного предводителя, разошлось по домам, и под Москвой остались казаки да бывшие тушинцы.

Между тем и патриарх Гермоген был заключен поляками в подземелье Чудова монастыря, где этого святого мученика за Русь святую мучили голодом и терзали нравственно. Его призывный голос уже не был слышен из-под сводов подземелья. Даже в Успенском соборе не совершалась уже служба. Наступал самый ужасный момент в нашей истории. Разоренной Москве и России, казалось, уже неоткуда было ждать спасения».

Минин и Пожарский

И именно в этот момент русской истории, когда, казалось, столице России уже неоткуда было ждать спасения, на помощь Москве двинулось народное ополчение, созданное в Нижнем Новгороде земским старостой Кузьмою Захарьевичем Мининым и князем Дмитрием Михайловичем Пожарским.

Нижегородцы собрали тысячи рублей на ополчение, призвали к себе ратных людей из других городов России и в марте 1612 года выступили на освобождение Москвы. Остановившись в Ярославле, нижегородские отчизнолюбцы создали «Совет всей земли», в который вошли и священники, и дворяне, и члены Боярской думы, и посадские люди.

Во главе «Совета» стояли Пожарский и Минин, а их десяти тысячная рать включала и казаков, и крестьян, и отряды народов Поволжья.

В. В. Назаревский писал:

«Мы не станем передавать известных подробностей об этом народном ополчении, которое издавеча благословил умиравший в подземелье Чудова монастыря патриарх Гермоген. 18 августа оно подошло к Москве. Князь Трубецкой прислал звать князя Пожарского и его ратников в свой стан. Но тот, зная дух казаков, отказался от этого и расположился станом у Арбатских ворот. В это время подошли к Москве и поляки под начальством пана Ходкевича и остановились на Поклонной горе. Пожарский по левому берегу Москвы-реки двинул свое ополчение к Новодевичьему монастырю, а Трубецкой со своими казаками стал на правом берегу у Крымского брода (где теперь Крымский мост), чтобы не пропускать Ходкевича к Кремлю на соединение с польским гарнизоном.

22 августа, переправившись через реку, поляки напали на Пожарского. Хотя русские храбро отбивались, но едва не были подавлены. Казаки злонамеренно бездействовали, не подавая помощи своим. Но в самое критическое мгновение посланные Пожарским на помощь казакам по просьбе Трубецкого несколько сот ополченцев, несмотря на запрет, вырвались от казаков и поспешили на выручку товарищей; к ним присоединились некоторые казаки. Прибывшее подкрепление дало перевес русским, и побитые поляки отступили на Поклонную гору. В то же время были отбиты и поляки, сделавшие вылазку из Кремля; при этом у них отняты были знамена и много провианта.

23 августа поляки сделали вылазку из Кремля и в этот раз захватили укрепление у церкви Георгия в Яндове, за Москвой-рекой, а Ходкевич с Поклонной горы перешел к Донскому монастырю. Теперь против него были только казаки; но князь Пожарский, не помня зла, перешел к ним с большею частью своего войска. 24 августа, с рассветом, поляки ударили на наших с такой силой, что их смяли; Пожарский перешел назад через реку, а казаки ушли в свои таборы. Но келарь Авраамий Палицын уговорил казаков не покидать общерусского дела. Общими силами отнято было занятое поляками укрепление у церкви Климента на Пятницкой, и затем пехота залегла по ямам, чтобы не пропустить неприятеля в Кремль.

В это время Минин с тремястами охотников из дворян перешел через Москву-реку и ударил на стоявшие там у Крымского двора две польские роты. Те были смяты и побежали. Тогда залегшие в ямах ратники вместе с конницей бросились на поляков. Эти, потеряв 500 человек убитыми, направились к Воробьевым горам и на рассвете ушли от Москвы по Можайской дороге.

Таким образом, пан Ходкевич был прогнан от Москвы; но нужно было очистить сердце ее – Кремль – от поляков, сидевших здесь. Однако в это время открывается рознь между ополчением и казаками, которые хотели опять уйти из-под Москвы. Архимандрит Троицкой лавры святой Дионисий прислал казакам монастырские ризы, епитрахили и стихари. Те

устыдились и, возвратив к Троице присланное, обещали не покидать общего дела. Разногласие воевод, составивших правительство, было устранено; они решили съезжаться на Неглинной для совещаний.

Стали дружно готовиться к осаде Китай-города и Кремля. Поставили туры: один – на Софийке, у Пушечного двора, другой – у Георгиевского монастыря, сзади нынешнего Дворянского собрания, третий – у Всех Святых на Кулишках. Окопали рвом Замоскворецкий полуостров и загородили его плетнем. Осажденные терпели голод, питались трупами, но не сдавались. 22 октября казаки приступом взяли Китай-город, но поляки держались еще в Кремле, выпустив оттуда боярских жен. Наконец, томимые голодом, осажденные начали переговоры о сдаче и, когда им обещано было сохранение жизни, прежде всего выпустили из Кремля бояр, в числе коих были Иван Никитич Романов и его племянник Михаил Феодорович с матерью инокиней Марфой, вынесшие много ужасов от поляков и от самой осады. На следующий день сдались и поляки с паном Николаем Струсем во главе.

27 ноября 1612 г. на Красную площадь двинулось ополчение князя Пожарского от церкви Иоанна Милостивого, а казаки князя Трубецкого – от церкви Казанской за Покровскими воротами. Когда рать, сопровождаемая народом с крестами и образами, подошла к Лобному месту и святой Дионисий начал служить здесь благодарственный молебен, из Спасских ворот показались кремлевские хоругви и духовенство, несшее икону Владимирской Божией Матери. Глубоко растроганный народ при виде этой великой святыни залился слезами радости и пал на колени пред этим крестным ходом. По окончании молебна на Лобном месте войска и народ радостно вступили в Кремль, хотя он и был страшно опустошен. В Успенском соборе совершено было молебствие и затем началась литургия, не совершавшаяся здесь в течение осады. В это тяжкое время первопрестольный собор Всея Руси заменялся собором Успения на Крутицах, бывшим кафедрой митрополитов Сарских и Подонских».

НАЧАЛО ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Михаил Федорович Романов

Михаил Федорович Романов родился 12 июля 1596 года и приходился двоюродным племянником царю Федору Ивановичу – последнему прямому потомку Ивана Калиты из династии Рюриковичей.

Мы уже знаем, что Федор Иванович умер 6 января 1598 года бездетным, когда Мишеньке Романову шел второй год.

Нам известно, как сложилась судьба его родителей, его родственников, его сестер и братьев, а также и его собственная судьба, когда четырехлетним разлучили его с отцом и матерью и отправили на Белое озеро, а потом в Клин Юрьевского уезда.

Когда же исполнилось Михаилу девять лет, был он возвращен в Москву соизволением нового русского царя Лжедмитрия I.

В конце концов, оказался он вместе с матерью в одной из романовских вотчин – селе Домнине, находившемся недалеко от Костромы.

Однако прожили сын и мать в Домнине совсем недолго из-за того, что вокруг беспрестанно шныряли шайки интервентов-поляков, и потому вскоре переехали они в костромской Ипатьевский монастырь.

А оставшиеся в Москве победители-ополченцы создали общероссийское правительство, облеченное всенародным доверием. В январе 1613 года в Москве собрался Земский собор, на котором присутствовали все те, кто формировал «Совет всей земли», и, кроме того, представители крестьян.

Собор единогласно постановил: «никого из немецкой веры и никаких иноземных государств на Московское государство не избирать».

Когда же одну за другой обсуждали кандидатуры отечественных претендентов – князей Пожарского, Трубецкого, Голицына, Мстиславского, то каждая из этих кандидатур была почему-либо отвергнута, и вдруг совершенно неожиданно появилось имя Михаила Романова, потому что пришло оно не от членов Собора, а от людей, стоявших за стенами кремлевских палат.

Кроме того, имя Михаила Романова было предложено во многих письмах дворян, купцов, обывателей городов, казаков и поддержано участниками Земского собора.

Как только Михаил был избран на Соборе царем, его кандидатура была поддержана огромной толпой москвичей, собравшихся на Красной площади.

От Кремля до Ипатьевского монастыря и обратно

Вслед за тем в Кострому направилось большое посольство из разных людей во главе с рязанским архиепископом Феодорием и боярином Федором Ивановичем Шереметевым.

Ксения Ивановна и Михаил встретили их перед воротами Ипатьевского монастыря, и Феодорий вручил прошение Земского собора об избрании Михаила на царство.

Михаил разнервничался и даже заплакал, заявив, что ни за что не станет царем.

Было ясно, что просьба эта не застала Михаила врасплох, потому что мать его Ксения Ивановна обстоятельно обосновала отказ сына, сказав делегатам, что сын ее в несовершеннолетних летах, а с таким государством и взрослый законный государь не управится, потому что «Московского государства всяких чинов люди измалодушествовались и стали клятвопреступниками и убийцами, а еще нельзя соглашаться на престол, ибо разграблены все царские сокровища, все поместья разорены и опустошены, а служилые люди вконец обедняли и жалованья им платить не из чего, почему они и против многочисленных недругов стоять не могут».

Долго уговаривали посланцы мать и сына, и только когда сказали они, что глас народа есть глас Божий, а всякий, кто гласа Божьего не слушает, навлечет на себя его гнев, – только тогда Ксения Ивановна согласилась и велела дать согласие и сыну.

Вскоре Михаил и царица-мать выехали из Костромы в Москву и ехали туда целый месяц, по дороге рассылая грамоты, в которых царь требовал от бояр и «начальных людей», чтоб стояли они «в крепости разума своего», служили бы честно и прямо, не признавали бы царями никаких самозванцев, призывал их беспощадно карать воров и разбойников и быть меж собою в единстве и любви.

Получавшие такие грамоты воеводы и начальные люди рассылали их своим подчиненным с такими же призывами и требованиями, прилагая к ним «присяжные записи» и тем самым приводя всех свободных людей государства к присяге новому царю.

А сам Михаил Федорович ехал к Москве с великим смыслом: его путь лежал через Ярославль, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Троице-Сергиев монастырь – самые авторитетные и сильные города и обители, лежащие между Костромой и Москвой, чье население только что показало себя в борьбе со Смутой с самой лучшей стороны, и в каждом из этих пунктов он заручался поддержкой их жителей, а его приближенные разъясняли, что он намерен делать, обосновавшись в Кремле.

2 мая 1613 года Михаил Федорович торжественно въехал в Москву под звон всех колоколов, а 11 июля произошло его венчание на царство.

Новый царь и его советники создали правительство, в котором были представлены все, кого следовало примирить после окончания многолетней Смуты и дать каждому послужить на благо отечества.

К чести нового царя следует отметить, что никто не попал в опалу, ни один человек не был казнен, но любому была предоставлена возможность показать, на что он способен в деле возрождения России. И все же и над Михаилом Федоровичем довлело то, что было неотъемлемым принципом самодержавия: ключевые посты в правительстве занимали его родственники, ближние и дальние, но все же принадлежавшие к дому Романовых: сами Романовы, Салтыковы, Шереметевы, Черкасские, Лыковы, Оболенские, Троекуровы, Катывевы-Ростовские и прочие.

Отмечены были и руководители народного ополчения: Пожарский стал боярином, Минин – думным дворянином, князь Трубецкой получил богатую вотчину. Внутри страны воеводы нового царя подавили остатки мятежных отрядов, а также пошли под Смоленск,

Новгород и Астрахань, которые еще были заняты поляками, шведами и «бунташными» казаками.

Следовало выбрать тактику борьбы с неприятелями, избавляясь от них последовательно, от одного за другим.

Было решено прежде всего вывести из войны шведов, и для этого новое правительство вступило в прямые переговоры со шведским королем Густавом-Адольфом II и попыталось привлечь на свою сторону дружественные России государства.

К иностранным государям отправились лучшие московские дипломаты, чтобы привлечь на свою сторону и австрийского императора, и голландского штатгальтера, и английского короля.

При помощи последнего – Якова I Стюарта – удалось подписать мир со Швецией.

Столбовской мир со Швецией

Летом 1615 года шведская армия во главе с королем Густавом-Адольфом II осадила Псков. Почти три месяца оборонялся город, и шведы поняли, что силой они ничего сделать не могут. Этим-то обстоятельством и воспользовались русские, предложив начать мирные переговоры. В октябре того же года переговоры начались и длились около полутора лет. Лишь 23 февраля 1617 года они завершились подписанием «вечного» мира.

Это произошло в соседней с Тихвином деревне Столбово, давшей свое название переговорам и договору о мире.

Шведы отдали Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу и Гдов, оставив за собой западную часть Ижорской земли – Ивангород, Копорье и Ям, которыми владели еще почти сто лет.

Однако об этом будет рассказано подробнее, когда речь пойдет о Северной войне между Швецией и Россией, происходившей в 1700–1721 годах.

Последняя попытка поляков взять Москву

А Филарет между тем все еще оставался в плену. Год шел за годом, положение его в течение шести лет не менялось.

В 1617 году сын короля Сигизмунда Владислав, надеясь вернуть себе русский трон, вторгся в русские пределы и быстро двинулся к Москве. С юга шли к Москве союзные полякам казаки гетмана Сагайдачного.

В сентябре 1618 года Владислав вошел в Тушино, а казаки остановились у Донского монастыря. Москва вновь оказалась в большой опасности.

1 октября интервенты начали приступ, прорвались к Арбатским воротам, но были отбиты войсками князя Пожарского и отступили к Калуге.

Сломить Россию новой интервенцией не удалось, и тогда Владислав и его союзники решили попробовать решить дело миром.

Окончание войны с Речью Посполитой

И вновь предлагаю очередной фрагмент из статьи В. Г. Вовиной, в котором пойдет речь о взаимосвязи между статусом Филарета и окончанием войны России с Речью Посполитой. Исследовательница писала, что «до избрания на русский трон Михаила наблюдение за его отцом, очевидно, было не столь уж неусыпным. Он даже смог наладить некоторые связи с родиной, хотя неизвестно каким путем. По одному позднему свидетельству, он писал боярину Ф. И. Шереметеву и давал советы по поводу избрания государя. В одном письме он отвергает кандидатуру Владислава и призывает избрать иную особу, которой должны быть предъявлены определенные условия. Известны также письма к нему сына и брата, правда, уже присланные после 1613 года. В грамотах же того времени он уже называется „митрополитом всея Руси“, тем более что на кафедру в Ростов вернулся его предшественник Кирилл. Избрание Михаила не было поэтому для Филарета неожиданностью. Письмо Шереметеву писано, конечно, также не без тайного умысла. Теперь статус мальборкского пленника изменился и для Москвы, и для Варшавы. В официальных русских документах сообщалось, что Филарет будет сразу же выменян на пленных поляков. Однако разрешение этого вопроса затянулось, так как война не была закончена.

В октябре 1614 года новый русский царь прислал к отцу игумена московского Сретенского монастыря Ефрема, и тот остался жить в Мальборке. В декабре того же года в Варшаву прибыл официальный посланец царя Ф. Желябужский. Он привез письма, подписанные боярами, так как Сигизмунд все еще не признавал избрания Михаила. Одним из требований посланника было свидание с Филаретом, для чего последнего привозили в Варшаву, где он останавливался в доме канцлера Л. Сапеги. Очевидно, при свидании Желябужский имел поручение не только спрашивать митрополита о здоровье, но и советоваться об условиях будущего договора между Россией и Польшей.

В столице в это время заседал сейм, решивший совершить „размену“ и даже пославший для этой цели гонцов в Москву. По свидетельствам перебежчиков, Филарет и Голицын присутствовали на нем. Кроме того, в Варшаве они вновь увиделись с Сигизмундом, который часто приглашал их к своему столу. Однако в ответ на известие, что обмен пленными может состояться, оба узника якобы ответили, что мена – ни их, ни их дворян – не надобна, „что они послы, а не вязни“ („вязень“ – узник. – В. Б.). Но обмен неминуемо должен был состояться. Ведь была еще одна, не менее заинтересованная в нем сторона. В Нижнем Новгороде, Ярославле, Галиче, Вологде и Белоозере в невероятно тяжелых условиях пребывали полковники Струсь, Будила и другие взятые в плен воины польского гарнизона Кремля. Их приятели и жена Струся передавали в Польше Филарету деньги и „рухлядь“.

Однако окончательно все решил исход военных действий. Готовясь к решительным действиям против Москвы, Сигизмунд, по свидетельству польских источников, в 1616 году еще пытался вести переговоры сепаратно с Голицыным, требуя написать боярам послание, чтобы они признали царем Владислава. Голицын отказался, а поход королевича на Москву не удался. И тогда выяснилось, что обе стороны нуждаются в передышке, а проку от пребывания Филарета в Мальборке для Польши нет никакого».

Деулинское перемирие

Конец войны между Россией и Речью Посполитой был оформлен 1 декабря 1618 года в селе Деулино. Этот документ считается точкой, поставленной в конце Смуты.

Переговоры в селе Деулине, соседнем с Троице-Сергиевым монастырем, начались осенью 1618 года, когда туда приехали русские дипломаты во главе с боярином Шереметевым и встретились там с польскими делегатами, которых возглавлял полномочный королевский посол Новодворский.

Поляки исходили из того, что Владислав не отказывается от своих прав на русский престол, но согласен заключить перемирие на четырнадцать с половиной лет.

Польская делегация настояла на том, что на этот же срок от России отторгаются Смоленск и еще двадцать восемь других, более мелких городов.

Русские потребовали размена пленных, и Новодворский с ними согласился. Это означало, что и патриарх Филарет должен вернуться в Москву.

Во исполнение Деулинского перемирия Филарет был отпущен на свободу и торжественно въехал в Москву 14 июня 1619 года.

«Вместе с Филаретом, – пишет В. Г. Вовина, – возвращались другие знатные пленные, в их числе защитник Смоленска боярин М. Б. Шеин. Другим, как боярину князю В. В. Голицыну, уже не довелось вернуться. Он умер по дороге в Вильно, и гроб с его телом продолжал путь на родину. Тело также увезенного в Польшу и умершего в плену царя Василия Ивановича Шуйского осталось погребенным в стенах Гостынского замка.

Прибытию Филарета приличествовала торжественная встреча. Государь указал в первой встрече в Можайске быть архиепископу Рязанскому и Муромскому Иосифу, боярину князю Д. М. Пожарскому и окольникему князю Г. К. Волконскому.

В Звенигороде „у Саввы Сторожевского“ встречали Филарета архиепископ Вологодский и Великопермский Макарий, Чудовский архимандрит Авраамий, Ипатьевский архимандрит Иосиф, боярин В. П. Морозов да думный дворянин Г. Г. Пушкин. На последнем же „стану“ от Москвы, в селе Хорошеве, ждали митрополит Сарский и Подонский Иона, архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, боярин князь Д. Т. Трубецкой и окольникий Ф. Л. Бутурлин».

А дальше В. Г. Вовина указывает на еще один очень важный аспект окончания смутного времени, когда практически по отношению ко многим участникам Смуты стала действовать амнистия, а лучше сказать – забвение и прощение всех деяний, которые совершены были участниками этой великой «замятии», независимо от того, кто, где и когда воевал на какой угодно стороне. Это было совершенно очевидно по тому, как отнеслись к Филарету разные люди – в недавнем прошлом его друзья и его враги.

«Филарета „встречали“ главные герои отшумевшей Смуты, те, чьи пути не раз пересекались с его собственными. Кто, как не Гаврило Пушкин вместе с Наумом Плещеевым, привез когда-то в Москву „прелестные“ грамоты Лжедмитрия I и читал их всенародно на Лобном месте? И не с Трубецким ли вместе Филарет „сидел“ в таборах у Лжедмитрия II, „Тушинского вора“, и стал там впервые патриархом, как тот – боярином? И не тому же ли Трубецкому с Пожарским суждено было затем разрубить гордиев узел, взяв у поляков Москву осенью 1612 года? И не архимандрит ли Дионисий рассылал тогда из Троицы патриотические воззвания, призывая не покоряться „литве“? Наконец, не боярин ли Морозов вышел шесть лет назад на февральский снег Красной площади и объявил об избрании царем 16-летнего Михаила Романова? Царь, встречая отца, отвесил ему земной поклон: „Его же благочестивый царь Михаил срет далече от царствующего града яко пять

поприщ и с коня ссед, пешима ногама сему предходя и честь достойную сему принося, и главу яко отцу и учителю к ногам сего покланяет; тако же и сей земли касается, и сына яко царя в лепоту почитает: и оба лежаста на земли, ото очию яко реки радостные слезы пролияша“».

Патриарх и «Великий Государь»

22 июня в Золотой палате Кремля Михаил торжественно «умолил» отца принять патриаршество, одновременно вручив власть». О том, как получил он сан патриарха в первый раз, было забыто.

«И уже не „воровской“ патриарх, а законный, венчанный 24 июня Константинопольским патриархом Феофаном, Филарет сразу стал более чем главой церкви. Он стал официально именоваться великим государем – формально соправителем своего сына. На деле же – сосредоточил все в своих руках. Теперь, на 64-м году жизни, что, по меркам XVII в., означало глубокую старость, Филарет, наконец, получил власть. Он был хвор телесно, но дух его закалился в испытаниях. У него был свой план государственной политики. Этот план преследовал определенные цели – свести счеты с Сигизмундом».

«Между тем с 1622 г. Филарет отказывается от идеи опоры на представителей „всея земли“ и перестает собирать „земские соборы“, чувствуя свою власть уже достаточно сильной. Он официально именовался „великим государем и патриархом“, соединяя в одном лице верховную светскую и духовную власть в государстве, освященную к тому же авторитетом царского родителя – писала В. Г. Вовина, раскрывая и конкретный механизм его власти. – Филарет являлся истинным государем, на котором лежало решение всех духовных и светских вопросов.

Положение его как великого государя подчеркивалось учреждением особых патриарших стольников, по численности равных стольникам царским. В боярских списках за 20-е годы XVII в. они шли вслед за государевыми стольниками, правда, по знатности в целом уступали им; даже те их них, кто имел княжеский титул, принадлежали обычно к захудалым родам. Патриаршие стольники набирались из жильцов, городских детей боярских. Поместные оклады их также были ниже, чем у царских. Формально входя в состав государева двора, они несли службу непосредственно при особе Филарета, то есть на патриаршем дворе.

Кроме того, Филарет учредил несколько особых патриарших приказов. Они управляли и патриаршим двором, и делами патриаршей епархии, расположенной в сердце России и равной по размерам европейскому государству. Царской грамотой 1625 г. эта область превращалась, по сути, в „государство в государстве“, где полновластным правителем становился патриарх».

Хлопоты отца-патриарха о счастье сына

В 1619 году, когда Филарет вернулся в Москву, его сыну Михаилу было ровно двадцать пять лет. Несмотря на довольно зрелый возраст, он еще не был женат, хотя за три года до появления в Кремле отца попытался было жениться.

Летом 1616 года, после обычных для того времени царских смотрин, из сотен пригожих и красивых девиц отобрал Михаил более всех понравившуюся ему Марию Ивановну Хлопкову – девушку, конечно же, из дворянской семьи, но не очень знатной и совсем небогатой.

Михаила обручили, но до свадьбы дело не дошло: невеста заболела. Было решено – дело отложить, ибо риск был велик: больная царица, кому она нужна?

Марию и ее родственников отвезли в Тобольск и постарались эту печальную историю предать забвению.

Когда же через три года после случившегося из Польши возвратился Филарет, он заинтересовался странной болезнью девушки и выяснил, что царская невеста стала жертвой оговора двоюродного брата Михаила – его тезки – Салтыкова.

Филарет велел вернуть Марию в Москву, ее родственников – в Нижний Новгород, а интригана отправил в ссылку.

Следовало подумать о продолжении не просто рода Романовых, но о продлении новой царской династии.

Филарет взялся за дело основательно, и русские послы, отправляющиеся за границу, стали искать для своего царя подходящую невесту, но один брачный проект сменялся другим, а дело с места не двигалось.

Наконец, через пять лет, в августе 1624 года устроили еще одни смотрины и отобрали для жениха боярышню, княгиню Марию Владимировну Долгорукову. Но через четыре месяца, 7 января 1625 года, она умерла.

Жених-царь и невеста-нищенка

На следующий год после смерти Марии Долгоруковой в Москве снова собрали на царские смотрины сотни невест-красавиц. Смотрины еще готовились, а сотни претенденток с замиранием сердца ждали решения своей участи.

Однажды Михаил Федорович шел по Кремлю неброско одетый, будто боярский сын или заезжий княжич. И вдруг он увидел двух девушек, шедших впереди него.

Одна из них, богато одетая и всячески изукрашенная, шла впереди, вторая – бедно прибранная, без единого украшения – шла следом за нею опустив глаза.

Царь остановился, стараясь остаться незамеченным. Девушки вошли в церковь, а Михаил Федорович, поозиравшись, заметил Никиту Вельяминова, одного из своих кравчих, и велел ему войти в церковь, узнать, кто такие эти девицы, и сделать все так осторожно, чтобы ни одна из них о том не знала.

Через час Никита доложил, что боярышня из Можайска, а привезли ее на смотрины, а служанку ее отправили с нею вместе, и зовут бедную девушку Евдокией Стрешневой, а отец ее Лукьян Стрешнев – дворянин-однодворец и живет где-то поблизости от Можайска.

Трое следующих суток пребывал Михаил Федорович будто в бреду – так сильно понравилась дотоле неведомая Евдокия Лукьяновна Стрешнева. За эти дни сумел он узнать, что Евдокия осталась сиротой, когда была еще отроковицею, и когда отец ее ушел на войну с поляками, то упросил дальних родственников ее покойной матери взять девочку в дом свой на воспитание. А когда через несколько лет вернулся обратно, то нашел свой дом опустевшим, раскраденным и разоренным, поля свои заросшими бурьяном, а деревеньку свою вконец обезлюдившей. Сказалась Смута и на его вотчине. И остался в деревеньке всего один двор, и сидел на том дворе единственный его холоп – стражник-бобыль Каллистрат, у коего, как и у его боярина, не было ни семьи, ни скарба, ни рухляди.

Вздохнул помещик Лукьян Степанович Стрешнев и поехал в Можайск поглядеть на свою дочь. А приехав, и возрадовался, и опечалился. Возрадовался оттого, что увидел юную красавицу, а поговорив, узнал, что Евдокиюшка и грамотна, и умна, и сердцем добра.

А опечалился оттого, что была его дочь не то приживалкой, не то служанкой у своей троюродной сестры – злой, завистливой и спесивой.

Хотел было отец забрать дочь с собою, да подумал: «А куда? Под дырявую крышу, под коей – стол, скамья да две плоски?» И оставил дочь скрепя сердце.

Когда узнал Михаил про это, то решился на невиданное и дотоле неслыханное: попросил отца-патриарха и мать-царицу выслушать его по делу великому – о суженой его – и судьбу их решить, как будет угодно им и Господу. Он знал, что разговор легким не будет, но поклялся Богу и самому себе, что от намерения своего не отступит и скорее примет схиму, чем откажется от бедной сироты.

Поближе к вечеру пришел он на половину патриарха Филарета Никитича, где была уже и матушка его – царица Ксения Ивановна. И лишь поближе к утру вышел он оттуда.

Царский тесть – Лукьян Стрешнев

В полдень обоз из тяжелых рыдванов выехал из Москвы к Можайску. После двухдневной дороги и долгих расспросов отыскивали царские посланцы одинокую избу, из которой вышел нечесаный мужичонка в лаптях и зипуне из мешковины и сказал, что кличут его Каллистратом, что живет с барином в этой вот избе, а сам барин ныне пашет землю.

Каллистрат ткнул пальцем в сторону, и московские гости увидели пахаря, шедшего за плугом босиком, в старых портах и рваной рубахе. Заметив господ, пахарь остановил лошадь и пошел им навстречу.

И Каллистрат, и его барин несказанно удивились, когда все господа стали низко кланяться Лукьяну Степановичу и даже Каллистрату ласково и дружелюбно улыбаться. Старший из них сказал, что отныне Лукьян Степанович – царский тесть, а патриарху сват. Стрешнев начал молить их Христом, чтобы перестали шутить над ним, просил поискать кого-нибудь другого, того самого, к кому они и ехали. Но господа стояли на своем... Взяв его под руки, повели к избе.

А там стояли всего две лавки. На одной барин спал, накрывшись зипуном, на другой – присаживался к столу. Были в избе и еще несколько вещей: старый ковер, висевший на стене рядом с косой и конским седлом, образок Богородицы да лежала на столе книга – молитвенник в кожаном переплете.

«Лукьян! Помни, кем был!»

Патриарх и царь подарили своему новому родственнику богатый дом, полный добра: были тут и серебряная посуда, и шубы, и шапки, и сафьяновые сапоги, и множество кафтанов, и венецийские зеркала, и крытые бархатом лавки, и многое-многое иное. И велели быть при нем, новом боярине, и дюжине слуг.

Когда же остался Лукьян Степанович в доме один, без богатых и знатных гостей, то ушел он в свою спаленную палату, позвал Каллистрата, и они вынесли кровать, застеленную перинами, и поставили у стены широкую деревянную лавку, покрыв старым ковром, доставшимся Лукьяну Степановичу в наследство. Потом повесили по стенам сермяжный кафтан, в каком пахал Стрешнев землю в своей вотчине, разместили рядом косу да цеп. Вслед за тем повесил он в углу образ Богородицы, также привезенный с собой, а под ним приколотил маленькую полочку, на которую ставил под образ свечи. И положил на ту полочку молитвенник, тоже доставшийся ему от родителей.

А вслед за тем вышел Стрешнев из спаленного покоя к слугам. Спросил перо и чернил. С немалым смущением старый слуга ответил:

– Не гневись, боярин Лукьян Степанович, в избе твоей чернил нет.

– Что за беда, – ответил Стрешнев. – Изба – не приказ, чернил-перьев в ней может и не быть. А все же раздобудь, принеси.

Слуга принес и чернил, и перьев. Боярин все взял и сказал:

– А теперь ступай прочь, живи, где прежде жил, и другим слугам то же самое передай.

С тем и ушел в спаленную палату, оставив при себе одного Каллистрата.

Слуги в недоумении покинули дом, не без страха гадая: за что такая немилость? А немилости не было. Не нужны были челядинцы царскому тестю, просто-напросто он даже и не знал, что ему с ними делать.

Лукьян Степанович подошел к столу, раскрыл молитвенник и на обратной стороне обложки начертал: «Лукьян! Помни, кем был!»

Заключительный аккорд

Заканчивая историко-биографический очерк о Филарете, В. Г. Вовина пишет: «В последние месяцы жизни еще недавно всемогущий патриарх теряет „бразды правления“. Он уже не заправляет самолично внешними делами и даже вынужден придумывать специальную тайнопись, азбуку „затейного письма“, в отчаянной попытке снестись со своими сторонниками в Швеции. Да и ту его принуждают отдать в Посольский приказ. А Владислав тем временем уже под Смоленском осаждает армию Шеина, для которого этот город стал поистине роковым. Другие воеводы не поспешили на помощь к любимцу патриарха. Да и помощь эту не так легко было собрать. И Филарет не выдержал такого удара судьбы. 1 октября 1633 г. патриарх умер, так и не узнав об окончательном поражении и капитуляции армии Шеина.

Как сообщает Фоккеродт, „царь Михаил от всего сердца наскучил тем игом, под которым находился, и не очень-то горевал, когда закрыл глаза старый патриарх, с досады и огорчения на плохой успех затейного им предприятия на Смоленск“. И действительно, уже 4 октября Михаилу Салтыкову был послан указ об освобождении из опалы. Вернулись и его брат, и все опальные дьяки, дорвались, наконец, до власти Стрешневы. Возшел на плаху Шеин, обвиненный в измене.

Новый патриарх Иоасаф, выбранный, впрочем, еще самим Филаретом, не желавшим сильного преемника, отличался слабым характером. Распался штат патриарших стольников. И старым временщикам, вновь воцарившимся „на верху“, вероятно, казалось, что навсегда исчез сам дух сурового и властного правителя, ревнителя традиций, „столпа православия“, гонителя всего западного, стоявшего у истоков царской династии Романовых».

С этих пор и до своей кончины Михаил Федорович был полновластным государем. Что же касается его семейной жизни, то следует сказать, что Евдокия Лукьяновна и Михаил Федорович любили друг друга всю жизнь.

Они прожили вместе двадцать лет, имели десять детей – семь дочерей и троих сыновей. Из мальчиков дожил до совершеннолетия только один Алексей – будущий русский царь, а из девочек – трое.

Михаил Федорович и Евдокия Лукьяновна умерли друг за другом – в июле и августе 1645 года. Жена пережила мужа всего на три недели и ушла в иной мир, так и не успев сыграть ни одной свадьбы детей.

Волею судьбы продолжателем рода Романовых стал их сын – Алексей Михайлович. Во время смерти родителей ему шел семнадцатый год.

В. О. Ключевский о Михаиле Федоровиче и его времени

Уважаемые читатели! Оторвемся на время от преимущественно фактологического изложения событий и познакомимся с взглядом на весь общий период Смуты – период очень запутанный и сложный.

О нем было высказано множество интересных соображений, но мы, не имея возможности привести хотя бы малую часть их, остановимся лишь на двух высказываниях В. О. Ключевского. Вот одно из них: «Бедствия Смутного времени соединили последние силы русского общества для восстановления разрушенного государственного порядка. Представительный собор был создан этим вынужденным общественным единодушием и поддерживал его. Народное представительство возникло у нас не для ограничения власти, а чтобы найти и укрепить власть, в этом его отличие от западноевропейского представительства. Но, создав и поддержав власть, собор, естественно, становился до времени ее участником и со временем мог стать в силу привычки постоянным сотрудником. Помешало то, что нужды восстановленного государства при правительственном способе их удовлетворения расстроили вымученное бедой общественное единодушие, заставили разбить общество на обособленные сословия».

И вторая мысль Ключевского: «Когда царь Михаил, сев на разоренное царство, через посредство Земского собора обратился к земле за помощью, он встретил в избравших его земских представителях преданных и покорных подданных, но не нашел в них ни пригодных сотрудников, ни состоятельных плательщиков. Тогда пробудилась мысль о необходимости и средствах подготовки и тех и других, о том, как добываются и дельцы, и деньги там, где того и другого много, тогда московские купцы могут доставить „кормление“, заработок бедным русским людям, научив их своим мастерствам и промыслам.

С тех пор не раз повторялось одно образное явление. Государство запутывалось в нарождавшихся затруднениях, правительство, обыкновенно их не предусматривавшее и не предупреждавшее, начинало искать в обществе идеи и людей, которые выручили бы его, и, не находя ни тех, ни других, скрепя сердце обращалось к Западу...»